

ISSN 2312-3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И К А З А Н С К О М У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

Том 39, № 1–2
2019

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В КАЗАНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК РТ

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 39, №1-2

КАЗАНЬ, 2019

**ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

2018. Том 39, № 1-2.

ISSN 2312-3400

**Научный журнал
Издаётся с 2017 года**

Учредители: Хайрутдинов Р.Р., Ситдинов А.Г.
Издатель: редакция журнала

Адрес издателя: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИ № ФС
77-72116 – печатное издание от 29.12.2017.

Периодичность: 4 выпуска в год

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: kvmkufu@mail.ru
Сайт журнала: <https://ioaie.ru>

Дата выхода выпуска в свет: 25.06.2019
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84/16.
Тираж 500 экз. Отпечатано
с готового оригинал-макета в типографии Издательства
Казанского университета. Адрес типографии: 420008,
г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28

Главный редактор

Напольских Владимир Владимирович, доктор истори-
ческих наук, профессор КФУ, профессор кафедры куль-
турологии Удмуртского государственного университета
(Ижевск), член-корреспондент РАН

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович, кан-
дидат исторических наук, доцент, председатель Совета
отделения Российского исторического общества в Ка-
зани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор историче-
ских наук, член-корреспондент РАН, главный научный
сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института
этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головнёв Андрей Владимирович, доктор историче-
ских наук, профессор, член-корреспондент РАН, дирек-
тор Этнографического Бюро, директор Музея антропо-
логии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических
наук, ведущий научный сотрудник Института археоло-
гии АН РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологиче-
ских наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).
Михай Хоппал, Dr. hab., профессор, президент
International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор историче-
ских наук, профессор, академик РАН, директор Инсти-
тута востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор историче-
ских наук, профессор, академик РАН, генеральный ди-
ректор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор истори-
ческих наук, профессор Казанского государственного
института культуры и искусств (Казань);

Ситдинов Айрат Габитович, доктор исторических
наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор
Института археологии АН РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий
кафедрой финно-угроведения Гёттингенского универ-
ситета (Гёттинген).

Юха Янхунен, Dr. hab., профессор, заведующий кафе-
дрой восточноазиатских исследований Хельсинкского
университета (Хельсинки).

Распространяется бесплатно

© Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2019

**PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Volume 39, issue 1-2.

ISSN 2312-3400

Editor-in-chief

Vladimir V. Napol'skikh, Doctor of history, Professor of the Udmurt state University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Kazan).

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Professor, Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2017 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Founders: Ramil R. Khayrutdinov, Ayrat G. Sitdikov

Address of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

Аннотация: В монографии рассматривается история развития музейного этнографического собрания Императорского Казанского университета в XIX – первой четверти XX вв.: показаны основные факторы, влияющие на формирование и структурные преобразования данного собрания. На основе анализа архивных и музейных материалов реконструированы основные направления развития этнографического собрания во взаимосвязи с развитием этнографии как науки и учебной дисциплины в Казанском университете. Особое внимание уделено роли научных обществ и отдельных ученых в этих процессах.

Монография адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами истории этнографии и музейного дела.

Ключевые слова: этнография, музей, музейное собрание, коллекция, история науки, экспедиция, традиционная культура.

Для цитирования: Гущина Е. Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития. *Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. Казань, 2019; 39(1-2).

Abstract: In the monograph the history of formation and development of museum ethnographic collections of the Imperial Kazan university in XIX – the first quarter of the 20th centuries is considered. The major factors influencing formation and structural transformations of this meeting are defined. On the basis of the analysis of archive and museum materials the main directions of development of the ethnographic museum in interrelation with development of ethnography as science and subject at the Kazan University are shown. Special attention is paid to a role of scientific organizations and scientists in these processes.

Keywords: ethnography, museum, museum objects, collection, science history, expedition, traditional culture.

For citation: Gushchina E. Ethnographic collections of the Imperial Kazan university: history of formation and development. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete* = *Proceedings of the society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. Kazan, 2019; 39(1-2).

**Гущина
Елена Геннадьевна**

**Этнографическое собрание
Императорского Казанского
университета: история
формирования и развития**

**Ethnographic collections of the Imperial
Kazan university: history of formation
and development**

Введение

Современный уровень развития науки характеризуется повышенным интересом к истории академических исследований, изучению историографических проблем, воссозданию образов конкретных учёных, их общественной и просветительской деятельности. Одной из малоизученных проблем в истории этой сферы является вопрос о становлении и развитии, задачах и проблемах науки в провинции, в частности в Казанской губернии.

Центром развития этнографии в Поволжье стал Императорский Казанский университет. Профильные музеи Казанского университета являются неотъемлемой частью развития разных научных направлений. Они создавались как учебно-вспомогательные подразделения для реализации учебно-методических, научно-исследовательских и культурно-просветительских задач. На основе изучения истории формирования коллекций профильных музеев университета можно более полно представить процесс становления и развития науки в Казанском университете и Казанском учебном округе в целом.

Современный Этнографический музей Казанского (Приволжского) федерального университета возник в 1913 г. путем объединения нескольких этнографических собраний, существовавших в рамках разных структурных подразделений университета. В настоящей работе термин *«этнографическое собрание»* обозначает совокупность этнографических предметов и коллекций, характеризующих материальную и/или духовную культуру народов, которая имеет определенные организационные формы в виде кабинета, музея или отдела в структуре Императорского Казанского университета. Термины *«кабинет»* и *«музей»* применительно к теме нашего исследования часто в источниках и литературе используются как слова-синонимы. При этом стоит отметить, что понятие *«кабинет»* шире, т. к. часто в составе одного такого структурного подразделения университета было несколько кабинетов, музеев или

отделов (например, в рамках Кабинета географии и этнографии Императорского Казанского университета в 1913-1920 гг. существовало три музея – этнографический, археологический и антропологический).

Структура этнографического собрания Императорского Казанского университета соответствовала ходу развития этнографии и как науки, и как учебной дисциплины на конкретном временном этапе и менялась вместе с научными приоритетами на протяжении XIX – первой четверти XX вв. На историко-филологическом факультете находился Музей отечествоведения, этнографические коллекции которого формировались с момента открытия университета. На физико-математическом факультете при кафедре географии и этнографии функционировал Кабинет географии. При Обществе археологии, истории и этнографии существовал музей с археологическим, нумизматическим и этнографическим собраниями.

Процесс формирования этнографического собрания шел параллельно на естественнонаучных и гуманитарных направлениях. Это отражало специфику структурной организации и определения этнографии в системе наук в Императорском Казанском университете, что, в свою очередь, повлияло на характер методологии этнографических исследований. Особенностью Казанской этнографической школы, в том числе и в вопросах музейного дела, стало комплексное рассмотрение природно-географических и социальных явлений, их взаимодействие и взаимообусловленность, что является важным фактором формирования бытовой культуры любого народа. Реконструкция истории формирования и развития этнографического собрания, состава его коллекций, смены направлений комплектования и исследовательской оценки собранных предметов позволяет более полно представить картину теоретического оформления этнографии как науки. Детальное рассмотрение проблематики формирования этнографического собрания Императорского Казанского университета в контексте общих процессов развития этнографического знания и музейного дела в XIX – начале XX вв. позволяет осмыслить последующую историю науки, историю Этнографического музея и их современное состояние.

История формирования этнографического собрания Императорского Казанского университета – это история этнографических коллекций,

их собирателей и дарителей, экспедиций и путешествий, выставок и культурно-просветительских мероприятий. Актуальным является и выявление роли личности в истории становления и развития этнографии и этнографического собрания в Казанском университете, формирования профессионального сообщества, идейного и коллекционного наследия этнографов университета.

Междисциплинарный характер темы исследования предполагает обращение к разнообразному кругу публикаций по истории Казанского университета, истории этнографии и музейного дела, этнографическому музееведению. Анализ литературы, отражающей в той или иной степени историю формирования и развития этнографического собрания Императорского Казанского университета в контексте нескольких тем, показал, что ее можно систематизировать, разделив на несколько проблемно-тематических групп.

К первой группе относятся работы по истории этнографии в России в XIX–XX вв. Первые попытки теоретического обоснования этнографии как науки относятся уже к середине XIX в. Так, в 1849 г. К. М. Бэр публикует в «Записках РГО» статью «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» (Бэр, 1846), а в 1889 г. Д. Н. Анучин в «Этнографическом обозрении» публикует статью «О задачах русской этнографии» (Анучин, 1899). В конце XIX в. выходят работы А. Н. Пыпина «Как понимать этнографию?» (Пыпин, 1994) и «История русской этнографии» (Пыпин, 1890), в которых автор в публицистической манере излагает историю развития этнографической мысли. Вопросы предметного поля, значение понятий «этнография» и «этнология» в своих лекциях поднимал Н. Н. Харузин (Харузин, 1905), отмечая, что нет необходимости противопоставлять эти два термина. Свою рецензию на книгу Н. Н. Харузина и свое понимание сути этнографии представил Н. М. Могилянский, который выступал против смешения понятий «этнография», «этнология» и «народоведение» (Могилянский, 1908).

Попытки обобщить накопленный опыт относятся ко второй половине XX в. Особо следует выделить монографию С. А. Токарева «История русской этнографии» (Токарев, 2015), которая по сегодняшний день является единственной обобщающей работой по истории этнографии в дореволюционный период в России (с 1890 по 1917 гг.). В монографии

раскрыты особенности развития российской этнографии, охарактеризованы различные этнографические школы и направления, показаны основные виды институализации российской этнографической науки. С конца XX в. в работах Т. Д. Соловей (Соловей, 1998; 2001) и М. М. Керимовой (Керимова, 2013; 2015) стала разрабатываться тема истории этнографии на рубеже XIX–XX вв. и периода 1920–1930-х гг.

Отдельно в этой группе следует обозначить исследования, посвященные научным обществам и их роли в развитии этнографии (Степанский, 1973; 1979; Вовина, 1993; Михайлова, 1993; Ильина, 2013; Мубаракшина, 2010; Дергачев, 2015). Среди работ, раскрывающих особенности развития научных обществ при Казанском университете, следует выделить труды, посвященные Обществу естествоиспытателей (Кузнецова, 2004; Макарова, 2014; Титова и др., 2015) и Обществу археологии, истории и этнографии (125 лет Обществу археологии... 2004; Хабибуллин, 2006), которые стали выходить в последние десятилетия XX в. На основе широкого круга источников И. Б. Сидорова в своем исследовании «Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы)» анализирует основные направления деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, в том числе и в вопросах этнографических исследований и развития музейного дела (Сидорова, 2014).

Основные этапы развития этнографии в Казанском университете, деятельность научных сообществ и отдельных ученых представлены в работах Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина (Бусыгин, Кашафутдинов, 1976; Бусыгин, 1995; 1996; Бусыгин, Зорин, 1989, 2002). Монография «Этнография в Казанском университете» (Бусыгин, Зорин, 1998) является первым крупным исследованием, в котором был обобщен и проанализирован большой фактологический материал, в том числе и по истории развития Этнографического музея. В этой работе впервые дана периодизация истории этнографии в Казанском университете. История развития этнографии как науки и учебной дисциплины в XIX–XX вв. является одной из актуальных научных тем для коллектива этнографов университета и на современном этапе (Козлов, 2008; Токсубаева и др., 2008; Масалова, Гущина, 2012; Гущина, 2014; Яковлев, 2012; 2013).

В советское время и в последние десятилетия XX в. одним из актуальных направлений исследований по истории этнографии и этнографического музееведения остается анализ процессов становления и развития науки и роли отдельных ученых в этих процессах (Конаков, 1968; Репрессированные этнографы, 1999; 2003; Алымов, 2006). В работах Т. В. Станюкович (Станюкович, 1986; 1989; Станюкович, Торэн, 1954), А. М. Решетова (Решетов, 1995; 1998; 1999; 2002; 2012), А. И. Терюкова (Терюков, 2003; 2012; 2013; Терюков, Салмин, 2010; 2014) раскрывается значение личности в развитии этнографического и антропологического знания и в формировании коллекционного собрания старейшего музея России – Кунсткамеры. В работах Р. М. Валеева, Н. Ф. Мокшина, Е. Н. Мокшиной, посвященных ученым Волго-Уралья и внесших существенный вклад в развитие этнографии в Казанском университете, содержится материал о научных взглядах ученых и направлениях их научно-исследовательской деятельности (Валеев, 2002; Монголовед О. М. Ковалевский... 2004; Н. Ф. Катанов и гуманитарные... 2008; Валеев, Тугужекова, 2011; М. Е. Евсеев: жизнь... 2004; Мокшина, 2013; 2016).

Также следует выделить немногочисленные работы, посвященные Б. Ф. Адлеру (Зорин, Решетов, 2004; Корсаков, 2008; Титова, Гущина, 2013; Руденко, 2015) и его ученикам (Свинин, Сазонова, 1997; Кузьминых, Вдовин, 2010; Василевская, 2014; Вятчина, 2015; Лаптева, Лучников, 2015), которые стали выходить с 90-х гг. XX в. Долгое время его имя и имена его студентов, их роль как исследователей-этнографов в Казанском университете оставались забытыми и мало исследованными. В начале 30-х гг. XX в. научно-просветительская и образовательная работа Б. Ф. Адлера была раскритикована. Вместе с другими видными этнографами того времени он был объявлен буржуазным ученым, «пришпешником классового врага», а позже был репрессирован и расстрелян. «Реанимировал» имя Б. Ф. Адлера и исследовал его роль в становлении и развитии этнографии и музейного строительства в г. Казани Н. В. Зорин (Зорин, 2001).

Вторую группу составляют работы, в которых рассматриваются вопросы истории развития музеев в России, в частности музеев исторического профиля, к которым относятся и этнографические музеи. К теме истории развития музеев исследователи стали обращаться с 20-х

гг. XX в.: появились работы, описывающие состояние музеев, историю их формирования в дореволюционное время и направления работы в советское время. Одним из первых привел типологию музеев и музейной экспозиции, рассмотрел историю формирования и задачи гуманитарных музеев Ф. И. Шмидт (Шмидт, 1929).

В это же время начинают выходить журналы, посвященные теоретическим и практическим вопросам развития музейного дела. Например, выходивший в г. Казани в 1920–1924 гг. «Казанский музейный вестник» стал центром музееведческой мысли России. На страницах журнала был представлен широкий спектр тем – от истории формирования коллекционных собраний до практических нужд и вопросов организации работы в музеях. Большое внимание уделялось краеведческим и этнографическим музеям (Анучин, 1920; Вишневский, 1920; Залкинд, 1920; Рихтер, 1921; Воробьев, 1922). Особенности музейного строительства, роль музеев в культурно-просветительской жизни г. Казани и ТАССР в послереволюционный и советский период раскрываются в работе К. Р. Синицыной (Синицина, 2002). В 1957–1971 гг. крупный научный центр музееведческой работы НИИ музееведения (современный Российский институт культурологии; с 1 января 2015 г. – Центр изучения и проектирования музеев Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева) выпускает серию очерков, в которых также содержится информация об этнографических музеях (Разгон, 1961; 1968; Крюкова, Студенецкая, 1971). В настоящее время Институт продолжает выпускать крупные обобщающие труды, раскрывающие историю музейного дела в стране и мире (Российская музейная...2001; Музейное дело...2003; Музееведческая мысль ...2010).

Особо необходимо отметить работу Т. В. Станюкович «Этнографическая наука и музеи (по материалам этнографических музеев Академии наук)» (Станюкович, 1978). В своих публикациях Т. В. Станюкович раскрывает роль этнографического собрания Академии наук в развитии этнографии и музейного дела в России в историческом контексте, показывает структурные изменения и преобразования этнографических музеев в России в XVIII–XX вв. (Станюкович, 1953; 1966; 1981; 2001). Неразрывная связь деятельности этнографических музеев с развитием этнографии в России в XIX–XX вв. показана в работах И. И. Шангиной,

посвященных этнографическим музеям Москвы и Ленинграда в первые годы советской власти (Шангина, 1987; 1991). Ценной является историографическая работа Х. М. Турьинской, посвященная этнографическому музейному делу и развитию теоретических вопросов этнографического музееведения в России в конце XIX – начале XX вв., написанная на основе анализа периодической профессиональной печати («Этнографическое обозрение» и «Живая старина») (Турьинская, 2008).

К третьей группе относятся исследования, раскрывающие специфику университетских музеев. Одной из первых эту тему в исторической ретроспективе стала рассматривать М. И. Бурлыкина. В своих комплексных обобщающих работах она выявила специфику университетских музеев как центров образования, науки и культуры России в XIX – начале XX вв., показала процесс образования и развития всех университетских музеев в дореволюционный период, в том числе музеев Казанского университета (Бурлыкина, 1994; 1996; 2000; 2012; 2015; 2016). Значительное внимание М. И. Бурлыкина уделяет анализу влияния университетских уставов на состав и направления комплектования музейных фондов университетов, особенностей формирования разнопрофильных музеев.

В последние десятилетия исследовательский интерес к истории музеев университетов существенно возрос (Дыртыкоол, 2013; Дмитриенко, Черняк, 2015; Казанцева, 2015; Козлова, 2016; Сайфутдинова, 2016). Так, пишутся работы к памятным и юбилейным датам (Томилов, Патрушева, 2005; Мокшина, 2005; Сергеев, 2017). В последние десятилетия написан ряд квалификационных работ на соискание ученых степеней по вопросам истории формирования и развития ведомственных, в том числе и университетских, музеев (Мурзинцева, 2006; Белоусова, 2009; Лобачева, 2012).

Роль Казанского университета в развитии музейного дела в Казанской губернии, взаимодействие университета и музеев как особых социокультурных институтов исследует в своих работах Г. Р. Назипова (Назипова, 2004; 2008; 2009). Г. Р. Назипова впервые раскрыла роль музеев Казанского университета в формировании культурно-просветительского пространства Казанской губернии. В своих исследованиях автор большое внимание уделила роли отдельных личностей и научных сообществ Казанского университета (Назипова, 2006; 2008). Историю музеев Казанского университета, в особенности музеев гуманитарного профиля, в

сложный послереволюционный период детально рассматривает в своих работах И. Б. Сидорова (Сидорова, 2012).

В четвертую группу объединены работы, относящиеся непосредственно к истории формирования и развития Этнографического музея Казанского университета в XIX-XX вв., написанные этнографами Казанского университета в XX-XXI вв. (Воробьев и др., 1948; 1957; Столярова, Гущина, 2006; 2015; Гущина, 2011; 2013). Также следует отметить работы, в которых исследуются отдельные этнографические коллекции данного музея (Воробьев и др., 1949; 1957; Воробьев, Бусыгин, 1954; Масалова, Гущина, 2009; Масалова, 2014; Титова и др., 2015).

В целом, перечисленные работы носят описательный характер; в определенной степени раскрывают процесс комплектования некоторых коллекций, но часто в отрыве от истории развития самого музея и этнографии в Казанском университете.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что, во-первых, существует достаточно широкий спектр тем, в рамках которых рассматриваются вопросы истории развития университетского музейного собрания. Во-вторых, тема истории развития музеев университетов и истории развития этнографии в XIX – первой четверти XX вв. является одной из актуальных в современной российской науке. В-третьих, несмотря на неоднократное обращение к истории Этнографического музея и его коллекциям, в современной науке отсутствует комплексное исследование истории формирования этнографического собрания Казанского университета в контексте развития этнографии.

Материал для изучения истории формирования и развития этнографического собрания Императорского Казанского университета содержится в источниках разного вида: архивных документах, описях экспонатов, дневниковых экспедиционных записях, мемуарах и письмах, научных работах и отчетах об экспедициях этнографов XIX – начала XX вв. Архивный материал по теме исследования сосредоточен в Государственном архиве Республики Татарстан (НА РТ) и архиве Этнографического музея Казанского (Приволжского) федерального университета (АФ ЭМУ). В собрании НА РТ основной массив материалов находится в фонде № 977 «Казанский университет» (описи «Совет», «Правление», «Историко-филологический факультет (Истфилфак)», «Физико-математический

факультет (Физмат)») и в фонде № 92 «Попечитель Казанского учебного округа» (опись № 1). В архиве Этнографического музея КФУ материал по теме исследования содержится в фондах «Описи», «ОАИЭ», «Описи МЭКУ», «Умляуфф», «Кафедра». Данная работа основывается на комплексном анализе неопубликованных и опубликованных источников по теме исследования. Деление источников на опубликованные и неопубликованные с точки зрения рассматриваемой темы не представляется целесообразным, в отличие от классификации по типологическим группам. Ряд источниковых материалов впервые вводится в научный оборот.

Первую группу составляют делопроизводственные документы. В научный оборот вовлекаются документы о зарубежных командировках, отчеты, протоколы заседаний Совета университета, историко-филологического и физико-математического факультетов, докладные записки, прошения, циркуляры о назначении, перемещения, личные дела ученых и студентов Императорского Казанского университета, внесших вклад в развитие этнографии. Особенно информативны документы, представляющие собой форму отчетности о деятельности и состоянии каждого из учебно-вспомогательных подразделений Императорского Казанского университета за академический год ¹. Так, в отчете о состоянии и деятельности за 1816 г. Кабинета естественной истории говорится о Кабинете редкостей, подробно описываются его первые музейные предметы (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 418. Л. 67-69). Такие отчеты сохранились в неопубликованном и опубликованном виде (с 40-х гг. XIX в.). Не всегда отчеты публиковались полностью, чаще всего в печатном виде выходили «Извлечения из отчетов» или «Годичные акты», в которых была представлена основная информация. Отчеты составлялись заведующими кабинетами/музеями/кафедрами и направлялись в Совет факультета для составления ежегодных обобщенных отчетов. Отчеты о кабинетах/музеях не имели четко прописанной формы, но должны были содержать сведения о новых поступлениях.

Вторую группу составляют документы о деятельности научных обществ при Императорском Казанском университете (Общество архе-

¹ Разнообразные формы отчетов, в которых содержатся сведения о формировании фондов Этнографического музея, охватывают период 1816-1917 гг., т. е. период всего существования Казанского Императорского университета.

ологии, истории и этнографии и Общество естествоиспытателей). При каждом из этих обществ выходили печатные периодические издания, в которых публиковались протоколы заседаний, аналитические обзоры, научные сообщения и статьи членов общества ². Некоторые научные сообщения и доклады публиковались в виде отдельных оттисков. Особо информативны для нас протоколы заседаний и отчеты, в которых приводится информация о финансировании, об экспедициях и их результатах, о поступающих коллекциях, а также материалы организационного характера (помещения, структура).

Третью группу составляют эпистолярные источники. Среди официальной переписки ценные сведения содержатся в письмах, направленных в Совет университета с просьбой принять в дар или же купить для университетских музеев определенные предметы и коллекции частных лиц. Например, интересной является переписка между Попечителем Казанского учебного округа П. Д. Шестаковым и Советом Императорского Казанского университета о принятии в дар египетской коллекции “г-на Прутченко” в какой-нибудь университетский музей. В переписке содержится подробное описание этой коллекции (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5119. Л. 1-5). Также важные сведения содержит переписка профессора И. П. Кротова с руководством музея Умляуффа в г. Гамбурге по поводу закупки экспонатов, необходимых для учебного процесса (АФ ЭМУ. Ф. Переписка. Оп. Письма и запросы. Д. 12. Л. 1). Из этой переписки мы можем понять логику составления экспозиции Кабинета географии.

В неофициальной переписке представлен контекст межличностных отношений ученых, содержится ценная информация об их научных взглядах, о событиях в среде этнографов Казанского университета и их оценочном восприятии в научном сообществе. Например, в опубликованной научным коллективом под руководством С. В. Кузьминых переписке поволжского краеведа А. С. Лебедева и финского археолога А. М. Тальгрена содержится информация о процессе бурного развития этнографии и археологии в Казанском университете и создании Этнографического музея под руководством Б. Ф. Адлера (Надо торопиться...2008).

² Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1878-1929; Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1871-1947.

Четвертую группу составляют дневниковые записи, заметки и отчеты о путешествиях. Дневниковые записи и путевые заметки участников экспедиций являются ценным источником и характеризуют, в том числе, коренное население исследуемых территорий. Например, «Отрывки из записок путешественника» В. Ф. Берви содержат описания природно-климатических условий южноамериканского континента, подробные замечания о жизни креольского населения Лимы (столицы вице-королевства Перу); историю династии инков, а также авторскую интерпретацию расового и этнического состава населения Южной Америки (Берви, 1835; 1836; 1837). Отчеты об экспедициях, финансируемых из средств научных обществ, как правило, публиковались в изданиях данного общества; отчеты из экспедиций, финансируемых Казанским университетом, публиковались в «Ученых записках» университета.

В пятую группу входят научные работы (статьи, заметки и сообщения) ученых об этнографических коллекциях музея, теоретических и практических задачах этнографии и этнографических музеев. Например, в работах И. Н. Смирнова о собрании Музея отечествоведения содержится ценная информация о структуре коллекций и концепции формирования фондов (Смирнов, 1892). В его работе о задачах этнографии представлены первые в Поволжье попытки теоретического осмысления предмета, методов и положения этнографии в системе наук (Смирнов, 1891).

Важным источником для нас стали музееведческие работы Б. Ф. Адлера о принципах устройства музеев и особенностях учетно-хранительской работы. Он не оставил рукописной или печатной концепции формирования и развития созданного им Этнографического музея Казанского университета, но благодаря более поздним музееведческим публикациям мы можем реконструировать разработанные им принципы и методологию (Адлер, 1920).

Шестая группа источников объединяет публикации, содержащие описание этнографических собраний музеев/кабинетов Казанского университета. Прежде всего сюда относятся немногочисленные каталоги и описания выставок, в которых содержится информация об этнографических предметах (Каталог выставки...1882; Краткий указатель...1912; Первая государственная...1920). Также в эту группу входят

учетные заметки о кабинетах Императорского Казанского университета. В них указывались все имеющиеся на момент создания экспонаты по всем кабинетам/музеям и их примерная оценочная стоимость (Записки о кабинетах...1835; Записки о кабинетах...1843). Интересные сведения о составе этнографических коллекций Казанского университета приводятся в путеводителях по г. Казани (Шпилевский, 1895; Казань в ее прошлом...1890; Спутник по Казани...1895). Этот вид источников показателен как маркер восприятия публикой этнографического собрания университета. В таких путеводителях гораздо большее внимание уделялось не коллекциям, характеризующим бытовую культуру местного населения, а «дииковинным» предметам из отдаленных территорий, что привлекало гораздо больше внимания посетителей.

К *седьмой группе* относятся архивные документы и коллекционные описи Этнографического музея КФУ. Следует отметить, что в архиве музея не сохранилось инвентарных книг или описей XIX в. Самые старые описи относятся к 1913 г. – моменту, когда этнографические коллекции Музея отечествоведения, музея ОАИЭ и Кабинета географии и этнографии были объединены в Этнографический музей. В силу специфики процесса объединения коллекций для передаваемых предметов каждого музея на основе учетных документов были составлены описи. Наименее информативны описи Музея отечествоведения: они не содержат практически никаких сведений, кроме указания ведомственной принадлежности (в процессе нашей исследовательской работы большая часть предметов из описей этого музея была атрибутирована). Описи, составленные на этнографическое собрание ОАИЭ, содержат сведения о времени и месте сбора экспедиционных коллекций и практически не сопровождаются данными о собирателях или дарителях. Во всех описях содержится информация о составе коллекций и количестве предметов.

Музеи классических университетов неразрывно связаны с наукой, и накопленный опыт организации учебно-методической и научно-исследовательской работы предшествующих эпох и поколений этнографов является теоретической основой для развития Этнографического музея на современном этапе, оптимально вписываясь в современную социокультурную ситуацию и сохраняя при этом свою специфику.

Глава 1. Становление этнографического знания и этнографического собрания Императорского Казанского университета

1.1. Начальный этап накопления этнографического знания в Императорском Казанском университете: Кабинет редкостей

Развитие Российской империи конца XVIII – начала XIX вв.: активизация внешней политики, становление промышленности и развитие внутреннего рынка, – ставило остро вопрос о необходимости подготовки отечественных специалистов. Российские университеты предназначались для обучения отечественных профессиональных кадров, в том числе компетентных в теоретических и прикладных исследованиях населения разных территорий Российской империи и стран мира. Университеты стали крупными центрами развития не только образования, но и науки и культуры. В начале XIX в. в Российской империи возникла и получила свое оформление система образования, которая состояла из 6 учебных округов и включала ряд учебных заведений: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты. В центре находились университеты, как высшее учебное заведение в образовательном округе (Московский, Санкт-Петербургский, Дерптский, Виленский, Харьковский и Казанский). Порядок деятельности университета регулировал Устав, согласно которому определялось, что университет – это самое “высшее ученое сословие”, учрежденное для преподавания наук и подготовки молодых российских специалистов для разных органов государственной службы (Аврус, 2001). Предполагалось, что у каждого из университетов будет свое направление исследований: Юрьевский был ориентирован на изучение стран запада, Харьковский – на исследование южных районов Российской империи, а Казанский университет был открыт для изучения востока Российской империи и сопредельных с ней

восточных стран (Бусыгин, 2002). До открытия университета в г. Томск в 1878 г. Казанский университет являлся самым восточным: в Казанский учебный округ входили Волго-Уралье, Сибирь и Кавказ – обширная полиэтническая и поликонфессиональная территория Российской империи. Город Казань исторически был местом, через которое проходили активные торговые и культурные связи с Уралом и Сибирью, Средней и Восточной Азией, Кавказом и Закавказьем. Маршруты научных экспедиций, снаряжаемых в Сибирь или в Азию, пролагали через г. Казань. В том числе, и поэтому исследования этнографической направленности в Казанском университете начались с момента его образования.

В Уставах университетов прописывалась их структура, наличие определенного ряда кафедр и особых разнопрофильных учебно-вспомогательных учреждений. Императорский Казанский университет первоначально состоял из четырех отделений и десяти учебно-вспомогательных подразделений (кабинетов, лабораторий, обсерваторий) (Устав Императорского...Б.и., б.г.). Примечательно, что эти предписанные Уставом подразделения университета были в большей степени естественного профиля и воспринимались именно как “учебные пособия”, которые должны комплектоваться коллекциями, отвечающими нуждам науки и преподавания. Российские университеты находились на государственном обеспечении и во многом зависели от пожертвований, на которые развивалась материально-техническая база университета, в частности кабинеты. Основной спецификой университетских музеев является тесная взаимосвязь с развитием научных направлений, к которым они относятся. История музейного собрания Казанского университета наглядно иллюстрирует историю развития этнографии как науки в университете.

Особенностью развития этнографических знаний в Казанском университете, как в первые года его существования, так и в дальнейшем на протяжении XIX в., было отсутствие единого центра. Этнографические вопросы рассматривались учеными различных кафедр. В большей степени в Казанском университете такие исследования были сосредоточены на Отделении словесных наук с кафедрами всемирной и отечественной истории, географии, статистики и восточных языков. Прежде всего, такую ситуацию можно объяснялось тем, что этнография в Казанском

университете в начале – середине XIX в. еще не выделилась в самостоятельную науку; не были определены цели, задачи и методы этнографических исследований. Традиционная бытовая и религиозная культура народов рассматривались не как самостоятельные объекты исследования, а в тесной взаимосвязи со всеми сферами деятельности человека и общества, в результате чего исследовались специалистами разных наук – права, статистики, истории и географии (Этнография в...2008).

Важной особенностью развития этнографии в Казанском университете в начале XIX в. явилось формирование этнографического собрания, которое было продиктовано не нуждами научного направления, а сложилось исторически. Первоначально процесс накопления этнографических коллекций был не целенаправленным, случайным и оторванным от нужд науки и образовательного процесса. Первые этнографические предметы передавались в Казанский университет как особые дары и помещались в положенный по Уставу Кабинет естественной истории (или как его еще называют в источниках – Натуральный кабинет). Основой Кабинета естественной истории Казанского университета стало естественнонаучное собрание, которое было создано еще в при I Казанской гимназии и на момент присоединения к университетским коллекциям состояло из 128 предметов (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 210. Л. 4).

Первые поступления в кабинеты российских университетов были небольшими: приобретались единичные коллекции, а пожертвования были редкими и разрозненными (Бурлыкина, 1996). Не была разработана система научного комплектования кабинетов, поэтому наряду с ценнейшими коллекциями в музеях университета складировались предметы, не имевшие научного или познавательного значения, которые в основном поступали в дар (Станюкович, 1978). Изначально при комплектовании Кабинета естественной истории Казанского университета опирались преимущественно на пожертвования, что отрицательно сказалось на качестве его собрания. Вместе с минералогическими, зоологическими и ботаническими коллекциями в Кабинете естественной истории стали собираться и этнографические предметы (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 130. Л. 57). Одним из первых этнографических предметов стал алеутский костюм, подаренный студентом М. Аристовым. Первоначально этот костюм помещался просто в университетской библиотеке,

где и находился Кабинет естественной истории, затем его присоединили к собранию кабинета (Загоскин, 1902, с. 115).

В целом, структура коллекций Кабинета естественной истории соответствовала ходу развития наук в России начала XIX в. Начался постепенный процесс разветвления наук, что отразилось на создании отраслевых музеев на базе естественнонаучных кабинетов. Хотя формально кабинеты естественной истории просуществовали до введения нового университетского Устава 1835 г., процесс разделения на профильные отделы Кабинета естественной истории Казанского университета начался в 1813-1815 гг. (Бурлыкина, 1996, с.30). Из его состава выделяются несколько отделов: Кабинет зоологический, собрание сухих растений, собрание минералов, собрание ископаемых костей, и Кабинет редкостей, где в первой половине XIX в. начало формироваться именно этнографическое собрание Казанского университета (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 250. Л. 35).

Уже в первые годы существования университетских кабинетов курировать их деятельность поручали статусным университетским лицам – ординарным и экстраординарным³ профессорам. Устав Казанского университета 1804 г. закрепил заведование Кабинетом естественной истории за профессором естественной истории и ботаники. Он должен был следить за состоянием хранящихся в нем экспонатов и исключать из состава собрания “испортившихся животных”, но только по “представлению в Совет” университета (Устав Императорского...Б.и., б.г., с. 30-32). Тот факт, что кабинеты поручали в заведование именно профессорам, наглядно иллюстрирует, что коллекции были важной частью научного и учебного процесса, а университетские музеи создавались именно как особая база для развития науки (Бурлыкина, 1996, с. 17).

Внутренней работой, обустройством музеев занимались специальные лица – надзиратели (чуть позже эту должность стали называть хранителями). Как правило, надзирателями/хранителями были также

³ Ординарный профессор – преподавательская должность, штатный профессор, имеющий степень доктора наук и занимающий кафедру; экстраординарный профессор – преподавательская должность, сверхштатный профессор, имеющий степень доктора наук.

профессора, адъюнкты или кандидаты, оставленные при университете для подготовки к профессорскому званию. Круг их обязанностей был значительно шире, чем у заведующих: они должны были содержать кабинеты в порядке, вести учетную документацию коллекций – “точные описи собраний и вещей им приуроченных”, предоставлять их Совету университета и отчитываться о приобретениях перед частным Собранием университета. Также хранители обязаны были отвечать за сохранность предметов и были вправе решать, кому из профессоров можно работать с “инструментами и аппаратами”, а иногда могли отказать им в работе с коллекциями, если сочтут это не целесообразным (Устав Императорского...Б.и., б.г., с. 30-32).

Примечательно, что Кабинет естественной истории (и Кабинет редкостей как составная его часть) находился под заведованием ординарного профессора кафедры естественной истории и ботаники Отделения физических и математических наук Карла Федоровича Фукса (Загоскин, 1902, с.97). Помимо блестящей врачебной практики, К. Ф. Фукс⁴ занимался исследованиями в области ботаники, истории, нумизматики, археологии и этнографии. Именно о К. Ф. Фуксе говорят как о первом исследователе традиционной культуры казанских татар. Он жил в Татарской слободе и активно изучил татарский язык. Благодаря его выдающейся врачебной практике и уважительному отношению ко всем своим пациентам, Карл Фукс был единственным врачом, которого допускали к больным татаркам (по религиозным предписаниям женщину не имел права видеть никакой другой мужчина, кроме мужа). Такое доверие позволило К. Ф. Фуксу «войти» в среду казанских татар, близко узнать и описать их традиционную бытовую культуру, даже в более позднее время недоступную для других исследователей. Именно поэтому собранные К. Ф. Фуксом материалы по быту разных этнических и социальных групп казанских татар и по сей день являются очень ценным источником.

В 1844 г. вышла работа К. Ф. Фукса «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях», которая стала его главной

⁴ Фукс Карл Федорович (Фридрихович) (1776-1846) – врач, профессор естественной истории и ботаники; коллекционер; занимался этнографией, нумизматикой и археологией.

этнографической работой (Фукс, 1844). По своей сути, эта монография является обобщением воедино многочисленного фактического материала, собранного ученым методом включённого наблюдения за семьями казанских татар и анализа статистических данных за тридцати лет. Кроме того, К. Ф. Фуку принадлежит ряд этнографических очерков о татарских праздниках, которые он публиковал в казанских периодических изданиях. Например, в «Казанских известиях» в 1814-1815 гг. были опубликованы заметки «Рамазан», «Сабан», «Курбан», «Татарский праздник Джиен», «Прием гостей у татар»; в «Казанских губернских ведомостях» в 1841 г. и 1843 г. была напечатана его статья «Татарская свадьба и женщины» и ряд других работ (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 10). В этих очерках приведены статистические данные о татарах г. Казани, их антропологических особенностях (визуальное описание, без антропометрических измерений). Большое внимание К. Ф. Фукс уделил особенностям традиционного семейного быта татар и положению женщины, а также взаимоотношению между русскими и татарами в г. Казани.

Говоря об этнографическом описании народов Поволжья К. Ф. Фуком, необходимо отметить и роль его супруги Александры Андреевны (урожденной Апехтиной). Она на протяжении четверти века была хозяйкой литературного салона в г. Казани, в котором нередко развлекала гостей чтением собственных произведений: главами из романа «Зюлима, или Пугачёв в Казани» и новеллы «Поездка из Казани в Нижний Новгород», в которых были приведены описания традиционного быта раскольников. В 1840 г. выходит книга А. А. Фука «Записки о чувашах и черемисах» (Фукс, 1840). Эта этнографическая работа представляет собой её переписку с супругом К. Ф. Фуком. А. А. Фукс подробно описывала обычаи и образ жизни чувашей и марийцев, приводя даже их песни в своей транскрипции и в собственном стихотворном переводе, а К. Ф. Фукс сопровождал ее описания историческими фактами, статистическими данными, и давал лингвистические и грамматические пояснения (Алиев, 2010).

К. Ф. Фукс также занимался коллекционированием и изучением восточных монет и археологических памятников. Уже тогда нумизматическая коллекция К. Ф. Фука использовалась как источник для научно-исследовательской работы. Часть данной коллекции в 1823 г. была выку-

плена университетом и наряду с другими предметами стала основой Нумизматического кабинета (Мустафина, 2013). Вместе с тем, К. Ф. Фукс не занимался сбором этнографических предметов, даже раскрывающих специфику традиционной культуры изучаемых им казанских татар. При этом он возглавлял университетский Кабинет естественной истории, в котором стало активно формироваться этнографическое собрание.

Не смотря на то, что Кабинет естественной истории не имел своего помещения и находился в небольших комнатах библиотеки (вследствие нехватки помещений, находившихся в распоряжении университета), а его собрание состояло из разнопрофильных коллекций, К. Ф. Фукс поддерживал в нем идеальный порядок. Проводившей ревизию Казанского университета М. И. Донауров⁵ остался доволен “образцовым порядком” Кабинета естественной истории (Бурлыкина, 1996, с. 26). По прошению К. Ф. Фукса в 1811-1813 гг. для помещения Натурального кабинета были выделены три комнаты на первом этаже главного университетского корпуса, недалеко от библиотеки (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 169. Л.2), занимаемые прежде адъюнктом П. С. Кондыревым⁶. Но после пожара 1815 г., когда было уничтожено новое здание университета, Кабинет естественной истории разместили в одной комнате – “особой зале” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 250. Л. 11). В том же году в отчете мы встречаем, что из Кабинета естественной истории выделился Музей редкостей (Кабинет редкостей): “с 1815 года назначено особое отделение Кабинета естественной истории, под названием музея редкостей” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 250. Л. 12).

Кабинет редкостей был первым музеем гуманитарного направления не только в Императорском Казанском университете, но и на территории Волго-Уралья в целом. Это учебно-вспомогательное подразделение являлось единственным и уникальным в своем роде. Ни в одном другом университете Российской империи в первой четверти XIX в. не су-

⁵ Донауров Михаил Иванович (1757-1817) – сенатор, действительный тайный советник.

⁶ Кондырев Петр Сергеевич (11.10.1786-24.03.1823) – преподаватель всеобщей истории, географии, статистики и политической экономии; библиотекарь университета, редактор «Казанских известий».

ществовало такого крупного Кабинета редкостей. Он не был предписан Уставом, и научная деятельность самих вузов не способствовала его появлению⁷. Музеи гуманитарного профиля в других университетах России появляются несколько позже. Это были собрания живописи, скульптуры, древностей и нумизматики, а не этнографические музеи.

В начале XIX в. под «редкостями» понимали все те коллекции и предметы, которые не относились ни к библиотеке, ни к медицине, ни к естественнонаучным кабинетам (Назипова, 2008, с. 28). В Кабинете редкостей Казанского университета не хранилось никаких «куриозных», как в Кунсткамере, экспонатов; его собрание изначально приобрело в большей степени именно этнографическую направленность. Первоначально, когда в университет поступали предметы, характеризующие культуру и быт разных народов (в основном это были костюмные комплексы), казавшиеся «диновинными» и «необычными», администрация университета просто не знала, куда их следует отнести – не было специализированного отдела. Необходимость создания такого структурного подразделения университета встала, когда собралось уже несколько предметов, которые выделялись из состава естественнонаучного собрания университета.

Все первые экспонаты Кабинета редкостей относятся к предметам традиционной одежды народов Сибири. Но это не были комплексные и продуманные коллекции, а именно отдельные предметы, доставляемые в университет для демонстрации. На момент своего становления в фонде Кабинета редкостей было всего несколько “платьев” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 250. Л. 36). Не сохранившиеся описи коллекций Кабинета редкостей не позволяют точно сказать, что представляли из себя все эти «платья» – полные костюмные комплексы или отдельные предметы верхней одежды. Первый костюм – это переданное от “студента Аристова” “алеутское платье”, которое ранее хранилось в библиотеке⁸. В источниках не сохранилось какое-либо описание этого костюма. Также

⁷ В 1807г. был открыт Кабинет редкостей Харьковского университета, но он не такого бурного развития как Кабинет редкостей Казанского университета.

⁸ К настоящему моменту этот экспонат не сохранился в собрании Этнографического музея Казанского университета.

в университет в 1814-1815гг. П. А. Словцовым⁹ из Иркутской гимназии было передано «бругузинское платье», которое собрал и пожертвовал надворный советник А. М. Корсаков (Загоскин, 1902, с. 115). Чуть позже, по поручению Совета П. А. Солнцева попросили собрать еще два платья «охотское и шаманское», которые также были пожертвованы А. М. Корсаковым и хранились в Иркутской гимназии (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 251. Л. 31). Костюмный комплекс, привезенный из Баргузинского острога¹⁰, представлял собой полный комплект традиционной одежды, в который входили: зеленый суконный кафтан, декорированный разноцветной шелковой оторочкой (красной и голубой), «передник» – фартук, платье-рубашка, головная повязка, пара сапог, а также расшитая бисером перевязь, на концах которой находились кошелек и огниво. Первый тунгусский костюм¹¹ состоял из кафтана и фартука сшитого из «китайки», расшитых бисером и пуговицами. Второй костюм – «шаманское платье» – представлял собой кафтан с рукавами, по спине и рукавам которого было нашито большое количество тканевых полос (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 418. Л. 67).

23 апреля 1817 г. «директор симбирских училищ А. Гапон» передал в дар Казанскому университету «доставшуюся ему по случаю» небольшую разнородную коллекцию, которую передали в Кабинет естественной истории «под расписку К. Ф. Фукса». Данная коллекция состояла из нескольких экспонатов: японского плаща, палицы австралийского вождя – «какую употребляют во всяком случае начальники острова Тани», китайских картин, которые предназначались «для китайского хана», а также двух веточек коралла (Загоскин, 1902, с.116).

Следующее пополнение Кабинета редкостей также было «случайным»: 21 марта 1818 г. адъюнктом естественной истории и ботаники Ка-

⁹ Словцов Петр Андреевич (1767-1943) – директор гимназии и училищ Иркутска, инспектор сибирских училищ; занимался историей Сибири, поэт.

¹⁰ Баргузинский острог был основан в 1648г. на правом берегу одного из рукавов р. Баргузин; как город до 1822г. входил в состав Баргузинского уезда Иркутской губернии (совр. Баргузинский район Республики Бурятия).

¹¹ Тунгусы – дореволюционный этноним, обозначающий эвенков, эвенов и негидальцев.

занского университета В. И. Тимьянским в дар была передана “случайно приобретенная им” коллекция образцов материи – *тапы* с островов Океании. Это была однородная и интересная коллекция, состоявшая из 14 “кусков ткани” (Загоскин, 1902, с. 116).

В Кабинете редкостей в этот период также хранился набор китайских аксессуаров – “*туалет*”. Он состоял из ящика с крышкой, оклеенного по бокам и на крышке шелковой материей, с бумажными проклейками на углах. К нему прилагалось несколько предметов: деревянные гребешки из 6-9 зубчиков; две косточки с узорами для чистки языка; две щеточки с костяными ручками, украшенные узорами; две маленькие щеточки с черной щетиной; две большие щеточки с костными ручками; две палочки деревянные на конце с костными трубочками для накладывания мушек и две щетки с черными щетинами (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 418. Л. 68-69).

Первая треть XIX в. стала временем, когда российская этнографическая наука значительно обогатила фактологический и предметный материал благодаря кругосветным экспедициям. Снаряжение кругосветных экспедиций, в первую очередь, имело непосредственно экономические и политические причины: необходимость установления более удобного и дешевого пути связи и организация снабжения колоний России в северо-западной Америке (Аляска, Алеутские острова). Но перед российскими мореплавателями ставились гораздо более широкие и разносторонние задачи: проведение больших географических исследований, открытие новых земель и островов, описание заокеанских стран и сбор разнопланового материала (Токарев, 2015, с.185-186). В результате совершенных экспедиций был накоплен и большой этнографический материал – дневниковые записи о коренных народах, отчеты, рисунки и вещественные предметы.

Первым действительно серьезным пополнением Кабинета редкостей явилась коллекция, привезенная Иваном Михайловичем Симоновым¹² из Первой русской Арктической экспедиции 1819-1921 гг. В начале своей карьеры, И. М. Симонов два раза был отправлен на «ста-

¹² Симонов Иван Михайлович (1794-1855) – астроном; участник Первой русской антарктической кругосветной экспедиции.

жировку» в Петербургскую Академическую обсерваторию, где работал под руководством знаменитого астронома В. К. Вишневого. Именно он рекомендовал И. М. Симонова как ученого-астронома в команду кругосветной экспедиции к Южному полюсу (Андреев, 1956, с. 15-24). В 1819 г. для открытия новых земель в Антарктиде Морское министерство снарядило экспедицию на двух шлюпах – судах «Восток» и «Мирный». Целью экспедиции было “приумножить сведения о земном шаре и ознакомить дикие народы с европейцами, а европейцев с дикими”. В составленных для участников экспедиции инструкциях имелись задания по антропологии: “по анатомической части... вникать в познание всего того, что относится до изменений в человеческом роде, как-то: в цвете, росте, сложении и проч., не упуская также возможности разузнать внутреннее строение тела неизвестных народностей” и этнографии – изучать “нравы народов, их обычаи, религию, орудия и род судов, ими употребляемых” (Станюкович, 1978, с.23). Таким образом, в составленных для участников экспедиции инструкциях имелись задания по антропологии (производить антропометрические замеры и описания внешнего облика) и по этнографии (описать и изучить нравы, обычаи и религию, и предметы бытовой культуры – орудия, оружия, суда).

Экспедицией командовали капитан Ф. Р. Беллинсгаузен¹³ и лейтенант М. П. Лазарев¹⁴, а в качестве астронома-наблюдателя и фактического научного руководителя экспедиции состоял профессор Казанского университета И. М. Симонов. Но помимо астрономии, он занимался вопросами метеорологии, гидрологии, зоологии, истории и этнографии. В результате этой экспедиции было открыто 29 новых островов и материк Антарктида (Воробьев и др., 1949, с.497).

Во время экспедиции было собрано большое количество этнографических и антропологических материалов – «Мы обогатили круг географических сведений открытием 30 островов, сделали множество полезных наблюдений, умножили музеумы наши новыми и любопытными

¹³ Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич (1778–1852) – российский мореплаватель, военно-морской деятель, адмирал; совершил две кругосветные экспедиции.

¹⁴ Лазарев Михаил Петрович (1788-1851) – российский флотоводец и мореплаватель, адмирал; совершил три кругосветных плавания.

произведениями природы по ископаемому, прозябаемому и животному царству» – такой итог экспедиции дает И. М. Симонов (Симонов, 1822, с. 8). Большая часть экспедиционных материалов была передана в ведомственный музей Академии наук – Кунсткамеру. В Казанский университет И. М. Симонов привез уникальное разноплановое собрание, которое явилось крупным пополнением для всех музеев Казанского университета (Назипова, 2004, с.127). В Кабинет редкостей была передана этнографическая коллекция бытовых предметов (37 ед.), представленная в основном орудиями труда, традиционным текстилем, бытовой утварью и оружием народов Океании (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 413. Л. 3). Эти предметы И. М. Симонов собрал в период с мая по октябрь 1820г. в южной части тихоокеанского региона (по маршруту порт Джексон (Сидней) – Новая Зеландия – архипелаг Россиян – Таити – остров Оно – порт Джексон) (Воробьев и др., 1949, с.498).

Коллекция служила иллюстративным материалом к путевым заметкам и запискам И. М. Симонова: предметы из его собрания упоминаются в описании плавания. Отчеты о ходе экспедиции он присылал в Императорской Казанский университет еще во время путешествия. Часть их публиковались в печатных изданиях университета. По возвращении И. М. Симонов публикует краткое описание плавания (Симонов, 1822) и пишет подробную рукопись-воспоминания на 25 тетрадях в 254 листа, которая частично опубликована в советское время (Русские открытия... 1951).

Сочинения И. М. Симонова являются важным источником по этнографии народов Австралии и Океании, т.к. описывают традиционную культуру коренных народов, которая еще не подверглась глобальным изменениям, вызванными европейской колонизацией. Его описание посещения Австралии является одной из самых ранних в европейской литературе работой о коренном населении этого континента. Основываясь на своих непосредственных наблюдениях и общении с аборигенами, И. М. Симонов предположил, что австралийцы являются выходцами из Индии (потомки низших каст или одного из “отсталых” индийских племен). И. М. Симонов подробно описывает традиционную культуру и религиозные верования маори и таитян, приводит сведения о мифологии полинезийцев и об изменениях в жизни островитян с приходом европейских миссионеров (Кабо, Бондарева, 1974, с.101-102).

Предметы, привезенные И. М. Симоновым, были получены в результате обмена, который был очень развит у народов Австралии и Океании, и является знаковым ритуалом культуры. И. М. Симонов так описывает начало обмена: «На другой день островитяне снова явились на шлюп и доставили нам много редких вещей, разного рода оружие, воинские знаки начальников, ткани белые и цветные, большие раковины... Островитяне, дружелюбно расположенные к нам, пригласили на берег» (Цит. по: Воробьев и др., 1949, с. 499).

В коллекцию, доставленную И. М. Симоновым в Казанский университет, входили предметы, собранные на трех островах в результате таких обменов с местным населением:

1. Новая Зеландия: 4 тапы (материя из древесной коры), 2 рыболовных крючка, костяная застежка, 2 топора-долота из базальта, нефритовая подвеска, ожерелье из одностворчатых раковин, 2 нефритовые серьги и деревянный гребень;

2. Таити: 4 полотна тапы, традиционная рубашка – «платье» из орнаментированной тапы, чаша из тонко орнаментированной скорлупы кокосового ореха и 5 кокосовых орехов;

3. Оно (небольшой остров на юге Фиджийского архипелага): большой кусок орнаментированной тапы, 2 копья и острога (рыболовное орудие) из красного дерева, нагрудник из жемчужной раковины, 7 палиц (дубинка/жезл с утолщенным концом) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Австралия и Океания. Д. 160).

Интересным экспонатом в данной коллекции является “знак вождя” – палица (оружие, дубинка) с о-ва Оно. Это палица висловидной формы, которая крепилась к лодке. Лопасть палицы покрыта с обеих сторон резным орнаментом в виде прямоугольников и ромбов, которые разделяются на четыре части выпуклыми полосами. Палица принадлежала вождю – “королю острова” по имени Фио. На рисунке П. Н. Михайлова¹⁵ изображен сам вождь Фио, в руках которого очень похожий жезл, а на другом его рисунке – подобный же жезл изображен среди образцов церемо-

¹⁵ Михайлов Павел Николаевич (1786-1840) – художник, выпускник Петербургской Академии художеств; был включен в состав Первой русской антарктической экспедиции как профессиональный художник.

ниального, охотничьего и боевого оружия (Кабо, Бондарева 1974, с.110). Эта палица была выменяна у аборигенов вместе с другими предметами 21 августа 1820 г.: «Сего дня мы выменяли у островитян разные их оружия, как то: пики, палицы, кистени и булавы, так же нечто похожее на ружейный приклад; все сие вещи искусно обделаны резьбой; выменяли еще широкую лопатку с резьбою, выкрашенную белую сухой краскою¹⁶; кажется, сия лопатка составляет принадлежность одних начальников и, может быть, знак отличия» (Беллинсгаузен, 1949, с. 355).

В первой половине XIX в. интерес к этой палице был вызван общественно-политическими событиями в Императорском Казанском университете. Знак достоинства вождя послужил поводом для «расправы» со стороны попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого¹⁷ над Г. И. Солнцевым¹⁸, который был приверженцем теории естественного права и преподавал ее в университете. Согласно мнению М. Л. Магницкого данная палица вождя Фио показывает, что даже “дикие, истинные сыны природы” признают свою покорность перед самодержавием. Тем самым он “обличал” ненавистную ему теорию естественного права в поддержку самодержавия в России, обосновывал законность крепостного права (Адлер, 1916, с. 3). Заслушав это предписание попечителя, Совет университета принял его к сведению и постановил напечатать в «Казанском Вестнике» анонимную статью проф. Городчанинова под заглавием «Нечто о естественном единодержавии у диких» (Шпилевский, 1873, с. 46). В результате, Г. И. Солнцев был изгнан из Казанского университета. Впоследствии работая прокурором, он перешел на консервативные позиции (Казанский университет... 1979, с. 57).

К началу 30-х гг. XIX в. Кабинете редкостей уже находилось более 50 предметов (Отчет о состоянии... 1840, с. 36). Большую часть собрания

¹⁶ Данная палица сохранилась в Этнографическом музее КФУ; но в настоящее время на не покрыта белой краской, хотя на ней остались ее следы.

¹⁷ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778-1844) – государственный деятель, попечитель Казанского учебного округа (1819-1826 гг.), в это время он изгонял «дух свободомыслия» и внедрял «преданность к самодержавию» в университете.

¹⁸ Солнцев Гавриил Ильич (1786-1866) – профессор юридического факультета; чиновник.

составляли предметы, привезенные И. М. Симоновым. Дальнейшее пополнение Кабинета редкостей продолжалось поступлением отдельных разноплановых предметов. В Кабинет редкостей передавали археологические находки: в 1821 г. ординарный профессор П. А. Кондырев передал кольчугу, найденную “около города Кокшана” (территория Елабужского уезда Казанской губернии); в 1823 г. Н. Н. Кафтанников¹⁹ передал бердыш. Но предметов этнографического характера поступало больше: 1824 г. от исполняющего должность директора Астраханского училища И. М. Попова²⁰ был передан черкасский²¹ лук с колчаном и двадцатью стрелами, который он приобрел у иностранца Людвиг Вильетти. В сопроводительном письме отмечалось, что “... лук сей и стрелы, сколько по чистоте своей отделки, столько же и по редкости отыскания таковых в нынешнее время в полном виде, стоит, по замечанию знатоков, не менее ста рублей” (Загоскин, 1902, 4, с.182). В 1826 г. в Кабинет редкостей была передана от “директора Тобольского училища” комплексная коллекция “мануфактурных произведений остяков²²”. Коллекция состояла из сырья для изготовления холста (крапивная пенька, 2 ед.), веретен (2ед.) и готовой продукции выбеленных холстов (2 ед.) и платка “...утиральник, по остячки – *чинь*”. В том же году И. М. Симонов передал в кабинет китайское зеркало, поступившее в дар университету от “неизвестной особы” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1001. Л. 7).

Следует отметить, что в этот период в Кабинет редкостей продолжали поступать довольно специфические предметы, определить место

¹⁹ Кафтанников Николай Никитич (1790-1841) – выпускник Казанского университета, учитель естественной истории и физико-математических наук в Оренбурге, помощник винного пристава в Казани; увлекался этнографией и археологией, написал работу о г. Болгар.

²⁰ Попов Иван Михайлович (1790-1832) – выпускник Казанского университета, старший учитель философии, изящных наук и политической экономии Астраханской гимназии, помощник инспектора студентов в Казанском университете.

²¹ Черкасы – дореволюционный этноним, обозначающий народы Северного Кавказа и Причерноморья, в частности черкесов. Черкесы (адыге) – народ, проживающий на территории Северно-Западного Кавказа.

²² Остяки – дореволюционный этноним, обозначающий хантов, кетов, югов и селькупов.

хранения которых было довольно сложно. Так, например, в 1826 г. в кабинет от “почетного смотрителя уездного училища г-на Васильского” и “титулованного советника и кавалера г-на Зарицина” были переданы найденные в Нижегородской губернии кости головы носорога и части слоновьих клыков (7 штук) (Гущина, 2013, с. 23). Во многом это было связано с тем, что в рассматриваемый нами период Кабинет редкостей продолжал оставаться в составе Кабинета естественной истории и они находились в заведовании одного директора. В деле о создании и деятельности комитета по приему и проверке движимого и недвижимого имущества университета Кабинет редкостей не был выделен как самостоятельное учреждение, а находился еще в составе Кабинета натурального (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1065. Л. 5). Это было характерным явлением того времени: ведущее место среди коллекций занимали экспонаты по анатомии и другим отраслям естественных знаний. Этнографические экспонаты были немногочисленны и бессистемны. Поэтому чаще всего они находились в составе сборных коллекций (Станюкович, 1978, с. 23). Сложность и отсутствие системности формирования этнографического собрания, «зарождающееся» состояние этнографии как науки в России, неопределенность объекта исследования и становление предметного поля наук – все это отразилось на судьбе Кабинета редкостей в 20-30х гг. XIX в.

К. Ф. Фукс в 1823 г. был избран ректором Казанского университета, вследствие чего заведование Кабинетом естественной истории (в составе которого находился Кабинет редкостей) он поручает А. Я. Купферу²³. Но уже в 1824 г. А. Я. Купфер попросил освободить его от заведования Кабинетом редкостей, т. к. руководить сразу несколькими кабинетами одному человеку было сложно. Просьба была логична и закономерна потому, что этнографические коллекции никаким образом не входили в сферу его интересов и уже не могли храниться при Кабинете естественной истории, т.к. не подходили по профилю этому кабинету. Совет университета постановил передать Кабинет редкостей в ведение профес-

²³ Купфер Адольф Яковлевич (1799-1865) – профессор химии и физики Казанского университета, заведующий Кабинетом естественной истории, Физическим кабинетом, Химической лабораторией.

сора восточной словесности Ф. И. Эрдмана (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1052. Л. 1). С введением нового Устава в Казанском университете, Кабинет редкостей окончательно отделился от Кабинета естественной истории, а с 21 августа 1826 г. профессор Ф. И. Эрдман²⁴ стал управлять им официально (Краткая историческая... 1839, с. 13). В этот период времени (конец 20-х – начало 30-х гг. XIX в.), Кабинет редкостей находился и развивался совместно с Минц-кабинетом²⁵ на Отделении словесных наук, т.к. на попечении Ф. И. Эрдмана также находились и нумизматические коллекции (Назипова, 2004, с. 128).

Именно на Отделении словесных наук Казанского университета в дальнейшем стали активно проводиться историко-этнографические и филолого-этнографические исследования. Кабинет редкостей до начала XX в. претерпевал ряд структурных изменений, но организационно продолжал находиться на отделении словесных наук (после введения новых Уставов университета сначала образуется философский факультет с отделением словесных наук, затем историко-филологический факультет).

Таким образом, к началу 30-х гг. XIX в. в Казанском университете сформировался особый отдел Кабинета естественной истории – Кабинет редкостей. Зарождавшаяся тенденция дифференциации наук способствовала возникновению музеев определенного профиля, а не только предусмотренных первыми уставами. Кабинет редкостей приобретал все большую этнографическую направленность. В него поступали предметы в основном переданные в дар от директоров училищ и гимназий Казанского учебного округа (П. А. Словцов, И. М. Попов и др.) и пожертвованные от частных лиц, а также сформированные в результате путешествий и экспедиций коллекции (И. М. Симонов). Не было планомерности и четкого направления комплектования собрания Кабинета редкостей. Но среди разрозненных и единичных экспонатов можно выделить и первые коллекции, имеющие логику собирания (коллекция

²⁴ Эрдман Франц Иванович (1793-1863) – профессор восточной словесности, преподаватель арабского и персидского языков; краевед, коллекционер и нумизмат.

²⁵ Минц-кабинет (Мюнц-кабинет) – термин, которым обозначали собрание монет и медалей в XVIII-XIX вв.

И М. Симонова, коллекция по ткачеству остяков). Этнографические предметы, собранные в Кабинете редкостей в этот период, предназначались лишь для демонстрации как «диговинки», не являлись материалом для обучения студентов или научной работы сотрудников университета.

1.2. ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИМПЕРАТОРСКОМ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Одной из главных задач, которые были поставлены перед Казанским Императорским университетом, было исследование восточной территории Российской империи (в том числе многонационального Поволжья) и сопредельных с ней стран. Уже первый Устав определил в составе Отделения словесных наук кафедру восточных языков (преподавание арабского и персидского, и если будет необходимость – еврейского и сирийского языков). Работу по этой кафедре должен был вести профессор восточных языков. Также предполагалась должность лектора или учителя татарского языка (Устав Императорского...Б.и., б.г., с. 10). Первым профессором этой кафедры был назначен Х. Д. Френ, а преподавателем татарского языка – И. И. Хальфин²⁶. С 1818 г. Ф. И. Эрдман стал преподавать арабский и персидские языки. Существенная реорганизация кафедры восточной словесности произошла в 1828 г., когда из ее состава были выделены кафедры турецко-татарской и арабо-персидской словесностей (Хабибуллин, Кострюков, 2012, с. 32). В период 1828-1854 гг. были открыты еще несколько кафедр Восточного разряда с преподаванием татарского, турецкого, монгольского, китайского и калмыцкого языков.

В развитии востоковедения в Казанском университете в рассматриваемый период можно выделить несколько направлений. Прежде всего, это исследования культуры народов Центральной и Восточной Азии (монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и

²⁶ Хальфин Ибрагим Исхакович (1778-1829) – татарский просветитель, филолог, преподаватель татарского языка в Казанской гимназии и Казанском университете, адъюнкт-профессор восточной словесности.

санскритология). Вторым важным направлением стало изучение Передней (Западной) Азии – Османская империя, Персия, Арабский Восток, и южные территории Российской империи (Кавказ, Средняя Азия, Крым). Это были зоны традиционного распространения ислама (Валеев, 2005, с.42). Интерес к исследованию мусульманского мира был обусловлен, прежде всего, присоединением к Российскому государству ряда территорий Средней Азии (регионов с многовековой религиозной и социокультурной исламской традицией) и выходу России к рубежам «внешнего» мусульманского мира (Хабибуллин, Кострюков, 2012, с. 34). Еще одним направлением, сложившимся в основном в рамках филолого-этнографических исследований, стало изучение народов востока Российской империи – Поволжья и Приуралья, Сибири и Дальнего Востока (тюркология, финно-угроведение, сибиреведение). Но такие исследования в Императорском Казанском университете активно и планомерно развиваться стали только с 70-х гг. XIX в.

Для изучения народов Востока Казанский университет организовывал экспедиции, в результате которых был собран огромный материал по географии, страноведению и филологии; происходил контакт с живыми носителями культуры и языков. Экспедиции способствовали сбору многочисленных предметов быта и культа посещаемых народов. Эти предметы затем доставлялись в университет и пополняли коллекции профильных музеев (Столярова и др., 2015, с. 38).

Пополнение собрания Кабинета редкостей крупной коллекцией (следующее после коллекции И. М. Симонова) произошло благодаря Осипу Михайловичу Ковалевскому²⁷, внесшему большой вклад в развитие востоковедения в России. Во время работы в г. Казани (1824-1862) он занимался изучением восточных языков (тюркских, арабского, фарси и монгольского) (Валеев, 2002, с. 5-7). В 1828-1832 гг. О. М. Ковалевский был в научной экспедиции с целью изучения восточных языков. За четыре года экспедиции О. М. Ковалевский побывал в Сибири, в “разъездах” по Забайкальской степи, населенной монголо-бурятскими и тун-

²⁷ Ковалевский Осип (Юзеф) Михайлович (1801-1879) – востоковед; профессор Казанского Императорского университета; академик Петербургской Академии наук; почетный член Азиатского общества в г. Париже.

гусскими народами; посетил Китай, где провел большую научно-исследовательскую работу, в том числе и по сорту этнографического материала. Например, в своих исследованиях О. М. Ковалевский особо отмечает трудолюбие китайского народа: «... пески превращает в плодоносные нивы... проложил дороги... на ручьях создал великолепные каменные мосты, а реки и каналы покрыл бесчисленными лодками; в городах и селениях усилил промышленность; мраморными памятниками и в летописях обессмертил заслуги своих предков» (Цит. по: Воробьев, Бусыгин, 1954, с. 169).

Во время путешествий О. М. Ковалевский имел возможность вживую общаться с носителями языка. Благодаря личному знакомству с бурятскими ламами и установившимся дружественным отношениям с ними, О. М. Ковалевский смог собрать многие действительно редкие и уникальные предметы: рукописи, книги; китайские, монгольские и бурятские бытовые вещи (Отчет о состоянии... 1840, с. 36-37). «Казанский университет, находясь на рубеже Азии, как бы в сердце огромнейшей империи, простершей свои владения по всей северной Азии, по своему положению, при благодетельном содействии достопочтенного своего начальника, в самое непродолжительное время сделал весьма значительные приобретения, так что он своими пособиями не только может соперничать с другими заведениями в этом отношении, но даже получил перевес, слишком уж заметный», – говорил о коллекционном собрании Казанского университета О. М. Ковалевский (Ковалевский, 1847, с. 26).

Как отмечает Г. Р. Назипова, в Государственном архиве Республики Татарстан сохранилась тетрадь, в которой О. М. Ковалевский подробно описал и классифицировал сделанные им приобретения, разделив их на несколько групп (Назипова, 2004, с.129). В первую коллекцию входили “ламские одеяния и бурятские ризы”: ламские кафтан из желтой шелковой ткани, юбка, перевязь из красного шелка, покрывала для подушек, четки. Во второй группе – “изображения буддийских божеств и богослужебные вещи”, имелись разнообразные медные статуи, статуэтки с позолотой, колокольчики, ручные бубенчики, молитвенное колесо и различные “живописные изображения” (УА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. Л. 6-16). Большой (115 предметов) была коллекция “костюмов”, которая состояла из мужских и женских рубах, воротников, кафтанов – “верхних платьев”,

поясов и юбок. Также в это собрание включались обувь, головные уборы, украшения и аксессуары (разнообразные шелковые и сафьяновые кошельки, табакерка из агата, дамская курительная трубка). В коллекции О. М. Ковалевского находилось большое количество картин (94 шт.), книг и рукописей (15 шт.). Последняя «смешанная» группа состояла из разнообразных предметов, таких как: образец доски с тибетскими молитвами, использующийся при книгопечатании; чернильницы, прописи, кисти, перья из камыша для письма; «сахарная трость»; деревянная форма ноги 14 летней китайской девочки; медная фигурка, которую использовали в ритуальных целях китайские ворожеи; а также 10-ти кусков чайного экстракта и 3-х чайных шарика (Столярова и др., 2015, с. 37-40).

От О. М. Ковалевского в Кабинет редкостей Императорского Казанского университета в период 1834-1835 гг. поступили и другие предметы: тибетская аптека, состоящая из 60 приспособлений; части буддийского жертвенного алтаря (статуэтки из меди), а также большая коллекция традиционной одежды (Назипова, 2004, с.129). Всего было передано 467 предметов (Отчет о состоянии... 1840, с.37). Можно предположить, что данные предметы О. М. Ковалевский передал именно в дар, в отличие от большого собрания, также поступившего от него в 1833 г. (которое он приобрел по заказу университета и на специально выделенные средства). Не все экспонаты собирал сам О. М. Ковалевский, некоторые предметы через него передавали в дар университету люди, с которыми он познакомился и наладил связи во время экспедиций. Например, Долсам-Доржо Гемпилон²⁸, с которым О. М. Ковалевский познакомился во время пребывания в Забайкалье в 1828-1833 гг., передавал бурятские рукописи для библиотеки и несколько предметов с «Кукунорских капищ» для Кабинета редкостей: «медную статую, изображающую Шигемунья и две флейты, употребляемые при богослужении» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. Л. 19).

Во второй половине 30-х гг. XIX в. Кабинет редкостей распоряжением Совета университета отделяют от Минц-кабинета и передают в

²⁸ Гемпилон Долсам-Доржо (первая половина XIX в.) – бурятский лама, летописец, тойн (духовное звание) и гелун (духовная степень); руководил двумя дацанами в Бурятии.

ведение уже ставшего ординарным профессором О. М. Ковалевского²⁹. Одной из причин прихода О. М. Ковалевского в качестве заведующего в Кабинет редкостей явилось его желание в дальнейшем научно исследовать привезенные материалы³⁰. Важной задачей работы Кабинета редкостей О. М. Ковалевский считал сопровождение учебного и научного процесса. Для организации учета имеющихся в собрании Кабинета редкостей коллекций О. М. Ковалевский завел инвентарную книгу записи имущества кабинета (библиотеки и самих предметов) (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4523. Л. 15). Следует отметить, что до этого коллекции Кабинета редкостей записывали в опись Кабинета естественной истории. К сожалению, данную книгу не удалось обнаружить, и поскольку в последующем она не упоминается ни в одном источнике, то, вероятнее всего, была утеряна в середине XIX в.

Кабинет редкостей после перестройки главного университетского корпуса был помещен в актовЫй зал, в котором проходили торжественные мероприятия университета (экзамены, собрания). Но такое местоположение коллекций было неудобным и для Кабинета редкостей (затруднялась работа с предметами, не обеспечивалась надлежащая сохранность), и для самого актового зала (шкафы с экспонатами нарушали торжественную атмосферу зала, не соответствовали его функциям) (Назипова, 2004, с. 132-133). Как отмечал О. М. Ковалевский в обращениях к Совету университета, Кабинету редкостей необходимо свое, особое помещение (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3198. Л. 41). Впоследствии, кабинет и его коллекции были перемещены в “антресольные комнаты” западной части главного здания Казанского университета.

Восточное собрание Кабинета редкостей продолжало планомерно расширяться в 40-50-е гг. XIX в. В 1840-1841 гг. в дар Кабинету редкостей от ламы Бачухая Очарова были переданы две позолоченные буддийские статуэтки, а от ламы Ринчена Донова была получена индийская ракови-

²⁹ В 1834 г. О. М. Ковалевский профессор кафедры монгольского языка, а с 1837 г. – экстраординарный профессор.

³⁰ Назипова Г. Р. К истории Кабинета редкостей Императорского Казанского университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 29.

на. Вообще, встретить ламу в Кабинете редкостей в 30-е гг. XIX в. было вполне обычным явлением. Так, например, 20 августа 1836 г. с 12 часов Казанский университет осматривал Император Николай I: он встретился с чиновникам и студентами, осмотрел аудитории и учебно-вспомогательные подразделения университета. В Кабинете редкостей он обратил внимание на ламу, одетого в свой традиционный костюм, который стоял у буддийского жертвенного алтаря. При помощи профессора А. В. Попова, который им переводил, они пообщались (Исхаков, Исхаков, 2004, с. 76). Можно с уверенностью утверждать, что это был лама Галсан Никитуев, который в 30-е гг. был надзирателем в 1-ой Казанской гимназии. Проживая г. Казани он носил традиционный костюм – “дорогой” шелковый халат, украшенный вышивкой, и шапку с лентами. Это вызывало постоянный интерес и любопытство горожан: “при появлении его на улице всякий раз его навязчиво осаждали любопытные, желая взглянуть на его лицо, пощупать ленты, развивавшиеся на шапке, или прикоснуться к его дорогому халату” (Казань в ее прошлом... 1890, с.384). Галсана Никитуева рекомендовал на работу в Казанскую гимназию О. М. Ковалевский, он же руководил его научной работой. Лама Никитуев прекрасно владел монгольской и тибетской грамотой и чистописанием, совершил несколько научных экспедиций в Калмыкию и составил тибетско-монгольский-калмыцкий словарь (Полянская, 2016, с. 58).

В это же время в Кабинет редкостей от А. В. Пятницкого³¹ поступило собрание китайских музыкальных инструментов – пять струнных инструментов, три флейты и два рожка. Также в дар была получена японская резная роговая чашка из коллекции О. Е. Коцебу³², переданная в Казанский университет “генералом главного штаба графом Сиверсом³³”(Отчет о состоянии... 1850, с. 17-18). Этот предмет был ча-

³¹ Пятницкий Андрей Васильевич (1795-1856) – Иркутский гражданский губернатор, действительный статский советник.

³² Коцебу Отто Евстафьевич (1787-1846) – российский мореплаватель, капитан I ранга, участник нескольких кругосветных экспедиций; исследователь Северной Америки и Австралийского Побережья.

³³ Сиверс Карл Александрович (1823-1887) – действительный статский советник, глава ряда губерний Российской империи.

стью большой коллекции, собранной во время кругосветной экспедиции 1815-1818 гг., организованной по инициативе графа Н. П. Румянцева. В результате экспедиции, в том числе был собран большой материал по народам островного мира Тихого океана (Филиппинских, Сандвичевых, Алеутских островов и Японии) (Станюкович, 1978, с. 75).

Примечательно, что в этот период из Кабинета редкостей была передана в Минералогический кабинет коллекция окаменелостей (Отчет о состоянии... 1849, с. 55-56). Это свидетельствует о том, что Кабинет редкостей в большей степени приобретает профильный этнографический характер.

Следующее пополнение восточных коллекций Кабинета редкостей произошло благодаря синологу Василию Павловичу Васильеву³⁴, который провел десять лет в Китае (с 1840 по 1850 гг.). С момента поступления в Императорский Казанский университет В. П. Васильев стал заниматься востоковедением – изучал монгольский язык и литературу под руководством профессора О. М. Ковалевского (Валеев, 2002, с. 4-12). В. П. Васильев проявлял особый интерес и способности к изучению тибетского и санскритского языков. Поскольку университет уже давно планировал открытие кафедры тибетского языка, то было решено отправить В. П. Васильева в экспедицию в Китай в качестве члена духовной миссии. В инструкции относительно научной работы, которую составил О. М. Ковалевский, и одобрила Академия наук, В. П. Васильеву рекомендовалось “обратить внимание на географию, историю, религию и древности Тибета”. Также особое внимание рекомендовалось уделить изучению истории, литературы и древностей народов и стран Восточной Азии, которые “оказали и оказывают” влияние на Тибет (Китай, Индия, Монголия) (Отчет о состоянии... 1840, с. 12-13). В. П. Васильеву поручалось изучить особенности китайского земледелия и промышленности и приобрести для университета высокохудожественные образцы бытовой утвари и орудий, которые еще не представлены в собраниях Казанского университета (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 39). За время пребывания в экспедиции В. П. Васильев собрал много разнопла-

³⁴ Васильев Василий Павлович (1818-1900) – востоковед, профессор китайского и маньчжурского языков.

нового материала, в том числе и одиннадцать предметов, перешедших в Кабинет редкостей (Отчет о состоянии... 1840, с. 17). Более подробного описания предметов, привезенных В. П. Васильевым, пока обнаружить не удалось.

Пополнение собрания Кабинета редкостей в 40-е гг. XIX в. носило уже систематический характер, практически каждый год поступали новые предметы. Конечно, как и прежде, не было четкой программы его комплектования, и все предметы поступали в основном в дар университету. Нельзя утверждать, что пополнение Кабинета редкостей новыми предметами происходило только в рамках востоковедения. Так, именно в это период в Кабинете редкостей появились первые предметы из Америки.

Российские колонии в Америке, основание которых послужило важным поводом для кругосветных экспедиций российских моряков, являлись объектом научно-исследовательского интереса. Этот интерес особенно усилился в 30–40-е гг. XIX в. по объективным причинам политического (попытки англичан и американцев проникнуть в Русскую Аляску) и экономического характера (истощение и упадок морских промыслов) (Токарев, 2015, с. 197). Активные исследования способствовали расширению этнографических сведений о коренных народах этой территории и накоплению большого и особо ценного собрания предметов³⁵.

Ценную коллекцию по народам Русской Америки в 1840 г. передал в Казанский университет Д. Ф. Зарембо³⁶. Коллекция Д. Ф. Зарембо состояла из 65 предметов собранных у индейцев Северной Америки (предметы традиционного костюма, оружие и орудия труда, культовые предметы) (Отчет о состоянии... 1849, с. 55-56), в основном тлинкитов³⁷ и алеутов. Особый интерес представляют ритуальные маски тлинкитов

³⁵ Единственные в своем роде предметы традиционной культуры народов Русской Америки в России хранятся только в Кунсткамере.

³⁶ Заремба (Зарембо) Дионисий Федорович (1797-?) – мореплаватель и путешественник, капитан I ранга, дважды обогнул Землю; исследователь Русской Америки.

³⁷ Тлинкиты («колоши», «тлингиты») – индейцы, коренное население юго-востока Аляски и прилегающих островов.

– шаманские маски (мужские и женские), выполненные из дерева и покрытые характерными рисунками. В сведениях о коллекциях Кабинета редкостей, составленных в XIX в., отсутствует подробное описание этих масок, как и всех остальных предметов из этой коллекции

Интересным пополнением американского собрания стала коллекция В. Ф. Берви, собранная им в 20-х гг. XIX в. и переданная в Казанский университет в более поздний период (в 1857 г.). Во время несения службы судовым врачом Русско-американской торговой компании 1818-1824 гг. В. Ф. Берви посетил Мексику, Бразилию, Перу и другие южноамериканские территории, хотя ряд указов не рекомендовал русским судам плавать южнее калифорнийского побережья. Воспоминания о своих путешествиях В. Ф. Берви опубликовал в «Ученых записках Казанского университета» 1835-1837 гг. «Отрывки из записок путешественника» В. Ф. Берви содержат описания природно-климатических условий южноамериканского континента, подробные замечания о жизни креольского населения Лимы, столицы Вице-королевства Перу; историю династии Инков. Знакомство с необычной для него культурой и природой, отсутствие серьезных этнографических и антропологических исследований об индейцах Южной Америки, свойственный для первой четверти XIX века европоцентризм – все это отразилось на стиле описания В. Ф. Берви. В то же время он пытается систематизировать уже известные ему факты и их научные интерпретации. Как человек романтического склада, В. Ф. Берви излагает свои воспоминания предельно эмоционально, обращая внимания на бытовые мелочи, красоту природного мира, осуждая деятельность испанцев и других европейцев, виновных в уничтожении уникальной индейской культуры (Масалова, Гущина, 2012, с. 65-66). В. Ф. Берви пожертвовал музею несколько предметов из Центральной Америки: деревянный крест, украшенный орнаментом, из развалин Кальяо (Перу); бокал из кокоса (Перу); головной убор виде ленты из перьев (Калифорния) и “украшение для губ” из дерева (втулка, которую вставляли в нижнюю губу индейцы Бразилии) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 166).

Согласно Уставу 1835 г. в каждом университете наряду с естественнонаучными кабинетами/музеями (предписано 21 учебно-вспомогательное учреждение) должны были быть созданы музеи гуманитарного

профиля (1 учебно-вспомогательное учреждение) – Музей изящных искусств и древностей. Все прописанные в Уставе “разные учебные пособия, заведения и собрания” носили обязательный характер: “определяются особым распоряжением Министра Народного Просвещения по мере способов, кои к образованию их представиться могут”, несмотря на то, что направления научной деятельности и, следовательно, коллекции в каждом университете были не одинаковые (Сравнительная таблица... 1901, с. 147-151). По Уставу 1835 г. кабинеты также находились в ведении профессоров, а в 1837 г. министерством народного просвещения была утверждена официальная должность хранителя музея (Бурлыкина, 1996, с. 510).

Для положенного по Уставу, но реально не существовавшего Музея изящных искусств и древностей в Казанском университете стали закупать соответствующие экспонаты, которые должны были стать основой будущего музея. В 1842-1843 гг. приобрели достаточно большое собрание “египетских древностей”: мумию младенца из Фивских катакомб, барельеф Рамзеса V из его гробницы, 12 “идолов”, ожерелье и несколько других вещей (Отчет о состоянии... 1843, с. 29-30). Статуэтки были выполнены из бронзы, дерева и глины, покрытой глазурью (зеленой и синей). Они изображали основных богов египетского пантеона – Осириса, Анубиса, Исиду, Бастет. В описании коллекции, данной Б. А. Тураевым³⁸, указывается, что мумия была вместе с саркофагом (“детский гробик с мумией”) и по времени относится к “птолемеевско-римскому” периоду (эллинистический Египет, 332 до н.э - 30 н.э.). Саркофаг был орнаментирован изображением богов и надписями (Тураев, 1908, с. 10). Эту коллекцию поместили в Кабинете редкостей. Пополнение египетской коллекции активно продолжалось в более поздний период: в 1848–1849 гг. для музея были куплены: надгробная доска, расписанная иероглифами; “оболочки с мумии” в виде картонной куклы с изображением умершей женщины (саркофаг). У Н. П. Вагнера³⁹ была приобретена “рука

³⁸ Тураев Борис Александрович (1868-1920) – историк, востоковед, египтолог.

³⁹ Вагнер Николай Петрович (1829-1907) – биолог, первый резидент Общества естествоиспытателей Казанского университета.

и нога мумии” (Отчет о состоянии... 1849, с. 15-16). В это же время в дар от Э. А. Кнорра⁴⁰ были получены две статуи средневековых рыцарей, урны и этрусские вазы в слепках (Отчет о состоянии... 1843, с. 29-30).

К началу 50-х гг. XIX в. в Кабинете редкостей хранилось 553 предмета на сумму 1978 рублей. Одним из системных описаний коллекций кабинета являются сведения, представленные в «Записках о Кабинетах и других заведениях Казанского Императорского университета» (Записки о кабинетах... 1843). Как правило, такие «записки» – отчеты о состоянии, составляли заведующие структурными подразделениями. Можно предположить, что описание Кабинета редкостей составил О. М. Ковалевский. В «Записках» все коллекции Кабинета редкостей были разделены на 6 групп. В основе такого деления был положен принцип авторства коллекции: “Профессора Симонова”, “Профессора Ковалевского”, “Капитана Зарембо”, “Академика Френа”⁴¹. Отдельно обозначались предметы, “купленные в Китае и выписанные из Пекина” и предметы, пожертвованные университету разными лицами (Записки о кабинетах... 1843, с.51). Судя по всему, коллекции кабинета были систематизированы и записаны в учетной книге по своим тематическим группам, какие приводятся в «Записках» далее: “одеяния лам ... 8 предм.; Буддистские боже-ства и разные принадлежности жертвенника ... 95; Костюмы Китайцев, Маньчжуров и туалеты их ... 111; Костюмы монголов ... 2; Собрание китайских картин ... 86; Письменный и печатный приборы у разных Азиатских народов ... 30; Одежды, оружия и прочие редкости народов Сибирских и с островов восточного океана ... 37; Египетские древности

⁴⁰ Кнорр Эрнест Августович (1806-1879) – профессор физики и физической географии, заведующий физическим кабинетом.

⁴¹ Френ Христиан Данилович (1782-1851) – профессор восточной словесности Казанского университета, востоковед, нумизмат, заведующий в 20-х гг. XIX в. Минц-кабинетом Казанского университета; основатель и первый директор Азиатского музея в Санкт-Петербурге. Это первое упоминание его коллекции Кабинета редкостей. Можно предположить, что имелась ввиду его коллекция монет или рукописей, которые продолжали находиться в Кабинете редкостей. В описании коллекций Минц-кабинета в «Записках» нет упоминания о коллекции Х. Д. Френа, хотя точно известно, что он собрал и передал в дар университету коллекцию восточных монет.

– 10; Одежды, оружие и прочие редкости северо-американских народов ... 84; Смесь ... 52” (Записки о кабинетах... 1843, с. 52).

Суммарно указывается, что в Кабинете редкостей на 1 мая 1843 г. хранилось 505 предметов, но по подсчетам данного описания их насчитывается 515 штук. Можно предположить, что не все предметы были учтены или часть предметов уже была утеряна на тот момент. Например, переданная несколькими годами ранее коллекция египетских древностей состояла более чем из 15ти предметов, тогда как о «Записках» значится только 10 штук. Обозначалась и стоимость этих коллекций – на общую сумму 1716р. 32 коп. Причем, оценивались как предметы, переданные в дар, так и купленные. Стоимость ряда коллекций была очень условная. Например, если “одеяния лам” оценивались в 95р. 25 к., то “египетские древности” оценивались в непонятную сумму от 57 до 228 рублей. При подсчете общей стоимости коллекции вывели примерную среднюю стоимость.

С середины 50-х гг. XIX в. в направлении комплектования фондов новыми коллекциями и деятельности Кабинета редкостей произошли большие перемены связанные с переводом Восточного разряда из Казани в столицу. Восточный разряд был переведен в Санкт-Петербург, преподавание восточных языков в Казанском университете прекратилось. Восточный разряд Казанского университета, по сути, прекратил свое существование.

Помимо Восточного отделения, в середине XIX в. в Казанском университете этнографическими вопросами (по народам восточной части Российской империи) занимались и ученые, работавшие на историко-филологическом факультете. Такие теоретические исследования, основанные в большей степени на архивных материалах, проводились на разных кафедрах: всеобщей истории, географии и статистики, истории России, географии и статистики, русской словесности. Этнографические исследования не были приоритетным направлением научной деятельности этих ученых, но в целом их работы имели общую историко-этнографическую направленность. Например, И. Ф. Яковкин⁴², занимаясь в ос-

⁴² Яковкин Илья Федорович (1764 –1836) – первый ректор Казанского Императорского университета, заслуженный профессор, историк.

новном историей и географией, значительное внимание уделял этнографическим аспектам. Так, в работе «Летоисчислительное изображение российской истории» (Яковкин, 1814) он описывает народы Российского государства с древнейших времен до создания монархии, разделяя их на славяноязычных и “других, отличающихся от славян, прежде всего языком, а также обычаями и религией”. Также он дает картину этнической истории народов (место обитания, этнонимы, этнографические группы) и культурно-бытового взаимодействия на территории центральной части России. Например, мордовский народ он разделяет на несколько этнографических групп: мокшу, эрзя и каратаев, проживающих в разных районах Поволжья (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 7).

Первые работы, описывающие «местных инородцев»⁴³ Поволжья, активно публиковались в казанских газетах. В «Казанских известиях»⁴⁴ вышла заметка В. Я. Баженова⁴⁵ «Свистопляска. Описание поминок и народных игр в окрестностях Вятки, в четвертую субботу после Пасхи» (Баженов, 1817). Очень много этнографических заметок печаталось в «Заволжском муравье»⁴⁶, в том числе и его издателем М. С. Рыбушкиным⁴⁷. Его работа «О вероисповедании в Казанской губернии», в которой приводятся различные сведения о количестве церквей и монастырей, духовных лиц (по уездам), печаталась в нескольких номерах на протяжении 1834 г. (Рыбушкин, 1834).

Особый вклад в развитие этнографического знания в Казанском университете в 30-х гг. внес Василий Афанасьевич Сбоев⁴⁸, авторству

⁴³ Инородцы – термин XIX-начала XX вв., обозначающий все неславянские народы.

⁴⁴ «Казанские Известия» – первое периодическое печатное издание г. Казани, выходил в 1810-1820-х гг.

⁴⁵ Баженов Василий Яковлевич (1787-1831) – историк, журналист, профессор кафедры всеобщей истории, географии и статистики.

⁴⁶ «Заволжский муравей» – литературно-художественный иллюстрированный журнал, выходил в 1832-1834 гг.

⁴⁷ Рыбушкин Михаил Самсонович (1792—1849) – педагог, журналист, историк, литератор, профессор кафедры российской словесности

⁴⁸ Сбоев Василий Афанасьевич (1810–855) – писатель, этнограф, профессор кафедры русской словесности.

которого принадлежит первая научная монография о чувашах⁴⁹. Особое внимание В. А. Сбоев в своем исследовании уделил традиционным занятиям чувашей и связанными с ними обрядами календарного цикла. Например, он описывает старинный земледельческий праздник – обрядовое моление в честь нового урожая и нового пива. В своей работе В. А. Сбоев приводит много интересных сведений о семейных и общественных обрядах, например, о свадебном и погребальном ритуалах. Впервые В. А. Сбоев обратил внимание на вопрос о национально-смешанных браках (с русскими), билингвизм и рост двуязычия в среде «инородческого населения», на проблемы взаимоотношения социальных и этнических факторов, проявляющихся в трансформации бытовой культуры. В своем исследовании он отмечает, что современная ему чувашская культура – итог не планомерного развития, а упадка. Очень подробно он описал пантеон чувашских богов и духов, проанализировал названия каждого, поставил проблему влияния на традиционную религию чувашей мусульманства и православия.

Интерес к исследованию разных народов Российской империи проявляли не только историки и филологи. Следует отметить работы экономиста И. Я. Горлова⁵⁰ по статистике народонаселения Востока России. По поручению Совета Казанского университета в 1839 г. И. Я. Горлов был направлен для сбора статистических сведений в Пермскую, Оренбургскую, Астраханскую, Тамбовскую, Пензенскую, Нижегородскую губернии, Кавказскую область и Землю Войска Донского. На основе данных, собранных во время экспедиций, он охарактеризовал уровень развития этих областей. Результаты своего исследования он публиковал

⁴⁹ Работа В. А. Сбоева «Исследования об инородцах Казанской губернии» печатались несколькими частями в «Казанских губернских ведомостях» (1840—1850); в 1851 г. в Казани вышла отдельная книга, которая была переиздана уже после смерти автора, а в 1865 г. в Москве под названием «Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания» вышло третье переиздание работы.

⁵⁰ Горлов Иван Яковлевич (1814-1890) – экономист, профессора кафедры политической экономии и статистики Казанского университета, профессор кафедры политической экономии и статистики в Императорском Санкт-Петербургском университете.

в 1840 г. в журнале «Ученые записки Казанского университета». Так, в статье «Калмыцкое народонаселение России» (Горлов, 1840а) он показал динамику численности калмыцкого населения за период с 1771 по 1830 гг., отмечая, что после ухода части калмыков в Джунгарию в 1771 г. население Калмыцкой степи значительно уменьшилось (на 30285 киби-ток или 169000 человек). Но в то же время в 30-е гг. XIX в. численность калмыков по подсчетам И. Я. Горлова, возросла в три раза (достигла 140 тысяч человек) (Ученые – исследователи... 2005, с. 76-77). Подобные сведения даны и по Казанской губернии в статье «Движение народонаселения в Казанской губернии» (Горлов, 1840б).

В этот период заметно возрос исследовательский интерес к юридическому быту крестьян Российской империи. Как отмечает С. А. Токарев в своей монографии по истории российской этнографии, этот интерес был продиктован, прежде всего, практическими потребностями русского общества: «Прекращение вотчинной юрисдикции помещиков после реформы 1861 г., введение нового сельского управления, новых судов – все это вызывало множество вопросов, неясностей, конфликтов. Знать народные юридические понятия и обычаи стало необходимо для судебных и административных властей» (Токарев, 2015, с. 404).

Большой вклад в развитие юридической антропологии внес С. В. Пахман⁵¹. С 1867 г. С. В. Пахман становится членом Императорского русского географического общества (ИРГО), позже он был избран председателем Комиссии для собирания народных юридических обычаев, действовавшей при Отделении этнографии ИРГО. Под его руководством была составлена специальная программа для сбора сведений об обычном праве (автор – М. Н. Харузин) (Программа для собирания, 1889). Программа была изложена на 92 страницах, содержала сотни пунктов и вопросов о всех сторонах крестьянской жизни и традиционного быта. Большой этнографический материал содержится в публикациях С. В. Пахмана, подготовленных за время работы в Казанском университете, обобщенных и изданных позже в сборнике по обычному праву

⁵¹ Пахман Семен Викентьевич (1825-1910) – юрист, профессор кафедры законов государственного благоустройства (полицейского права), кафедры энциклопедии законоведения и русских государственных законов.

(Пахман, 1877, 1879). В его работах содержится очень много сведений о системе наследования по обычному праву. Например, С. В. Пахман отмечает, что наследование являлось действительно сложным процессом, в котором большую роль играли как местные традиции, так и особенности каждого конкретного случая наследования. В том числе он подчеркивал, что наиболее дискуссионным был вопрос о правах наследования женщины (Мухина, 2014, с. 342).

Большинство работ историков этнографической направленности относились к вопросам традиционного быта крестьян восточной части Российской империи (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 13). Пополнение музейного собрания предметами по культуре народов восточной части Российской империи учеными Казанского университета в середине XIX в. не происходило. В собрании Кабинета редкостей значился лишь один предмет по народам Поволжья: “маленький языческий идол” удмуртов, переданный в дар университету А. Г. Ласточкиным⁵². Это можно объяснить тем, что этнографическое изучение народов России не было самоцелью; историки и юристы не воспринимали этнографические предметы как источник. Но исследовательский интерес к этнографическим вопросам неуклонно возрастал. В том числе это было вызвано и общими тенденциями развития науки в России – этнографические вопросы регулярно поднимались в периодической печати, совершались регулярные научные экспедиции, появились первые теоретические обоснования этнографии. Именно с середины XIX в. в научных кругах, научной литературе и в академических структурах появляется термин «этнография».

Таким образом, этнографическое собрание, накопленное за полвека развития Кабинета редкостей, состояло в большей степени из предметов, характеризующих материальную и духовную культуру народов Восточной Азии и Азиатской части Российской империи (Китай, Забайкалье, Бурятия). Основным источником пополнения фондов стали научные экспедиции востоковедов (О. М. Ковалевский, В. П. Васильев); сами коллекции стали выступать материалом для научных исследований. Этнографическое собрание Кабинета редкостей в 30-40-е гг. XIX в. увели-

⁵² Ласточкин Александр Гурьевич (1826-не ранее 1899) – учитель Чистопольского духовного училища, священник.

чилося в десять раз. После перевода из Казанского университета ученых Восточного разряда в Санкт-Петербург, коллекции Кабинета редкостей утратили свое значение как источника. Этнографическое собрание не представляло интерес для научного исследования учеными-историками, не было задействовано в учебном процессе. Возросший общественный и научный интерес к обнаружению и исследованию памятников истории и культуры в середине XIX в. ставил вопрос о создании в университете собрания именно местных «отечественных древностей». Этнографическое собрание Казанского университета в середине XIX в. должно было стать базой, где формировался необходимый материал и основа для дальнейшего развития наук о культуре «местных» народов.

1.3. ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЕЙНОГО СОБРАНИЯ ПО НАРОДАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МУЗЕЙ МЕСТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ И ЭТНОГРАФИИ

Середина XIX в. стала временем начала планомерного и методического сбора этнографического материала; временем, когда этнография окончательно выделяется в самостоятельную науку. Знаковым событием развития этнографии в Российской империи принято считать открытие Русского географического общества (РГО). В Обществе было создано четыре отделения: общей географии, географии России, статистики и этнографии. В Обществе было создано четыре отделения: общей географии, географии России, статистики и этнографии. Первоочередной задачей Отделения этнографии ставилось комплексное изучение народов России: “познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание” (Образование и деятельность...). Отмечая важность таких исследований, В. И. Даль⁵³ подчеркивал, что во всем мире уже активно ведутся эт-

⁵³ Даль Владимир Иванович (1801-1872) – военный врач; писатель, филолог-фольклорист, этнограф.

нографические исследования и создаются специализированные научные общества, а в России, “представляющей богатейшее поле для исследований сего рода”, этнография развивалась более медленными темпами. Основной целью этнографического отдела РГО В. И. Даль определял полевое комплексное исследование разных “туземных племен”, которое заслужило бы “признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бывают необходимы” (Токарев, 2015, с. 294).

В Русском географическом обществе активно обсуждались теоретические вопросы о предмете, цели и месте этнографии в системе наук. Например, свое теоретическое обоснование этнографии дал один из учредителей РГО К. Э. фон Бэр⁵⁴, по мнению которого этнография являлась вспомогательной исторической дисциплиной, а исследовать нужно в первую очередь нерусские народы империи в историческом контексте. При этом он отмечал, что этнографические исследования являются очень важными и неотложными, т.к. из-за просвещения «иностранцев» России все различия между народами сглаживаются и, следовательно, исчезают объекты этнографического изучения (Токарев, 2015, с. 373).

Обоснование этнографии как самостоятельной науки и ее место в системе знаний о человеке и человечестве одним из первых выдвинул Н. И. Надеждин⁵⁵. Особое внимание Н. И. Надеждин обращал на тот факт, что в России накопилось много этнографического материала, но этнографии как таковой еще не сформировано. Для существования этнографии как науки недостаточно того, чтобы был этнографический материал: “Собирать материалы для науки может всякий охотник личным усердием и личными средствами. Но самая наука является только тогда, когда, во-первых, сбор материалов производится не небрежно и урывочно, как где пришлось, как попало под руку, но систематически, в порядке, связи и полноте, требуемых наукою” (Токарев, 2015, с. 379). Весь

⁵⁴ Бэр Карл Эрнест фон (1792-1876) – анатом, физический антрополог; занимался вопросами географии, этнографии и зоологии.

⁵⁵ Надеждин Николай Иванович (1804-1856) – лингвист, литературный критик, этнограф.

собираемый материал необходимо пропускать через “очистительное горнило строгой, разборчивой критики”, выделяя при анализе традиционной культуры народов “самобытные” элементы и те, которые сложились под влиянием культуры другого народа. Этот принцип выделения элементов, заимствованных из разных культур, явился для того времени новым словом в развитии этнографической науки (Токарев, 2015, с. 379). Объектом этнографических исследований он видел не только крестьян, но и средний класс горожан – мещан, купцов и разночинцев, которые пока “живут еще попросту, по-русски” (Станюкович, 1978, с. 99).

В сборе и публикации этнографических материалов о зарубежных народах ведущую роль продолжали играть «путешественники»; что же касается материалов об отечественных народах, то в XIX в. их преимущественно продолжают собирать и коллекционировать историки и филологи (Станюкович, 1978, с.99). Развитие этнографии в Казанском Императорском университете в 60-70-е гг. XIX в. по прежнему проходило на историко-филологическом факультете⁵⁶, где продолжал находиться Кабинет редкостей. Первоначально предполагалось вместе с Восточным разрядом также перевести в столицу коллекции Кабинета редкостей и Нумизматического кабинета (Минц-кабинета). Но практически все восточные коллекции Кабинета редкостей удалось оставить в Казанском университете (в отличие от коллекций Нумизматического кабинета). Это мотивировалось тем, что в Казанском университете уже давно возникла необходимость создания именно этнографического музея, где “эти вещи получают в нем место” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3669. Л. 10).

Оставался открытым вопрос о том, кто возглавит музей. Специалистов-этнографов с необходимой научной квалификацией и степенью по-прежнему еще не существовало, что было характерно для системы образования и науки в России в целом. Большинство ученых, занимавшихся этнографической проблематикой, работало в Казанском университете непродолжительное время (их переводили, или они сами переходили в другие университеты или академические структуры).

⁵⁶ По уставу 1835 г. на философском факультете существовало Отделение словесных наук; устав 1863 г. учредил четыре факультета, в том числе историко-филологический, основой которого было словесное отделение.

В период 1851-1856 гг. Кабинет редкостей находился в состоянии стагнации: решался вопрос о назначении нового заведующего и определении положения кабинета в системе университета; он не пополнялся новыми экспонатами. Временно, в 1856 г. должность заведующего Кабинетом редкостей, как и Нумизматического кабинета, занял и. д. ординарного профессора В. И. Григорович⁵⁷, но уже через год он передает эту должность С. В. Ешевскому, который в это время получает звание профессора (ГАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3659. Л. 39). Именно с именем профессора русской истории С. В. Ешевского⁵⁸ связана существенная реорганизация Кабинета редкостей и смена концепции комплектования фондов (несмотря на то, что в музее он проработал меньше года). По его инициативе в 1857 г. из Кабинета редкостей было сформировано новое учебно-вспомогательное подразделение Казанского университета – Музей местных древностей и этнографии. Согласно плану С. В. Ешевского в новом музее должно было сформироваться крупное собрание “местных древностей”, что соответствовало нуждам университета и было более полезным для развития исторических дисциплин, в рамках которых развивались и этнографические знания того времени (Отчет о состоянии... 1858, с.19).

Вопрос о необходимости комплектования собрания по народам Поволжья и Приуралья отвечал нуждам науки и запросам исследователей того времени. Отсутствие именно таких предметов в Кабинете редкостей отмечали многие ученые: “... Но как жаль ..., что этот кабинет не имеет костюмов всех инородцев Казанской губернии, а это необходимо” (Цит. по: Назипова, 2004, с. 133). Обилие фактического материала, накопленного каждой отдельной наукой, насущная необходимость во введении более узкой специализации внутри разных областей знаний, появление деления на теорию и практику – все это требовало новых организационных форм. Уже в названии нового музея закладывались исследовательские задачи для ученых Казанского Императорского университета

⁵⁷ Виктор Иванович Григорович (1815-1876) – историк, филолог – славист, профессор.

⁵⁸ Ешевский Степан Васильевич (1829-1865) – историк, занимался вопросами античности и средневековья; профессор.

и Поволжья в целом – изучение местного края. Изменилось не просто название музея, изменилась его концепция. Конечно, эти перемены происходили не в одночасье, а постепенно. В отчетах о состоянии Казанского университета за 60-70-е гг. XIX в. музей иногда еще именуют как Кабинет редкостей, но все же чаще Музеем местных древностей, Музеем местных древностей и этнографии или просто Этнографическим кабинетом (Гущина, 2013, с. 35).

Для того, чтобы сформировать собрание предметов в “нуждах местного краеведения”, С. В. Ешевский сразу после реорганизации музея обратился к заведующим учебными заведениями Казанского учебного округа (в Казанскую, Астраханскую, Вятскую, Оренбургскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Нижегородскую и Пермскую губернии) с просьбой доставлять, по возможности, сведения о “местных древностях” в Казанский университет (Отчет о состоянии... 1858, с.22). Текст обращения был отпечатан на бланке управляющего Казанским учебным округом в университетской типографии (Назипова, 2004, с.134). В обращении значилось, что Казанский университет заинтересован во всех сведениях о древностях края: о “курганах, городищах, могилах, местах, где происходили некогда побоища, развалинах древних зданий, валах, каменных изображениях, могильных камнях с надписями и т.п., прилагая, если возможно, рисунки и планы с них”. Отдельным пунктом отмечалось, что следует сообщать также о вещах, “находимых в курганах, городищах и могилах, с указанием, у кого они, и возможности приобрести их для университета” (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7322. Л. 4). В качестве методического руководства сбора информации предлагали использовать “записку о собирании Русских древностей, изданную археологическим обществом”⁵⁹.

Важность таких сведений и “возбуждения интереса” к древностям в разных частях Казанского учебного округа отмечалась и в научных изданиях. В «Ученых записках» Казанского Императорского университета

⁵⁹ По всей видимости имеется виду «Записка для обозрения русских древностей», вышедшая в качестве приложения в первом сборнике «Записок отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». По своей сути «Записка» представляла собой программу собирания памятников старины.

было размещено объявление о приеме к печати таких статей в особом разделе «Смесь»: “Губернии, составляющие Казанский учебный округ, так разнообразны, так богаты еще материалами, достойными изучения, что они для человека, любящего свое Отечество и понимающего значение науки в обширном ее смысле, могут быть на долго предметом его наблюдений. Некоторые из гг. директоров училищ, вполне сочувствуя этой мысли, своим влиянием возбудили уже деятельность подведомственных им лиц и обещали нам сообщать сведения, собираемые ими на месте из разных источников. Поэтому редакция ученых записок с полным удовольствием предлагает им особый отдел при издаваемых книжках, для помещения статей, заключающих в себе географическое, статистическое и этнографическое описание местностей” (Смесь, 1857, с.11).

Практически сразу на такой призыв Казанского университета откликнулись заведующие учебными заведениями и чиновники края. Уже в 1857 г. в Музей местных древностей и этнографии поступило сразу несколько разрозненных археологических и этнографических предметов, найденных и собранных на территории Среднего Поволжья. В основном, пополнение музея «древностями» происходило за счет археологических «коллекций болгарских (Камско-Волжских) и билярских древностей и вещами каменного века» из Поволжских губерний (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. Л. 9). Так, из Вятской губернии от И. М. Глебова⁶⁰ переданы каменные ядра (“шары”), найденные на р. Вятке. Поступали и этнографические предметы: из Нижегородской губернии были переданы образцы традиционного женского мордовского костюма – рубаха, “наличники”, которые надевались поверх рубахи сзади⁶¹, “фуфайка”, головной убор, украшения (серьги, браслет и перстень) (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7322. Л. 6-10). Не удалось установить, кто собрал и направил в Казанский университет эти предметы, но в источниках есть запись, что они были переданы через некоего казанского купца Никиту Зяблова и все экспонаты сопровождалось описанием на мордовском и русском языках, которое не сохранилось (Назипова, 2008, с. 29-32).

⁶⁰ Глебов Иван Михайлович (1813-1880) – директор Вятской мужской гимназии в 1856-1866гг.

⁶¹ Имеется в виду «пулай» – поясное украшение эрзянок (этнографическая группа мордвы).

После отъезда С. В. Ешевского в г. Москву временно заведующим Музеем местных древностей и этнографии был назначен Б. И. Ордынский⁶², но это не входило в сферу его научных и жизненных интересов. Поэтому, он передает эту обязанность и. д. адъюнкта Н. А. Попову, которого рекомендовал на эту должность сам С. В. Ешевский (Отчет о состоянии.. 1858, с. 23). За время заведования музеем Н. А. Поповым (1857-1860) его фонды продолжили пополняться отдельными предметами, характеризующими культуру и быт преимущественно «инородческого населения» Самарской и Оренбургской губерний, переданных дар от чиновников края. Так, в 1858 г. командующий башкирским войском Н. В. Балкашин⁶³ передал в дар музею башкирскую кольчугу “из железной проволоки” – “древнее башкирское вооружение”. А генерал-губернатор Г. А. Катенин⁶⁴ – подарил башкирский лук со стрелами в колчане “чехле, выполненным из красной юфти” (ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7322. Л. 12).

Как мы видим из описания этих дарений, пополнение фондов нового музея предметами «местной древности» не приобрело массового характера; предметы в собрании музея были разнородными. Но, тем не менее, в 1861 г. в Музее местных древностей и этнографии было около 200 предметов, характеризующих культуру и быт народов Поволжья и Приуралья (Отчет о состоянии... 1861, с. 14). Не было четкой дифференциации предметов по профилю, а большая часть собрания представляла собой археологические находки.

В 1860 г. Музей местных древностей и этнографии, также как и Минц-кабинет, поручают в заведование профессору русской истории Николаю Алексеевичу Фирсову⁶⁵, который оставался заведующим этого музея до конца своей жизни (даже в периоды, когда он был деканом

⁶² Борис Иванович Ордынский (1823-1861) – филолог, преподаватель греческой словесности; адъюнкт латинской словесности Казанского университета.

⁶³ Балкашин Николай Васильевич (1805-1859) – генерал-майор, оренбургский гражданский губернатор, командующий башкирским войском.

⁶⁴ Катенин Александр Андреевич (1800-1860) – оренбургский и самарский генерал-губернатор.

⁶⁵ Фирсов Николай Алексеевич (1831-1896) – историк, публицист, профессор русской истории Казанского Императорского университета.

историко-филологического факультета и ректором Казанского университета). Он должен был реорганизовать работу двух музеев и решить проблему с положенным по уставу, но реально не существующим в Казанском университете Музеем изящных искусств. Отдельно эти кабинеты/музеи существовать не могли по ряду причин. Во-первых, не было профильных профессиональных ученых, которые взяли бы на себя обязанность руководства ими и развивали в рамках определенных научных направлений и учебных дисциплин. Ни этнография, ни нумизматика не преподавались в университете, эти дисциплины не были прописаны в учебном плане вузов на тот момент. Также не было специалистов, которые занимались этнографией, нумизматикой и вопросами истории искусств в рамках своей прямой научно-исследовательской деятельности, а не в дополнение к ней. Во-вторых, существовала проблема финансирования этих музеев: Музей местных древностей и этнографии не был прописан в уставе университета, на него не было выделено штатных сумм. В то время как на Музей изящных искусств выделялись штатные суммы, но его по факту не существовало. При покупке предметов еще для Кабинета редкостей в 50-е гг. XIX в. расходовали суммы, выделяемые на Музей изящных искусств: “приобретения делаются из тех сумм положенных по штату на музей изящных искусств” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3198. Л. 41).

Согласно новому университетскому уставу 1863 г., среди ряда учебно-вспомогательных отделов – “учебных пособий, заведений и собраний” в университете определялось создание двух музеев гуманитарного профиля. Первым прописывался Музей древностей и художеств при кафедре теории и истории искусств, в котором должны находиться “слепки и копии с произведений древнего и нового искусства”; вторым – собрание монет и медалей. Особо отмечалось, что количество учебно-вспомогательных подразделений университетов с разрешения Министерства народного просвещения может быть увеличено, если возникнет такая необходимость (Сравнительная... 1901, с.150). Во главе музеев, как и до этого, должен был стоять профессор со степенью доктора наук. Хранители должны были избираться по рекомендации факультета Советом университета и утверждаться попечителем учебного округа (Бурлыкина, 1996, с.85).

В 1863 г. произошло объединение трех кабинетов Казанского университета – Музея местных древностей и этнографии, Музея изящных искусств и Нумизматического музея. В результате было создано достаточно большое учебно-вспомогательное подразделение историко-филологического факультета с громоздким названием – «Музей этнографии, древности, изящных искусств, собрания монет и медалей», заведовал которым Н. А. Фирсов (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4991. Л. 68). Этот музей состоял из нескольких кабинетов/отделов, и предполагалось, что в каждом из них будут свои хранители. Но по факту это был один музей с одним заведующим и одним хранителем. Первым хранителем объединенного музея стал И. Н. Холмогоров⁶⁶ (причем, часто в отчетах он указывается как заведующий, а не хранитель данного музея). В 1867-1868 гг. И. Н. Холмогоров был в экспедиции в Персии, а в 1869 г. он выходит в отставку по выслуге лет. Можно предположить, что в период 1867-1871 гг. музей находился без хранителя. Такое положение было вызвано тем, что в Казанском университете остепененных кандидатур на эту должность просто не было, как и не было желающих заниматься дополнительной и такой ответственной работой за небольшие средства. На оплату хранителя выделялось 500 руб. в год. Это было меньше суммы, которую мог бы получать специалист, если бы сразу после окончания университета шел работать преподавателем в гимназию. Поэтому на работу хранителем стали брать только что закончивших университет и подающих большие надежды молодых людей, которые были заинтересованы в возможности дальнейшей научно-исследовательской и педагогической работы в университете. В архивных документах содержится информация, что в 1871 г. на должность хранителя объединенного музея был приглашен Д. А. Корсаков⁶⁷, который параллельно начинает преподавательскую деятельность на историко-филологическом факультете (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5621. Л. 1-2). Но уже через год он оставляет

⁶⁶ Холмогоров Иван Николаевич (1819-1891) – востоковед, преподаватель арабского языка.

⁶⁷ Корсаков Дмитрий Александрович (1843-1920) – историк; с 1881 г. профессор по кафедре русской истории; впоследствии возглавил Музей отечествоведения Казанского университета.

должность хранителя, т.к. его избирают и утверждают в звании доцента русской истории. Поэтому 1872 г. на должности хранителя его сменил “окончивший курс студент” И. В. Соколовский⁶⁸ (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5792. Л. 1). По ходатайству Н. А. Фирсова в 1878 г. его отправляют на полтора года в города Москву и Санкт-Петербург для научной работы с целью подготовки к профессорскому званию. Предполагалось, что он в числе прочего будет осматривать столичные музеи (как построена экспозиция, какое оборудование, манекены). Следует отметить, что Н. А. Фирсов просил сохранить И. В. Соколовскому на время командировки жалование хранителя музея и брал на себя всю его работу на это время: «я, как заведующий этим музеем, существенные из этих обязанностей, состоящие в хранении в целости и порядке вещей и учебных пособий, принадлежащих музею, в выдаче последних для пользования профессорам и студентам и в обратном приеме их в музей, готов, на время командировки г. Соколовского, принять на себя» (Протоколы заседаний... 1878, с.743-744). По возвращению из командировки И. В. Соколовский заболел и скоропостижно умер. В 1879 г. на должность хранителя музея утверждают молодого профессорского стипендиата С. К. Кузнецова⁶⁹, который сам изъявил желание занять эту должность и ходатайствовал об этом перед Советом историко-филологического факультета (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1123. Л. 2). Н.А. Фирсов поддержал его кандидатуру и С. К. Кузнецов проработал в музее до 1885 г., пока не перешел на службу в Томский университет на должность библиотекаря.

Н. А. Фирсов прекрасно понимал, что он не сможет самостоятельно развивать три разных направления объединенного музея: «присмотревшись ближе к порученному мне делу, я пришел к заключению, что: во первых я не могу послужить с пользою ни для нумизмат кабинета, который только что начал приходить в порядок с совершенно хаотичного положения, постигнувшего его вследствие перевода создавшего его факультета восточных языков ...ни для Музея изящных искусств, - по

⁶⁸ Соколовский Иван Владимирович (1850-1880) – историк; оставлен к университету для работы над магистерской диссертацией по отечественной истории.

⁶⁹ Кузнецов Степан (Стефан) Кирович (1854-1813) – историк, этнограф, археолог; приват-доцент римской словесности.

сознаваемой мной некомпетентности в этих предметах и, во-вторых, так как не было ни малейшей надежды приобрести для Казанского университета профессора теории и истории искусств» (ГА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 2). Поэтому особое внимание он планировал уделять именно этнографическому отделу этого соединенного кабинета, который Н. А. Фирсов планировал развивать в направлении истории и этнографии Северо-Восточной части Российской империи (ГА РТ. Ф.977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 2).

Формирование музейного собрания по народам северо-востока России в определенной степени входило в непосредственный научный интерес Н. А. Фирсова. На основе архивного материала (летописи и писцовые книги) Н. А. Фирсов рассматривал вопросы о положении «инородцев» в России в XV-XVIII вв., и написал несколько историко-этнографических монографий (Фирсов, 1866, 1869). В своих исследованиях все «инородческое население» территории бывшего Казанского ханства Н. А. Фирсов делил на две группы – земледельцев (татар, марийцев, удмуртов, мордву и чуваш) и скотоводов (башкир). Основными отличительными факторами такой дифференциации он называл разницу бытового уклада и степень зависимости от власти Московского царства. Одним из первых российских историков Н. А. Фирсов стал рассматривать вопрос о процессе и сущности русской колонизации Поволжья, Урала и Сибири. Особое внимание в своих работах он уделял влиянию колонизации на местное население. Главную задачу своего исследования Н. А. Фирсов видел в сравнительно-сопоставительном анализе “условий жизни инородцев” до и после присоединения к Русскому государству, отмечая положительный характер влияния русской колонизации (Фирсов, 1869, с. 3-5).

С разрешения Совета историко-филологического факультета Казанского университета Н. А. Фирсов стал расходовать выделяемые на музей деньги (1000 руб.) “главным образом на археологические и этнографические предметы, имеющие отношение к отечествоведению вообще и к историческому, археологическому и этнографическому изучению Северо-Восточного края России в особенности” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 6.). Но нельзя утверждать, что в 60-70-е гг. XIX в. в музей поступали такие краеведческие предметы. В основном денежные средства Н. А. Фирсов тратил на создание профильной библиотеки,

а не музея. Он считал, что “главная библиотека университета не могла удовлетворить даже самой скромной любознательности относительно этих предметов”, потому что “при тех средствах, которые выделялись на русскую историю, и при обилии и разнообразии материалов, изданий, исследований” в этой библиотеке имелся очень ограниченный материал (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 6.). В основном Н. А. Фирсов приобретал книги и периодические издания по отечественной истории и “вспомогательных для нее дисциплин” (археологии и этнографии), для “удовлетворения нужд по кафедре русской истории” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. Л. 9).

Благодаря созданию при музее библиотеки, возросли его учебные функции. Н. А. Фирсов особо выделял важность самостоятельной работы студентов с литературой по истории и этнографии Волго-Уральского региона: «в нашем факультете уже давно составилось убеждение, что преподавание не может ограничиваться одним изложением предметов в догматической форме, что параллельно с этим старым способом преподавания должны вести преподаватели со студентами практические занятия, рассчитанные на то, чтобы ознакомить их непосредственно с литературой предмета, возбудить в них самостоятельность и через то лучше приготовить их к учительской профессии» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6422. Л. 28). Для удобства занятий при музее был основан лекторий по отечественной истории, который был открыт три дня в неделю с 12 до 14, и с 17 до 20 часов. Изучать литературу сотрудники и студенты университета могли как в самом музее, так и имели возможность брать определенные книги “на дом под запись” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6422. Л. 28).

Н. А. Фирсов за довольно небольшое время собрал действительно большую научную библиотеку. В первые годы открытия этой библиотеки при музее уже насчитывалось “250 названий книг, брошюр и карт” (Извлечение из отчета ... 1873, с.553-554), а через 10 лет в отчете указывалось, что в ней находилось “3342 тома и 26 рукописей” (Извлечение из отчета ... 1880, с.13-14). Библиотека была востребована не только студентами, но и самими преподавателями Казанского университета. Например, по поводу работы с книгами из библиотеки при Музее древностей и изящных искусств ходатайствовал Совет ОАИЭ, в состав которого вхо-

дил широкий круг лиц, как сотрудников, так и «посторонних» университету лиц. Но Н. А. Фирсов, не смотря на то, что сам являлся членом этого общества, ответил отказом. Свой отрицательный ответ он обосновывал тем, что согласно утвержденным Советом университета правилам пользования библиотекой к этому собранию допускаются только профессора университета и студенты историко-филологического факультета, и то “с некоторыми ограничениями по отношению к ценным или многотомным сочинениям – а последние и являются преимущественно необходимыми для археологических исследований” (Известия... 1878, с. 371).

Пополнение Этнографического кабинета новыми экспонатами происходило по-прежнему не систематически и нецеленаправленно, в отличие от пополнения библиотеки. Комплектование музея предметами, раскрывающими традиционную культуру народов северо-востока России, что было поставлено в задачу музея самим Н. А. Фирсовым, происходило за счет редких единичных покупок отдельных предметов. Так, в 1870 г. было приобретено марийское нагрудное украшение. Следующее пополнение музея этнографическими предметами, как стало известно по архивным материалам, состоялось только в 1877 г., когда были приобретены два “богато украшенных” женских костюма (один принадлежал “старо-крещеным татарам”, другой – мордовский) (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6422. Л. 27).

При этом предметов, раскрывающих культурное разнообразие различных регионов мира, в музей в тот же самый период поступало значительно больше. Все такие предметы были переданы в дар. Так, Казанскому университету была передана в 1868 г. “почетным попечителем Нижегородского Александровского института Прутченко” большая коллекция (39 предметов) египетских древностей, в числе которых “находятся довольно замечательные вещи”. Поэтому даритель хотел, чтобы они находились в “где могли бы служить научным целям и быть достоянием публики” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5119. Л. 4-5). Интересным является тот факт, что коллекцию собрал его брат во время своего путешествия по Египту в 50-е гг. XIX в. и то, что большинство предметов были «добыты» непосредственно при раскопках гробницы, которые он лично наблюдал. В состав этой коллекции входили части мумии (рука, ступня), часть крышки саркофага, статуэтки из бронзы и

песчаника, урны, четки и кусок савана. Коллекцию принял хранитель музея И. М. Холмогоров, который ее не просто зарегистрировал, но и изучил, определив, что предметы “относятся к поздней эпохе, т.е. ко времени начала арабского владычества в Египте”. Чтобы лучше сохранить “эти драгоценные остатки древностей”, И. М. Холмогоров составил на них специальную опись и полагал провести небольшие реставрационные работы – “наклеить эти папирусы на коленкор”(ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5119. Л. 4-5).

В 1880 г. этнографическое и археологическое собрание музея увеличилось на 33 предмета, из которых наиболее важным приобретением стала “коллекция различных туземных изделий и предметов обыденного употребления, доставленных консерватором Зоологического музея⁷⁰ из Самарканда” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6820. Л. 67). Следует отметить, что зоологов, биологов и ботаников Казанского университета в 80-е гг. достаточно часто командировали в Среднюю Азию с целью комплексного исследования данного региона. Из своих экспедиций они привозили разные предметы для профильных музеев Казанского университета и публиковали свои заметки о путешествиях, в которых, в частности, описывали и население Средней Азии. В 1879-1882 гг. в Ферганскую область (города Фергана и Коканд, территория бывшего Кокандского ханства, Восточный Туркестан) был командирован и. д. хранителя Ботанического кабинета С. М. Смирнов. Помимо основной ботанической коллекции, он собрал большое количество предметов и “в некоторые другие музеи, напр. в этнографический и в зоологический, и в Академию Наук” (более “50ти ящиков”) (Протоколы заседаний... 1883, с. 310). Особую ценность этим коллекциям придавал и тот факт, что они были собраны в труднодоступном для европейских исследователей регионе. В отличие от коллекции Э. Д. Пельцама, коллекция С. М. Смирнова была более комплексной. Он постарался собрать как можно больше предметов, всесторонне раскрывающих специфику данного региона: традиционные костюмы (мужские и женские халаты, обувь, головные уборы),

⁷⁰ С уверенностью можно предположить, что речь идет об Эммануиле Даниловиче Пельцаме (1837-1912) – зоологе, чучельнике, который был в экспедиции с целью сбора для Зоологического музея в Средней Азии в 1872-1878 гг.

бытовую утварь (тарелки, кувшины, чаши, палочки для еды), предметы, характеризующие основные занятия населения (от ножей для стрижки овец до шелка-сырца), продукты питания (курт, чай, хлеб)⁷¹.

В музей продолжали поступать единичные и предметы в дар от «местной интеллигенции». В 1880 г. священнослужители с. Лубягино Вятской губернии через своего земляка студента Казанского ветеринарного института И. А. Шестакова, передали в дар музею алебарду (древковое рубяще-колющее холодное оружие с комбинированным наконечником) и “древний фонарь со слюдяными вставками вместо стекол” (Протоколы совета... 1881, с. 216). Значительно большим было пополнение музея в следующий год (как раритетными историческими предметами, так и этнографическими). Так, в 1881 г. в Музей этнографии и древностей “сенгилевский уездный доктор А. М. Стржаловский” передал в дар через студента историко-филологического факультета Сергея Демина географический атлас “на 28 больших листах, изданный в Амстердаме (в 1688 году у Витта⁷²) и украшенный изящными гравюрами” (Про-

⁷¹ В описях Этнографического музея эти коллекции, также как и другие коллекции Музея отечествоведения, не имели учетных записей. Анализ архивных документов и описей музея позволил атрибутировать данные коллекции. Так, удалось установить, что коллекция, зарегистрированная под номером 142, является коллекцией, собранной Э. Д. Пельцамом (первоначально состояла из 33 предметов, в конце XIX – начале XX вв. их осталось 27). Коллекция же С. М. Смирновым из Ферганской области приходила в Казанский университет несколькими частями «коробками», и судя по всему так и хранилась в музее в этих коробках. Можно с уверенностью предположить, что коллекции Этнографического музея Казанского университета под учетными номерами 139, 140, 143 и 144 – большей частью представляют экспедиционные сборы С. М. Смирнова. Коллекции №№ 139 и 140 очень похожи по типологии предметов (обувь, посуда, бытовая утварь), а сами предметы выполнены в одинаковой технике. А коллекции под №№ 143 и 144 имеют подписи, что приобретены в г. Коканде. Причем, первая поступившая партия этнографических предметов С. М. Смирнова имеет в описи даже небольшое описание: «переданы С. Смирновым в 1878г. из городов Коканд и Ферганы».

⁷² Фредерик де Витт (1629-1706) – голландский картограф, владелец типографии и магазина ‘Witte Pascaert’.

токолы совета... 1882, с.257). У А. Н. Корсакова⁷³ за 150 руб. был куплен “серебряный жалованный ковш 1685 г. и серебряная чарка”, хранившаяся в кабинете Императрицы Анны Ивановны (Извлечение из отчета ... 1880, с.13-14). Эти предметы стали действительно ценным пополнением фондов музея. Этнографические предметы также поступили в музей в этот год закупкой: неизвестного происхождения китайская “шитая картина в раме со стеклом” стоимостью 10 руб. и “разные принадлежности” марийского костюма на 17 руб. 50 коп. Всего за 1881 г. этнографический отдел объединенного музея пополнился на 25 экспонатов общей стоимостью 183 руб. 50 коп. (Протоколы заседаний... 1883, с. 14).

Таким образом, этнографическое собрание объединенного Музея древностей, хоть и не планомерно, но продолжало увеличиваться. В начале 70-х гг. XIX в. по общему документальному каталогу в музее находилось 956 этнографических и археологических предметов (Извлечение из отчета ... 1873, с.553-554), а уже к началу 80-х гг. в таких предметов насчитывалось 1642 единицы (Извлечение из отчета ... 1881, с. 13-14).

В это период значительно возросла культурно-просветительская работа музея: он открыл свои двери для массовых посещений и стал очень популярным местом для поведения культурно-образовательного досуга (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1182. Л. 15). Помимо сотрудников и студентов Казанского университета его периодически посещали и «посторонние» для университета лица: “прежний Кабинет редкостей, который вследствие пополнения его археологическими и этнографическими предметами, имеющими отношение главным образом к северо-востоку края Империи ... постоянно возбуждает живой интерес как в местном населении, так даже со стороны иностранных ученых и путешественников: некоторые из последних посвящали немалое время обстоятельному изучению этого музея” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 4.).

Музеи/кабинеты Императорского Казанского университета, как отмечает Г. Р. Назипова, были открыты для публики в выходные и праздничные дни. Особенно большого размаха посещение музеев приобретало на пасхальной неделе, когда университет и его двор превращались в

⁷³ Корсаков Александр Ипполитович (1837-1893) – учитель русского и церковно-славянского языка, инспектор народных училищ Казанской губернии.

место народного гуляния. Посещение музеев университета для жителей и гостей города было привычным, регулярным и даже модным способом проведения досуга. Причем, большинство посетителей составляли ремесленники и средний класс. Из-за большой популярности музеев Казанского университета и большого потока посетителей в массовом доступе к музеям стали вводить ограничения. Как правило, посещение музеев и осмотр коллекций ставились в зависимость от хода учебной и научной работы. Посещение музеев было бесплатным. Абонементы и плата иногда взимались во время проведения некоторых выставок (Назипова, 2004, с. 175-176).

Активное участие музеев университета принимали в проведении выставок, проходивших в г. Казани. Выставки в России 60-80-х гг. XIX в. ставили своей целью просвещение и привлечения широкой общественности к научно-техническим достижениям и проблемам России. Как отмечает М. В. Бурлыкина, на выставках, “представляя сначала только одну привлекательную сторону предмета”, посетители могли без особых усилий удовлетворить свою любознательность. Выставки и музеи были доступны практически всем слоям городского населения и одинаково интересны как для специалиста, так и для простого посетителя (Бурлыкина, 1996, с.108). В последующем, участие в выставках было традиционным практически для всех музеев Казанского университета. Такие выставки устраивались как в г. Казани, так и во многих других городах Поволжья.

Музей этнографии и древностей принял участие на выставке, организуемой во время работы проходившего в г. Казани Археологического съезда ⁷⁴. Выставка состояла из трех отделов – археологического, этнографического и “памятников языка и письма”. На выставке в четырех больших залах были представлены коллекции, иллюстрировавшие “древность” (археологические и архивные предметы) и “современность” (этнографические предметы). Особый акцент на выставке был сделан на представлении территории Казанской и соседствующих с ней губерний (Извлечение из отчета ... 1877, с.181). Общее руководство выставкой было поручено Н. А. Фирсову, распорядителями этнографического от-

⁷⁴ Выставка была организована в рамках проведения IV археологического съезда в г. Казани в 1877 г.

дела были назначены Н. И. Ивановский⁷⁵ и И. А. Износков⁷⁶. Выставка была достаточно большой по объему предоставляемого материала. Для демонстрации на выставке свои коллекции предоставили многие музеи Волго-Уральского региона, а также частные коллекционеры. Выставка продемонстрировала успехи научно-исследовательской и собирательской деятельности в регионе (Назипова, 2008, с.173-178).

Экспонатами, предоставленными на выставку Музеем этнографии и древностей, стали, в первую очередь, археологические предметы – находки из Болгара и Билярска. Специально к выставке была изготовлена этнографическая карта Казанской губернии. Составление данной карты было поручено выдающимся ученым – Н. И. Золотницкому⁷⁷, И. А. Износкову, И. Я. Яковлеву⁷⁸ и В. В. Радлову⁷⁹. Предполагалось, что помимо карты на выставке будут представлены манекены в костюмах местных народов – “татар, черемис⁸⁰, мордвы, вотяков⁸¹ и чуваш и рисунки” с изображением представителей этих народов. Рекомендовалось также “разыскать рисунки развалин Болгар”, составленные учителем рисования при Казанском университете А. Н. Раковичем (Извлечения из отчета ... 1877, с.182). Таким образом, на выставке был создан визуальный ряд для более наглядного восприятия этнографической карты. После проведения выставки данная карта была куплена Н. А. Фирсовым у И. А. Износковского и экспонировалась в Музее древностей и этнографии.

⁷⁵ Ивановский Николай Иванович (1840-1913) – богослов, теолог, профессор Казанской духовной академии.

⁷⁶ Износков Илиодор Александрович (1835-1917) – чиновник, краевед, коллекционер; директор Казанского реального училища.

⁷⁷ Золотницкий Николай Иванович (1829-1880) – лингвист, тюрколог, этнограф; работал в Министерстве народного просвещения, Казанской миссионерской школе.

⁷⁸ Яковлев Иван Яковлевич (1848-1930) – миссионер, просветитель; инспектор чувашских школ Казанского учебного округа.

⁷⁹ Радлов Василий Васильевич (1837-1918) – востоковед, тюрколог, этнограф, археолог; в 1872-1884 гг. – инспектор татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа; академик Императорской академии наук. Подробнее о нем см.: Решетов А. М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75-85.

⁸⁰ Черемисы – дореволюционный этноним, обозначающий марийцев.

⁸¹ Вотяки – дореволюционный этноним, обозначающий удмуртов.

В 1880 г. в Музее древностей и этнографии была организована выставка собрания монет и медалей, которые ранее хранились в фондах. Эту выставку посетило довольно большое количество жителей и гостей г. Казани. Описывая успех выставки, Н. А. Фирсов среди посетителей особо выделял графа Н. Я. Ростовцева, “генерала Эккарта, ревизовавшего артиллерийскую часть Казанского военного округа”, секретаря итальянского посольства в г. Санкт-Петербурге Джулио Сильвестрелли, наставников и наставниц сельских школ Казанского уезда, учеников крещено-татарской школы, инспектора народных школ Казанской губернии (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6820. Л. 69-70).

Пополнение объединенного музея коллекциями не было систематическим, отсутствовала концепция и планомерность формирования собрания. Сам Н. А. Фирсов не мог надлежащим образом развивать Нумизматический кабинет и Музей искусств, во главе которых должны были стоять специалисты в данных областях. И такие специалисты уже были в Казанском университете. Поэтому, в 1885 г. Н. А. Фирсов выступил с обращением в Совет университета о проведение реструктуризации объединенного Музея древностей и этнографии, изящных искусств, собрания монет и медалей. Н. А. Фирсов предлагал образовать отдельный Нумизматический музей, и “поставить туда заведующим” лицо более компетентное в этом вопросе, чем он. И если ‘оставшийся музей не удовлетворит в сегодняшнем его состоянии’, то создать новый Музей отечествоведения, выделив из него коллекции Кабинет редкостей, с дополнениями по древностям и этнографии России, а также книги, “касающиеся отечествоведения вообще”, и этнографии, географии и древностей северо-восточной части империи в частности. При этом Н. А. Фирсов выступал за “необходимость сохранения и образования самостоятельного русского отдела”. Лекторий предполагалось оставить при Музее отечествоведения (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 5-6).

20 августа 1885 г. по распоряжению ректора для ревизии музея была назначена особая Комиссия в состав которой вошли профессора Казанского университета А. А. Штукенберг⁸², Д. А. Корсаков и Д. И. Нагуев-

⁸² Штукенберг Александр Анатольевич (1844-1905) – геолог, профессор геогнозии и палеонтологии; заведующий минералогическим и геологическим кабинетами; заведовал музеем ОАИЭ.

ский⁸³. По результатам работы комиссия пришла к нескольким выводам: “Музей нумизматический выделить весьма желательно, если найдется из членов факультета лицо, которое возьмет на себя труд заведования нумизматическим музеем. Образовать особый музей по отечествоведению в особенности Северо-Восточного края империи. Согласно действительному университетскому уставу образовать музей древностей в заведовании особым директором. Эти музеи должны находиться в заведывании особых директоров” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 15). Для финансирования музеев Комиссия предлагала из положенных в размере 1250 руб. штатных сумм Музея изящных искусств 250 руб. отдавать на Музей нумизматики. На финансирование “особого” Музея отечествоведения предлагалось просить университет об ассигновании дополнительных 500 руб. из внештатных сумм (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 15).

В результате, в 1885 г. в результате обращения Н. А. Фирсова в Совет университета и работы специально созданной Комиссии, из соединенного Музея этнографии, древности, изящных искусств, собрания монет и медалей образовались три самостоятельных музея: Музей отечествоведения во главе с Н. А. Фирсовым; Нумизматический музей, который возглавил Д. И. Нагуевский; Музей древностей и изящных искусств в заведовании Д. Ф. Беяева⁸⁴. Поскольку штатное расписание не предполагало наличие нескольких хранителей на историко-филологическом факультете, хранителем всех трех музеев был назначен Пётр Викторович Траубенберг⁸⁵, который проработал в этой должности до 1913 г.

Реорганизация музея проходила на протяжении 1885-1886 гг., поэтому в отчетах за этот период мы встречаем Музей этнографии, древности и изящных искусств, в составе которого выделяется библиотека и Кабинет этнографии и древностей. Причем, отмечается, что “Каби-

⁸³ Нагуевский Дарий Ильич (1845-1918) – филолог, профессор римской словесности; нумизмат.

⁸⁴ Беяев Дмитрий Федорович (1846-1901) – филолог, профессор греческой словесности.

⁸⁵ Траубенберг Пётр Викторович (1860 – не ранее 1928) – педагог, краевед; преподаватель историю и географию в ряде училищ г. Казани.

нет этнографии и древностей состоял из 2069 предметов, на сумму 4961 р. 6 к.” (Сведения о состоянии ... 1886, с. 69). И только в отчете за 1887 г. мы видим разделение на предписанные решением 1885 г. несколько музеев: Музей этнографии, древностей и изящных искусств, в котором был Кабинет этнографии и древностей состоящий из 174 предметов, на сумму 4726р. 57 к.; Нумизматический музей, состоящий из собрания монет и медалей (2325 номеров на сумму 3128 р. 69 к.) и библиотеку (32 наименований на сумму 4127 р. 67 к.); а также Музей отечествоведения. Последний состоял из трех отделов: Кабинета музея этнографии и древностей (633 предмета на сумму 4964 р. 16 к.), библиотеки (1947 названий в 4760 экземпляров на сумму 19973 р. 95 к.) и «имущества» (шкафы, манекены) (Сведения о состоянии ... 1888, с. 72). Как видно из описания, самое большое место в собрании Музея отечествоведения занимала библиотека (и по количеству единиц хранения, и по стоимости).

Таким образом, в 50-80-е гг. XIX в. произошли крупные изменения в процессе формирования этнографических коллекций в Казанском университете: Кабинет редкостей перешел в новое качество – Музей местных древностей и этнографии. Вместе со сменой названия поменялась и концепция комплектования фондов: от демонстрации «экзотических» народов к изучению местного населения. Важное место Музей этнографии, древности и изящных искусств стал занимать в учебном и научном процессе. Но этому способствовал не исследовательский интерес к накопленному собранию, а организация при музее исторической библиотеки и специального лектория. Накопленное за 70-ти летнюю историю развития этнографическое собрание Казанского университета хоть и состояло из уникальных предметов, но не отвечало нуждам «местной этнографии». Именно создание узко-профильных музеев соответствовало развитию науки в России во второй половине XIX в. На первый план перед учеными выходили задачи тщательного исследования естественноисторических ресурсов всей огромной территории Российской империи. Перед университетами ставились конкретные задачи изучения определенной полосы России. И создание профильного Музея отечествоведения, в котором должно быть сформировано крупное собрание по культуре народов Поволжья, было особенно актуально.

Глава 2. Развитие этнографических знаний и этнографического собрания в Императорском Казанском университете

2.1. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОВОЛЖСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НАУЧНОЕ КОМПЛЕКТОВАНИЕ МУЗЕЯ ОТЕЧЕСТВОВЕДЕНИЯ

Этнографические коллекции, перешедшие из Кабинета редкостей и накопленные за время существования Музея этнографии, древности и изящных искусств, легли в основу Музея отечествоведения, окончательно оформившегося как самостоятельное структурное подразделение в 1885 г. В музее было организовано два отдела – сам музей/кабинет и библиотека (Извлечение из отчета ... 1888, с.72). Но большая часть предметов этого музея по-прежнему была «экзотической», относилась к народам Австралии, Океании, Америки, Китая, Монголии и других стран. Предметы и коллекции, характеризующие культуру и быт народов Поволжья, были немногочисленными. В основном это были археологические находки в городах Болгаре и Биляре. Музей не соответствовал нуждам этнографии как науки в Казанском университете, которая в это время активно стала развиваться в рамках финноугроведения. Музей не соответствовал и своей цели – создания полного собрания по культуре народов северо-восточной части Российской империи, в том числе, и по народам Поволжья и Приуралья.

В вопросе о целенаправленном и систематическом пополнении Музея отечествоведения коллекциями по народам Поволжья большую роль сыграл Иван Николаевич Смирнов⁸⁶. Вместе с Н. А. Фирсовым они неоднократно обсуждали вопрос о необходимости реорганизации

⁸⁶ Смирнов Иван Николаевич (1856-1904) – историк, этнограф; профессор кафедры всеобщей истории Казанского университета.

музея. Поэтому, И. Н. Смирнов по предварительной договоренности с Н. А. Фирсовым, написал официальное письмо в Совет историко-филологического факультета о несоответствии музея его научным задачам, а именно отечествоведению. В своем обращении И. Н. Смирнов отмечал, что поскольку Музей отечествоведения – это провинциальный ведомственный музея, обладающий ограниченными средствами, он не сможет наглядно представлять культуру всех народов Российской империи с разделением на этнографические группы. Главной задачей музея должна стать презентация культуры народов Среднего Поволжья, особенно финно-угорского населения края. Но Музей отечествоведения, несмотря на то, что находится в центре “финно-угорских народов Поволжья” в силу отсутствия комплексных коллекций делает такую презентацию края практически невозможной. Его коллекции на тот момент, как отмечал Н. И. Смирнов, состояли из несвязанных между собой элементов традиционной одежды и небольшой коллекции разрозненной бытовой утвари, большей частью переданных в дар. Также Н. И. Смирнов подчеркивал, что в музее хранятся фотографии «местных инородцев», но нет сопроводительного иллюстративного материала (рисунков, планов жилищ). А предметов, которые раскрывают материальную и духовную культуру народов (бытовая утварь, музыкальные инструменты, культовые предметы) Музей отечествоведения вообще не имеет (ГА РТ. Ф.977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 1).

И. Н. Смирнов подчеркивал, что все эти недочеты имеют очень важное теоретическое и практическое значение для развития археологии, рассматривая этнографические коллекции по “современной культуре” как способ дешифровки предметов, собранных во время раскопок: «Без ясных представлений о современной культуре финских народностей края невозможны основательные археологические исследования; без коллекций, рисующих современный быт местных финнов, неясны коллекции, доставленные путем раскопок» ГА РТ. Ф.977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 1). Поэтому И. Н. Смирнов подчеркивал важность именно научного комплектования музея коллекциями по этнографии и археологии народов Волго-Уралья.

Н. А. Фирсов поддерживал основную идею И. Н. Смирнова и отмечал, что для создания такого комплексного музея по этнографии народов

Поволжья нужно поменять саму систему комплектования фондов. Если до этого основная часть предметов передавалась именно в дар или покупалась “по случаю”, то теперь речь шла о целенаправленном научном комплектовании фондов. Предполагалось, что для этой цели факультет будет ежегодно выделять определенные средства, на которые специалисты будут совершать научные экспедиции. Именно собранные во время таких экспедиций предметы должны стать основой формирования научного музея по этнографии и археологии местного края. Н. А. Фирсов отмечал, что приобретать предметы нужно постепенно «на месте жительства данного племени после непосредственного ознакомления собирателем их с бытом его, что возможно только посредством снаряжения ученых экспедиций в такие местности» (ГА РТ. Ф.977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 4-5). Н. А. Фирсов предлагал выделить 150 руб. (из положенных на музей 500руб.) на ежегодное приобретение археологических и этнографических предметов. Но ставил условие, что если эти деньги по каким-нибудь причинам в текущем году не будут израсходованы на экспедиции, они не должны уходить «обратно, по истечении года ... а предоставлены были музеем на другие его потребности, касающихся археологических и этнографических предметов и предвиденных для следующего года» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 4-5). Вопрос финансирования Музея отечествоведения был очень сложным. По штату финансирование полагалось только Музеем изящных искусств и Нумизматическому кабинету. Выделение денег на Музей отечествоведения шло через прошение Совета историко-филологического факультета и утверждалось Советом университета из оставшихся внештатных сумм.

В 1887 г. Н. А. Фирсов обратился к историко-филологическому факультету с предложением организовать первую подобную экспедицию “хотя бы то и в виде опыта, для ознакомления с бытом народностей определенного, небольшого района ” (ГА РТ. Ф.977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 4-5). Для исследования Н. А. Фирсов предлагал выбрать территории Казанского и Царевококшайского уездов, “где обитают луговые черемисы, татары земледельцы и русские крестьяне”. В состав участников Н. А. Фирсов предлагал обязательно включить сотрудника музея – директора или хранителя, И. Н. Смирнова как специалиста финно-угроведа и М. П. Веске⁸⁷ как знатока финских наречий. Также на организацию

экспедиции Н. А. Фирсов просил ассигновать “небольшую сумму, хотя бы в размере 100 р.” и просил выдать командировочные документы “узаконенные листы для разъездов по губернии” участникам экспедиции” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 4-5). Предполагалось, что после каждой такой экспедиции участники будут представлять отчет в Совет историко-филологического факультета и демонстрировать приобретенные для музея экспонаты.

Данный проект администрация университета поддержала на всех уровнях и в 1888 г. П. В. Траубенберг, И. Н. Смирнов и М. П. Веске были отправлены на несколько месяцев в места компактного проживания марийцев Среднего Поволжья (в Казанскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Уфимскую губернии). Перед экспедицией были поставлены две основные цели – сбор коллекции для музея и изучение “современного быта” марийцев. Обе задачи были достигнуты в полном объеме: участники экспедиции собрали коллекцию предметов “относящихся к черемисскому быту” и фактов “рисующих как прошлое, так и современное состояние черемисской народности”” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. Л. 12). На все переданные в Музей отечествоведения предметы была составлена опись – “указатель”, которая не сохранилась на сегодняшний день.

Такие экспедиции И. Н. Смирнова в разные регионы Поволжья для изучения местных финно-угорских народов стали регулярными. В период 1888-1895 гг. помимо экспедиции для исследования культуры марийцев он совершил несколько выездов к другим народам края: к удмуртам в Вятскую и Уфимскую губернии; для исследования мордвы в Нижегородскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии; в Пермскую губернию для изучения пермяков. По результатам своих исследований он представлял в виде сообщений или отчетов на собраниях историко-филологического факультета и Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). Позже, обобщив материалы поездок, он опубликовал в «Известиях» ОАИЭ несколько фундаментальных историко-этнографических очерков: «Черемисы», «Вотяки», «Мордва». В работах И. Н. Смирнова

⁸⁷ Веске Михаил Петрович (1843-1890) – преподаватель финских наречий; доктор философии Лейпцигского университета.

дана обстоятельная характеристика хозяйства финно-угорских народов Поволжья (земледелие, животноводство, охота и пчеловодство), приведена характеристика поселений и жилищ, исследованы основные промыслы и традиционные занятия финно-угорских народов Поволжья.

И. Н. Смирнов отмечал, что среди этнографических задач изучения народов Волго-Уралья большое значение имеет исследование вопроса о влиянии русского народа на марийцев, удмуртов и мордву, а также направлений и особенностей этого влияния (Сидорова, 2014, с. 141). Способами его изучения он считал, во-первых, научные «экскурсии»⁸⁸ – экспедиции, позволяющие установить “внешний быт” народов; во-вторых, изучение языков с целью выявления в нем новых понятий; а в-третьих, исследование произведений устного народного творчества (“поэзии”) для выявления духовных приобретений, сделанных под влиянием русского народа.

Одним из первых исследователей Поволжья И. Н. Смирнов пытался осмыслить предметное поле этнографии и дал определение понятию «этнографический материал». По его мнению, этнографический материал – это все то, что создает народ; это предметы бытовой и религиозной культуры, в которых народ выражает свои представления о человеке и обществе; свое миропонимание в целом (Смирнов, 1891, с. 3-6). И. Н. Смирнов подчёркивал, что все привлекает исследователей в равной степени, но в разное время. Сначала предметом изучения был язык, народная поэзия и верования, затем в сферу научных интересов исследователей входят правовые отношения и черты общественного строя. Исследование “внешнего быта” – типов и форм жилищ, орудий и традиционного костюма, стало актуальным с распространением идей “развития” (эволюционизма) и “переживания” (теории пережитков). Задачу местной этнографии И. Н. Смирнов видел в дальнейшем исследовании народного быта. Прежде всего, исследования жилища, по которому можно судить о “способности народа приспособлять к своим потребностям предметы окружающего мира” и о влиянии культуры одних народов на другие. Большую роль в исследованиях по вопросам взаимовлияния народов,

⁸⁸ Термином «экскурсии» во второй половине XIX – первой четверти XX вв. часто обозначали научные и учебные экспедиции.

по мнению И. Н. Смирнова, играет изучение традиционных костюмных комплексов, которые также раскрывают соотношения таких аспектов как традиционная культура – мода. Изучение традиционной бытовой утвари и орудий труда дает возможность реконструировать историю “технического развития” народов⁸⁹. Особое значение И. Н. Смирнов придавал фольклору, который богат культурно-историческим материалом. Также актуальными, по мнению И. Н. Смирнова, являются исследования обрядов (дают материал для “истории внешнего быта народа”) и поверий (история мысли, космогонических идей) (Смирнов, 1891, с. 3-6).

И. Н. Смирнов подчеркивал, что исследование народа заключается в комплексном подходе к изучению его культуры. Одним из первых в России И. Н. Смирнов стал применять социологические методы в своих историко-этнографических исследованиях, основываясь на методологии Г. Спенсера. Лейтмотивом в работах И. Н. Смирнова проходят идеи “географического детерминизма”, “эволюция как однолинейное развитие”, “концепция глобальных и тотальных инородческих заимствований” (Смирнов, 1891, с. 3-6). В духе эволюционизма И. Н. Смирнов видел и значение этнографии, которая призвана продемонстрировать историю человеческой культуры и общества в развитии и переходе от более низких форм и уровней к высшим (Смирнов, 1891, с. 12).

И. Н. Смирнов отводил особую роль этнографическим исследованиям, считая, что именно этнографический материал позволяет установить историко-культурные взаимоотношения между народами, расширить знание в сфере народоведения, совместно с данными археологии дать представление о самых древних временах в истории любого народа. Ему принадлежит обоснование выбора основных сфер сбора этнографического материала, призванных максимально точно и полно дать информацию о быте и культуре того или иного народа. В своих многочисленных экспедициях он собрал большое количество артефактов традиционной культуры финно-угорских народов, которые передавал в профильные музеи Казани и Санкт-Петербурга (Ахметова, Масалова, 2015, с. 41-42).

⁸⁹ Смирнов И. Н. Задачи и значение местной этнографии. Из публичных лекций, читанных 6 и 12 апреля 1891 г. в пользу Общества Археологии, истории и Этнографии. Казань, 1891 г. С. 3-6.

Анализ источников позволил точно определить, что все этнографические коллекции, которые И. Н. Смирнов собирал для Казанского университета, он передавал именно в Музей отечествоведения, а не в ОАИЭ (в музей Общества он доставлял археологические предметы из Булгара на средства ОАИЭ). Известно, что за период с 1888-1900 гг. в Музей отечествоведения И. Н. Смирнов доставил несколько коллекций. Но сложно точно определить, сколько именно предметов привез в музей И. Н. Смирнов. В Музее отечествоведения была инвентарная книга – “каталог документальный”, выданный в 1887 г. для записи имущества (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1884. Л. 5). Но дореволюционные учетные книги музея не сохранились, как и единичные описи или описания некоторых коллекций. В описях Этнографического музея Казанского университета второй половины XX в. коллекции, переданные из Музея отечествоведения, практически не содержат никаких сведений, кроме факта ведомственной принадлежности.

Известно, что И. Н. Смирнов привез для Музея отечествоведения несколько коллекций, в состав которых входили в основном предметы традиционного костюмного комплекса марийцев, удмуртов и коми-пермяков. Но помимо его коллекций по этим народам, в Музей отечествоведения доставляли аналогичные коллекции (описания которых тоже не сохранилось) и другие лица. Выделить из этого собрания предметы, которые привез И. Н. Смирнов практически невозможно. С точностью можно определить, что он является собирателем коллекции деревянной посуды, которая поступила в музей в этот период (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Народы Поволжья. Д. 192). Данная коллекция состоит из чашек и черпаков русского, тюркского (в основном, чувашского) и финно-угорского населения Поволжья (48 предметов). В своем описании Музея отечествоведения И. Н. Смирнов отмечает костюмы крещеных татар и мещеряков Нижегородской губернии, в которую он выезжал (Смирнов, 1892, с.442-446). Эти коллекции до начала его собирательской деятельности не упоминались ни в одном отчете, поэтому можно предположить, что и эти костюмы в музей доставил именно он. Также известно, что для Музея отечествоведения в 1890 г. И. Н. Смирнов на выделенные ему 100 руб приобрел коллекции “чувашских и черемисских одежд, головных уборов, украшений, утвари и т. п.” (Сведения о состоянии ... 1890, с.53).

Особо следует выделить ценную коллекцию фотографий, сделанную во время этих экспедиций. Автором фотографических работ является К. Т. Софонов⁹⁰, который в качестве «штатного эmissара» участвовал в научных экспедициях И. Н. Смирнова. Следует отметить, что работы, сделанные фотографом по заказу И. Н. Смирнова, доставлялись в Музей отечествоведения, в то время как сам К. Т. Софонов дарил фотографии ОАИЭ, членом которого он стал в 1890 г. За несколько лет собрание ценных для науки этнографических фотографий в Музее отечествоведения составило 250 штук: “: «Одно из первых по значению мест в ряду этих коллекций занимают фотографии волжских инородцев – Черемис горных и луговых, Чуваш верховых и низовых, Вотяков-Ватка и Калмезов, Пермьяков, Мордвы-Мокши и Татар” (Смирнов, 1892, с. 442-443). Все фотографии делились на две большие группы: антропологические (“поясные снимки в фас и профиль, имеющие дать понятие о типе лица”) и фотографии, иллюстрирующие особенности традиционного быта. Ко второй группе относились изображения деревень, улиц, домов, хозяйственных построек, бытовой утвари, повседневного быта и праздничных/обрядовых действий крестьян. Все эти фотографии, как и сами предметы, согласно концепции формирования данного собрания И. Н. Смирновым, были именно иллюстративным материалом. В духе теории эволюционизма они наглядно демонстрировали историю развития материальной культуры от более «примитивных» форм к более «развитым»: “Начиная с конического овина, который является остовом белого чума, переходя через курную избу с открытым ходом (пермьяцкая изба), инородец постепенно доходит до русского дома, идеал которого имеется тут – же в виде модели дома, какой строят раскольники – бегуны, к дому с крытым крыльцом, сенями и т.д. Низшую степень развития представляют постройки пермьяков, за ними следует чувашские, вотяцкие и наконец горно-черемисские” (Смирнов, 1892, с. 442-443).

Благодаря описанию Музея отечествоведения, составленного И. Н. Смирновым в 1891 г., мы можем реконструировать то, по какому принципу строилась экспозиция и рассмотреть основные этнографиче-

⁹⁰ Софонов Константин Трифонович (1851-не ранее 1919) – фотограф; владел фотоателье в г. Чистополе.

ские «отделы» музея. Этот принцип был сохранен в музее и в последующем. В основу концепции комплектования фондов музея предметами и создания экспозиции, а также проведения по ней экскурсий, И. Н. Смирнов закладывал метод сравнительно-сопоставительного анализа, на основе которого он строил выводы о генезисе, взаимовлиянии и типологии элементов традиционной культуры народов Волго-Уральского региона. Например, после фотографий, которые И. Н. Смирнов выделяет в самостоятельный отдел, шла коллекция посуды. Посуда делится на две группы – орнаментированную (удмуртская и коми-пермяцкая) и не орнаментированную (марийская и чувашская). Причем И. Н. Смирнов отмечал, что сопоставляя бытовую утварь марийцев и чуваш, «мы замечаем, что мотивы орнамента разграничены Волгой»: на севере от р. Волга, где живут луговые и вятские марийцы ручка ковши украшается «обыкновенно фигурой медведя или птицы»; на юге – в районе проживания чуваш и горных марийцев – фигурой коня. Ковши с «коньками» (вырезанными фигурками коней) на ручке «оказываются поразительно сходными у чуваш и черемис» (Смирнов, 1892, с. 443).

Далее С. Н. Смирнов выделял головные уборы народов Поволжья, отмечая, что при всем разнообразии они делятся на три главных группы: с коническим верхом, сороки/кокошники и шапочки, украшенные бисером и монетами. Особо И. Н. Смирнов выделял коллекцию вышивок народов края, рассматривая вариации орнамента по народам и сравнивая их с орнаментацией археологических предметов. Потом шла коллекция украшений и костюмов. В особую группу он выделял археологические коллекции, которые являются соединительным элементом между этнографическими «современными» предметами и археологическими находками более раннего периода («чудскими и мерянскими») (Смирнов, 1892, с.445).

В своем описании Музея Отечества И. Н. Смирнов в основном приводит сведения о предметах, раскрывающих культуру народов Волго-Уралья, и вскользь упоминает о среднеазиатской «коллекции Галеева», состоящей из образцов бухарского вооружения. Нам удалось установить, что «коллекцией Галеева» является коллекция Этнографического музея под номером 146 (первоначально состояла из 37 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Центральная Азия. Оп. 146). Под «образцами бухарского

вооружения” были обозначены луки, колчаны и стрелы, топорики, ружье и седла.

Достаточно большое этнографическое собрание по народам Восточной и Северной Азии, Русской Америки и Океании И. Н. Смирнов вообще не упоминает. Он, как и Н. А. Фирсов, хотел создать именно музей по истории и культуре местных народов, научно раскрывающий специфику Поволжья в археологическом и этнографическом плане.

Напротив, для простой публики больший интерес представляли именно экзотические для Поволжья коллекции. Именно поэтому в путеводителях второй половины XIX в., рассказывающих о достопримечательностях г. Казани, при описании Музея отечествоведения большее внимание уделялось восточной и океанийской коллекциям. То есть тем коллекциям, которые были все еще «редкими», «диковинными» и «удивительными» для жителя средней полосы Российской империи. Так, М. Н. Пинегин в своем путеводителе «Казань в ее прошлом и настоящем: очерк по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений» называет этот музей Музеем этнографии и отечествоведения. В своем очерке, посвященном музею, он приводит сведения об истории формирования: Кабинет редкостей с коллекциями И. М. Симонова и О. М. Ковалевского; Музей этнографии, древностей и изящных искусств, с последующим выделением из его состава Музея отечествоведения. Характеризуя коллекции музея, он, прежде всего, отмечает яркие китайские костюмы, которые “для нас весьма странны”: маленькая шапочка, сапоги с толстыми подошвами и треугольными каблуками, загнутыми носами; макет “до уродливости маленькой ножки, составляющий гордость китайской аристократки”; украшения, письменные принадлежности и картины (Казань в ее... 1890, с. 382-386). Потом автор приводит описание монгольской коллекции, куда он включил и буддийские предметы. Описывая океанийскую коллекцию, М. Н. Пинегин ошибочно называет Г. И. Солнцева собирателем, и тут же приводит и сведения о деле, сфабрикованном против него М. Л. Магницким. Последней он упоминает коллекцию “предметов из быта и жизни тюрко-финских племен местного края”, но не вдается в ее описание (Казань в ее... 1890, с. 382-386). Примерно по такому принципу описывается музей и в путеводителе Н. П. Загоскина (Спутник по... 1895).

Принцип комплектования фондов и построения экспозиции, который заложили в Музее отечествоведения Н. А. Фирсов и И. Н. Смирнов, поддерживал и следующий директор музея Д. А. Корсаков. Он занял эту должность в 1896 г. после смерти Н. А. Фирсова. Д. А. Корсаков довольно хорошо знал Музей отечествоведения и даже работал в нем хранителем непродолжительное время. Он продолжил комплектование музея предметами преимущественно краеведческого характера. Конечно, пополнение музея новыми коллекциями было неравномерным в разные годы. Если в 1888 г. насчитывалось 106 номеров предметов (Сведения о состоянии ... 1889, с. 35), то в 1891 г. уже 1141 из 1571 экземпляров (штук) (Сведения о состоянии ... 1891, с. 37). Такое увеличение коллекции можно объяснить, с одной стороны переданными в музей экспедиционными коллекциями, с другой стороны тем, что окончательно произошло перераспределение имеющегося собрания между Музеем отечествоведения и Музеем изящных искусств и древностей. Первоначально планировалось создать именно музей по местной истории и культуре, но чуть позже все этнографическое и часть археологического собрания вновь присоединили к Музею отечествоведения, хотя они не соответствовали концепции музея. Через год увеличение произошло всего на один предмет, в 1893 г. – на два номера (Сведения о состоянии ... 1892, с. 58). В отчете музея за 1896 г. значится, что коллекционный фонд состоял из “1146 нум., в 1599 экз., на 6373 р. 96 к. Вновь приобретен по этому отделу музея в отчетном году 1 нум., в 1 экз., на 10 руб” (Сведения о состоянии... 1898, с. 50). Сложно сказать, происходило пополнение музея в этот период этнографическими, археологическими или «историческими» (по истории Российской империи) предметами, т. к. нет подробного описания коллекций. В 1895-1899 гг. музей практически не пополнялся новыми экспонатами, в основном происходило пополнение библиотеки и отдела рукописей.

В начале XX в. пополнение фондов музея этнографическими предметами также как и в предыдущее время было нерегулярным и несистематическим. Значительные приобретения были сделаны для библиотеки при музее, о чем говорится в отчетах, в которых подробно описываются и систематизируются поступившие издания. В то же время Д. А. Корсаковым про вещественные коллекции приводится очень краткая информация.

В большей степени это были отдельные предметы, которые случайным образом попадали в музей. Так, в 1900 г. были приобретены украшения казанской татарки (11 предметов), которые были куплены у жительницы Казани Биби-ханум. В коллекции были выходившие из употребления в городской среде традиционные женские татарские украшения: чулпы/накосники, браслеты, коранницы (маленькие шкатулочки для хранения священного текста), застёжки (Назипова, 2004, с. 142). До этого в музей поступали немногочисленные вещи по казанским и крещеным татарам, представленные в основном предметами костюмного комплекса и головными уборами, но собрание по казанским татарам было самым немногочисленным. В 1902 г. через посредничество Д. В. Айналова в музей была пожертвована коллекция китайских музыкальных инструментов (9 предметов), включающая медные тарелки, барабаны и морскую раковину (Отчет о состоянии... 1903, с. 34).

В это же время стало формироваться собрание по русскому населению центральной части Российской империи. В своем описании Музея отечествоведения И. Н. Смирнов указывает, что “беднее других отделов” были коллекции по русскому населению Волго-Уралья. Но это было не совсем так, т. к. в 90-е гг. XIX в. в музее хранилось достаточно большое количество предметов по традиционной культуре русского населения. Большую часть этого собрания составляли фотографии, которые изображали в основном типы домов и придомовых построек русского населения Поволжья. Также в музее хранилось несколько женских костюмов из Вятской Нижегородской губерний и несколько образцов женских головных уборов из Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской губерний (Смирнов, 1892, с. 446). Сложно определить, кто был собирателем и дарителем этих предметов и когда они поступили в музей, т. к. информации об этом не сохранилось. Известно, что в 1890-1891 гг. Н. Л. Шабельская пожертвовала в музей принадлежности женского костюма Тульской и Рязанской губерний с кружевами и вышивками (Смирнов, 1892, с. 446). С приходом на должность директора Д. А. Корсакова русские коллекции стали активно закупаться. Этот факт еще раз подчеркивает то, что Д. А. Корсаков планировал создать именно музей по истории, этнографии и археологии Поволжья и Приуралья, где особое место отводилось русской истории, что соответствовало про-

филию кафедры и историко-филологического факультета Казанского университета в целом. Большая часть предметов по этнографии русского народа была куплена в 1903-1908 гг. у крестьянина Костромской губернии Владимира Михайловича Богомолова. В отчетах о состоянии музея есть только одна запись за 1904 г. про закупку предметов у В. М. Богомолова: “ «... куплено 90 малых медных образков и коллекция, состоящая из кокошников, крестьянских парчовых сарафанов, головных косынок, кички, штофного холодника и др. Эта покупка стоимостью в 91 руб.” (Отчет о состоянии... 1904, с. 31).

В то время как в описях Этнографического музея XX в. значатся несколько коллекций, купленных у В. М. Богомолова в 1903 г. (всего 19 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 5, Д. 6, Д. 9), 1905 г. (всего 13 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 10, Д. 11), 1907 г. (всего 5 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 13, Д. 15) и 1908 г. (всего 17 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 25, Д. 26, Д. 28, Д. 29). В основном в коллекциях были собраны предметы традиционного женского костюмного комплекса Нижегородской, Костромской, Архангельской, Вологодской, Пензенской, Ярославской, Рязанской и Тамбовской губерний. Можно предположить, что еще несколько предметов неизвестного происхождения из Нижегородской губернии, поступившие в 1907 г. также были куплены у В. М. Богомолова (4 предмета). Таким образом, покупкой этих коллекций были собраны основные костюмные комплексы разных этнографических групп русского народа, но они были не полными и демонстрировали только женский праздничный костюм (достаточно дорогой костюм). В это же время в музей студент В. В. Лобанов передал пастушьи бирки (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 7), а от неизвестного лица была получена коллекция бытовой утвари (6 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 8). А в 1906 г. у В. М. Богомолова был приобретен деревянный “расписанный травами” свечник (свечец) из Архангельской губернии (Отчет о состоянии... 1907, с. 28).

Что касается научных коллекций, доставляемых в музей учеными-полевиками, то Н. И. Смирнов продолжал доставлять в музей предметы, но они были малочисленны: в 1902 г. он купил на средства музея коллекцию по чувашам Цивильского уезда Казанской губернии (две рубахи,

образцы вышивок и несколько предметов посуды) (Отчет о состоянии... 1903, с. 34).

С конца XIX в. свои экспедиционные материалы в Музей отечествоведения стал передавать Н. Ф. Катанов⁹¹. С именем Николая Федоровича Катанова связано систематическое пополнение музея коллекциями, раскрывающими разные аспекты традиционной бытовой и религиозной культуры тюркских народов северо-восточной части Российской империи. Н. Ф. Катанов был ярким представителем этнографа-фольклориста XIX в., занимающегося полевой собирательской работой, основой на методе наблюдения, беседы и опроса местного населения. Большое значение Н. Ф. Катанов придавал комплексному сбору разнообразному этнографическому материалу (от фольклорных текстов до вещественных предметов традиционной культуры). В 1890 г. он передал в дар музею 2 бубна бельтирских⁹² шаманов, собранных во время его экспедиции на территории Минусинского уезда Енисейской губернии (Протоколы заседаний... 1899, с.111). В 1900 г. Н. Ф. Катанов передал в дар музею 30 фотографий населения Минусинского уезда (качинцев⁹³, бельтир, урянхайцев⁹⁴), на которые составил подробное описание (Отчет о состоянии... 1901, с. 28-30).

Помимо двух бельтирских бубнов, Н. Ф. Катанов доставил в музей еще одну коллекцию из Минусинского уезда Енисейской губернии. 4 сентября 1899 г. Н. Ф. Катанов передал в Музей отечествоведения десять предметов, приобретенных им покупкой или полученных в дар во время экспедиции в селах Аскыс и Синявино. Из с. Аскыс в музей Н. Ф. Катанов передал разнородную коллекцию, состоящую из кисета, огнива, ножа и двух портретов (Катанов, 1900, с. 52). В то время как из с. Синявино он привез цельный костюмный комплекс качинского шамана (халат, нагруд-

⁹¹ Катанов Николай Федорович (1862-1922) – востоковед, лингвист, этнограф; краевед и коллекционер; музеевед, создатель и руководитель нескольких музеев г. Казани.

⁹² Бельтиры – этнографическая группа хакасского народа.

⁹³ Качинцы – этнографическая группа хакасского народа.

⁹⁴ Урянхайцы – дореволюционный этноним, обозначающий тувинцев и сойотов.

ник, шапку, бубен и колотушку). Эти предметы Н. Ф. Катанову передал священник Г. Е. Суховский (Катанов, 1900, с. 52). Следует отметить, что все коллекции и отдельные предметы, которые Н. Ф. Катанов передавал в профильные музеи Императорского Казанского университета, он сопровождал подробным описанием. Также он публиковал научные заметки про данные предметы, благодаря чему на сегодняшний день у нас есть ценная информация о коллекциях.

Коллекция по народам Сибири пополнилась покупкой в 1904 г. у “торговца старыми вещами” Якуба Ишмеева⁹⁵ тунгусского костюма за 10 рублей. Костюм состоял из кожаного камзола и нагрудника, отороченных мехом, украшенных бисером и медными пуговицами и сапог из оленьей кожи (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 14). В том же году у Я. Ишмеева была приобретена и коллекция персидских предметов, являвшихся частью вооружения знатного война: щит с серебряными украшениями, шлем, “наручник” (лата) и секира (Отчет о состоянии... 1905, с. 32).

Музей отечествоведения в 80-90-х гг. XIX в. располагался в антресольных помещениях западной половины университетского корпуса, над учебными аудиториями. Это помещение Музей отечествоведения первоначально делил с Музеем изящных искусств и древностей (Назипова, 2004, с. 143). В 1895 г. вследствие переезда архива университета в новое помещение, последнему было выделено собственное помещение, а Музей отечествоведения получил две дополнительные комнаты, в который были перенесены библиотека и музейный лекторий (Сведения о состоянии... 1896, с. 45). Помимо расширения площадей музея и пополнения его новыми экспонатами, Д. А. Корсаков отмечал, что в музее необходимо заменить оборудование и вообще приобрести новое (Протоколы заседаний... 1899, с. 39).

Как и в других учебно-вспомогательных подразделениях Казанского университета, в Музее отечествоведения ощущалась недостаточность выделенных площадей. Это было одной из причин того, почему не все

⁹⁵ Ишмеев Якуб – казанский коллекционер, антиквар. С его именем связаны многие приобретения гуманитарных музеев Казанского университета в первой четверти XX в.

коллекции были выставлены в витринах для ознакомления, а просто хранились в “коробках” и “сундуках”. Эта ситуация наглядно описана в отчете за 1904 г.: “теснота комнат, отведенных для этих учреждений в антресолях университета и старого здания библиотеки, не дает возможности надлежащим образом разместить различные предметы, которые, таким образом, скрываясь в сундуках и ящиках, не могут быть обозреваемы посетителями и демонстрируемы студентам; отчего самая цель, ради которой существуют эти учреждения, не может быть достигнута” (Протоколы заседаний... 1899, с. 38). Поэтому сама цель “ради которой существуют эти учреждения” – сопровождение учебного процесса, не могла быть достигнута (Протоколы заседаний... 1899, с. 38). Например, из описания музея И. Н. Смирнова видно, что из трех узбекских коллекций для ознакомления в витрине была доступна лишь одна.

В процессе развития этнографического отдела Музея отечествоведения сказывалась и нехватка специалистов. Для научного описания и разбора коллекций музей должен был возглавлять профильный специалист, занимающийся этнографической тематикой. Заведующие Музеем отечествоведения Н. А. Фирсов и Д. А. Корсаков, хоть и обладали энциклопедическими знаниями, но все же были историками, не занимавшимися ни вопросами этнографии, ни вопросами музееведения. Этнографию воспринимали как вспомогательную дисциплину, которая способствует более комплексной подготовки учителей истории и географии. Разрабатывая вопросы русской истории, они планировали музей, в котором ведущее место заняли бы коллекции по русскому населению, тогда как коллекции по «иностранцам» служили бы своеобразной иллюстрацией того, как от более «примитивной» культуры местные народы приобщаются к более «цивилизованной». Даже И. Н. Смирнов, обосновывая важность преподавания этнографии и географии на историко-филологическом факультете, отмечал, что практическая цель такого преподавания – воспитание учительских кадров, которые в интересах государства будут способствовать “ассимиляции иностранцев с господствующей народностью” (Протоколы заседаний... 1899, с. 45).

Создание именно этнографического музея в целом они не ставили своей целью. И по этой причине, в том числе, пополнение музея было несистематическим и некомплексным, а многие коллекции находились в

«законсервированном» состоянии. Не обладая достаточными знаниями в области этнографии народов мира, они не могли научно систематизировать, описать и экспонировать многие предметы из собрания музея. Вот почему большая часть их закупок для музея относится к пополнению библиотеки или закупки «исторических» коллекций. Планомерно развивался только финно-угорский отдел музея.

Для нормального функционирования музея не было достаточно одной ставки хранителя, выделенной на три музея историко-филологического факультета. П. В. Траубенберг был без сомнения талантливым ученым, но одному заниматься тремя разнопрофильными музеями было просто невозможно. Оплата должности хранителя также была не большой – 500 руб. в год. Такая сумма не могла быть единственным источником дохода, поэтому он был «вынужден занимать преподавательские и даже административно-педагогические места» в средних учебных заведениях г. Казани (в учительской татарской школе), где П. В. Траубенберг не только преподавал, но и «нес обязанность классного надзирателя» (Протоколы заседаний... 1899, с. 46). Соответственно, такая работа была сопряжена с дежурствами «по несколько раз в неделю», что в свою очередь, отрицательно сказывалось на его работе в университетских музеях, «где необходимы постоянные, внимательные и нередко весьма мелочные занятия» (Протоколы заседаний... 1899, с. 46). Д. А. Корсаков неоднократно поднимал и проблему штатных единиц в музее: «сказывается настоятельная потребность в учреждении особых хранителей для каждого из трех музеев. Даже и в настоящее время эти музеи настолько уже разрослись и продолжают разрастаться, что требуют для занятий в них специальных знаний ... при чем содержание, получаемое хранителями музеев, должно быть вполне достаточно, чтобы они могли посвящать себя исключительно работе в музеях, не прибегая к другим заработкам» (Протоколы заседаний... 1899, с. 140). Но дополнительная ставка хранителя Музея отечествоведения так и не была выделена.

Сложность и разнородность музейного собрания, отсутствие каталогов, научного описания и планомерной работы по приведению коллекций в систему требовало каких-то организационных решений. Д. А. Корсаков составил план приведения некоторых коллекций музея в порядок, а именно он планировал: составить систематическую кол-

лекцию портретов русских деятелей и собрать коллекции по географии (виды местностей, городов, типов населения) (Протоколы заседаний... 1899, с.139). Разбор и систематизация этнографических коллекций не входили в этот план. С 1900 г. Д. А. Корсаков начал составлять систематический карточный каталог исторических коллекций и библиотеки при музее (Назипова, 2004, с. 142).

Этнографические коллекции Музея отечествоведения, в отличие от библиотеки, не были задействованы в учебном процессе историко-филологического факультета. Например, Д. А. Корсаков планировал создать в музее особый отдел, состоящий из пособий для преподавания истории и географии (учебники, карты, атласы, картины, приборы), с которыми должны знакомиться студенты историко-филологического факультета – будущие преподаватели истории и географии. Но этнографическое собрание не воспринималось как ресурс для преподавания и научной работы студентов, не было дисциплин, задействовавших его как наглядный материал/учебные пособия. Хотя изначально создание всех музейных собраний в университете воспринималось, в первую очередь, именно как создание базы для учебного и научного процесса.

Таким образом, задуманный еще Н. А. Фирсовым и И. Н. Смирновым проект музея по истории, археологии и этнографии местного Отечества не был полностью воплощен. Этнографическое собрание по народам Поволжья не составляло большинства экспонатов и было неоднородным. Только финно-угорские коллекции можно охарактеризовать как наиболее полные, дающие целостное представление о традиционной культуре. Но и эти коллекции не отражали комплексно какой-либо народ Поволжья с подразделением на этнографические группы, а показывали материальную культуру именно отдельных локальных групп. Отсутствовала единая и последовательная работа по приобретению экспонатов, систематическая работа по созданию и развитию музея. Этнографическое собрание Музея отечествоведения состояло из уникальных, но разрозненных экспонатов, которые не могли комплексно представить какой-либо регион. Этнографические коллекции Музея отечествоведения научно не изучали, не систематизировали, не описывали. По своей сути Музей отечествоведения оставался музеем «кунсткамерного типа».

2.2. РОЛЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ ИМПЕРАТОРСКОГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Во второй половине XIX - первой четверти XX вв. отечественная высшая школа окончательно оформилась как сложная система, реализующая свои основные функции на базе кафедр и научных обществ. В создании и деятельности общественных объединений (обществ) Казанской губернии ведущая роль принадлежала ученым Казанского университета. Научно-педагогические работники университета являлись инициаторами создания при Казанском университете ряда научно-просветительских общественных организаций, гуманитарных и естественнонаучных обществ, которые являлись центрами развития наук. На заседаниях таких обществ происходило активное обсуждение и разработка научных вопросов, выступление ученых с докладами, обмена мнениями и организаций экспедиций. Для популяризации научных знаний общества Казанского университета устраивали публичные лекции, чтения, концерты и литературно-музыкальные вечера, проводили выставки (Мубаракшина, 2010, с. 4-6).

Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете было открыто в 1869 г., как и другие общества естествоиспытателей при других российских университетах, по итогам проведения I Съезда русских естествоиспытателей и врачей⁹⁶. На Съезде подчеркивалось, что территория России, как восточная, так и европейская, была чрезвычайно мало исследована. Соответственно, целью таких обществ являлось научные геологические, ботанические, зоологические, географические и антропологические исследования разных частей Российской империи.

В Уставе Общества естествоиспытателей (ОЕ) при Императорском Казанском университете основной целью значилось исследова-

⁹⁶ Первый съезд русских естествоиспытателей, проходивший в Императорском Санкт-Петербургском университете, открылся 28.12.1867 (09.01.1968). На съезде активно обсуждался вопрос о необходимости образования ученых обществ в области естествознания во всех российских университетах для всестороннего исследования территорий России и развития науки.

ние в естественном и историческом плане территорию восточного края России (Волго-Уралъе и Сибирь). Особо выделялось такое направление как популяризация собранных открытий, сведений и данных (Кузнецова, 2004). Одной из своих задач Общество ставило и привлечение наибольшего числа лиц к естественноисторическим исследованиям. Исходя из поставленных целей, Общество создавалось именно как ассоциация специалистов разных направлений, причем отмечалось, что “антропология, этнология, психология выступают в этом случае непременно помощниками, без которых каждый шаг будет чисто эмпирическим. Весь физический склад народа, его организация, затем его обычаи, культура, вся обстановка, наконец, язык и так тесно связанная с ним мысль – все это требует естественноисторической почвы, требует естественноисторического метода и индуктивных выводов” (Отчет о деятельности... 1879, с. 4). Следует отметить, что ученые Общества занимались именно прикладными, полевыми исследованиями, для чего ежегодно организовывались специальные «экскурсии» – экспедиции.

Первые экспедиции Общества естествоиспытателей при Казанском университете были направлены на изучение геологии, флоры и фауны местного края. С момента открытия Общества в нем выделился специальный Отдел антропологии и этнографии. Говоря о плане работы этого отдела, первый президент ОЕ Н. П. Вагнер рекомендовал ограничиться подробным описанием бытовых и статистических вопросов, а также изготовлением фотографических снимков типов местного населения нескольких сел Казанской губернии (Сидорова, 2014, с. 57). Именно на базе этого отдела по итогам проходившего в г. Казани Археологического съезда в 1878 г. при Казанском Императорском университете было открыто Общество археологии, истории и этнографии.

Общество естествоиспытателей не ставило своей целью создание своего музея, поэтому весь привозимый из экспедиций вещественный материал сотрудники передавали в профильные музеи Казанского университета. Это было прописано в параграфе 7 Устава ОЕ, где особо подчеркивалась необходимость сбора именно краеведческих материалов (Назипова, 2004, с. 189). При ОЕ были свои небольшие научные коллекции, но этот отдел не воспринимался как музей, а скорее как некая ла-

боратория или дублетный фонд. Например, в отчете за 1880 г. мы встречаем такую информацию о научных коллекциях: в обмен на некоторые экспонаты из своей краниологической коллекции (черепов) Общество получило из Музея естественной истории в Париже “коллекции перуанских черепов, мумию ребенка и мумифицированные перуанские головы и стопы” (Извлечение из отчета... 1881, с. 41).

Уже впервые годы существования ОЕ выдвигались идеи о создании специализированного публичного музея. Так, П. Ф. Лесгафт⁹⁷ отмечал этнокультурное многообразие территории восточной части России и Западной Сибири (выделяя монголоязычные, финноязычные и славянские народы в крае) и предлагал основать в г. Казани Антропологический музей. Населяющие Поволжье народы, по мнению П. Ф. Лесгафта, представляют большой интерес для “современной науки о человеке” (Макарова, 2014, с. 2). Именно П. Ф. Лесгафтом была разработана подробная программа по сбору антропологического материала и осуществлен первый экспедиционный выезд в г. Болгар для этой цели.

О необходимости создания при Казанском университете Этнографического музея говорил еще во время IV Съезда естествоиспытателей П. Д. Шестаков⁹⁸. Он отмечал, что в Казанском университете, который является единственным университетом восточной части России просто необходим музей, в котором будет представлено все многонациональное население Волго-Уралья и показаны особенности каждого из народов края (Шпилевский, 1879, с. 88). Подчеркивалось, что экспонаты должны поступать в дар от чиновников и местной интеллигенции. Согласно его концепции, этнографический музей должен представлять территорию северо-востока России (Казанский учебный округ), а экспонаты должны были быть сгруппированы по народам. Причем, русский отдел в этом музее П. Д. Шестаков не предусматривал. За основу такого музея он предлагал взять этнографические коллекции Музея отечествоведения.

⁹⁷ Лесгафт Петр Францевич (1837-1909) – биолог, анатом, физический антрополог, врач; учредитель Общества естествоиспытателей при Казанском университете.

⁹⁸ Шестаков Петр Дмитриевич (1826-1889) – педагог, общественный деятель; попечитель Казанского учебного округа.

Этот музей должен был стать “пособием для исследователя-этнографа, кабинетом для ученых занятий, может пробудить у обычных людей желание заниматься этнографией” (Сидорова, 2014, с. 143). Но такой музей в этот период так и не был создан.

Антропологические исследования членов Общества естествоиспытателей были направлены на изучение «местных инородцев»: татар, башкир, чуваш, вотяков, черемис и мордвы. После каждой экспедиции («выезда») ученые представляли на заседании Общества подробные отчеты, которые часто публиковались в «Трудах» ОЕ или в виде отдельных оттисков статей (Титова и др., 2015, с. 691). Также в данном периодическом издании ОЕ публиковались исследования, в которых авторы представляли обзор и обобщения о развитии отдельных наук в Поволжье. Например, в работе М. М. Хомякова⁹⁹ «Антропология в Казани за 43 года» подробно описан процесс становления антропологических знаний в г. Казани (Хомяков, 1914).

Антропологические исследования финно-угорских народов края в Обществе естествоиспытателей активно развивали Н. М. Малиев¹⁰⁰ и его ученик С. М. Чугунов¹⁰¹. По поручению Общества естествоиспытателей С. М. Чугунов совершил две экспедиции в Симбирском и Ардатовском уезде Симбирской губернии с целью проведения антрополого-этнографических работ (Чугунов, 1882). Во время экспедиций он проводил измерения «живых людей» и раскопки старинных кладбищ, доставил в университетский музей мордовские, татарские и русские черепа. Еще будучи студентом, С. М. Чугунов опубликовал ряд научных работ, в которых он пытался выявить общие закономерности соотношения размеров черепов (Багашев, 2006, с. 168-172). Во время экспедиций он собирал отдельные предметы, которые передавал в ОЕ, а то в свою очередь, передавало их в профильные музеи. Например, в 1881 г. в Музей отече-

⁹⁹ Хомяков Михаил Михайлович (1874-?) – доктор медицины, гигиенист, физический антрополог; профессор Казанского университета.

¹⁰⁰ Малиев Николай Михайлович (1841-не ранее 1916) – профессор, доктор медицины; анатом, археолог, этнограф и физический антрополог.

¹⁰¹ Чугунов Сергей Михайлович (1854-не ранее 1917) – доктор медицины и зоологии, врач, зоолог, антрополог.

ствоведения им было передано женское мордовское нагрудное украшение, собранное во время экспедиции в Симбирской губернии (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 176).

За время работы в Казанском университете (с 1875 по 1888 гг.) Н. М. Малиев неоднократно выезжал в экспедиции для антропологического изучения мордвы, удмуртов, марийцев, коми-пермяков и представителей других народов. Н. М. Малиев не только занимался сбором палеоантропологического материала, но и проводил антропометрические исследования современных ему представителей разных народов. В его опубликованных работах приводятся сведения о численности населения, дается природно-географическая характеристика и историко-этнографическое описание исследуемой территории (Малиев, 1978). Он собрал большую и весьма ценную краниологическую коллекцию (695 черепов), которая была передана в Анатомический музей Казанского университета.

Следует отметить экспедицию ученых-естествоиспытателей в Пермскую губернию для исследования вогулов¹⁰². Пермская губернская земская управа в начале 1872 г. предложила исследовать пермяков и вогулов, ассигновав на это 500 рублей, т.к. “численность вогулов стремительно сокращалась”. Н. М. Малиев вместе с доцентом кафедры ботаники Н. В. Сорокиным летом 1872 г. совершили экспедицию в северной части Пермской губернии (восточный склон Уральского хребта). Во время экспедиции Н. М. Малиев занимался антропометрическими исследованиями кочевых вогулов, а Н. В. Сорокин, помимо своих научных ботанических изысканий, вёл дневник путешествия. Помимо географического описания местности он делал этнографические заметки, выполнял зарисовки местных типов жилищ, культовых предметов, костюмов, домашней утвари и оружия. В своем отчете о результатах экспедиции он приводит информацию о сильном влиянии русского населения на бытовую культуру вогулов: “те-же лавки по стенам, печь, стол, а в углу икону” (Сорокин, 1873, с. 6). Интересно его сравнение религиозных практик населения с. Копчик с теми, что сделал Иоган-

¹⁰² Вогулы (вогуличи) – дореволюционный этноним, обозначающий манси; коренное население Северного Урала.

на Георги¹⁰³ за столетие до него. Например, Н. В. Сорокин отмечает, что у вогулов этого села не сохранились языческие верования: “все они христиане и о жертвоприношениях, описанных Георги, нет и помину”; культовых языческих предметов – “идолов, ... напоминающих собою прежние времена язычества” в этом селе они не увидели вообще (Сорокин, 1873, с.10). Не являясь этнографом, Н. В. Сорокин основательно подготовился к поездке: в своем отчете он приводит сведения из разной литературы и источников по этой теме. Во время своего выступления с отчетом перед членами Общества естествоиспытателей, Н. В. Сорокин в качестве наглядного материала демонстрировал свои зарисовки некоторых посещенных экспедицией мест, показывал собранные традиционные костюмы и бытовую утварь вогулов (Лукинский, 1872, с. 14-15). Все предметы были переданы в Музей отечествоведения Казанского университета..

Таким образом, в работах физических антропологов при Обществе естествоиспытателей приводятся не только антропологические сведения (измерения и описания), которые были основной целью исследования, но и частичные этнографические материалы. М. М. Хомяков отмечал, что этнография – это “необходимая оправа для краниологии” (Хомяков, 1914, с. 9). Научные этнографические и краниологические исследования нужно “вести параллельно, но совершенно независимо”; недопустимо “подгонять” данные этнографии к “краниологическим целям и обратно” (Хомяков, 1914, с.9). М. М. Хомяков внес большой вклад в развитие антропологических знаний в Казанском университете. Занимаясь антропологическими исследованиями поволжских и приуральских народов, он обращается и к вопросам их истории, археологии и этнографии. Он написал ряд этнографических обзоров. Например, в 1911 г. вышла его работа «Эволюция вотского брака (свадебный обряд глазовских вотяков)», в которой он дает подробную характеристику брачному обряду одной из локальных групп удмуртов (Хомяков, 1911).

¹⁰³ Георги Иоганн Готлиб (Иван Иванович) (1729-1802) – медик, химик, натуралист, этнограф и путешественник; профессор минералогии, академик Императорской Академии наук и художеств. Автор первого сводного этнографического описания Российской империи.

В обзоре деятельности Общества естествоиспытателей за 25 лет (1869–1894 гг.) отмечалось, что Общество опубликовало 31 работу по антропологии, написанные двенадцатью авторами (Обзор деятельности... 1894, с. 14). Собственно этнографические исследования не были самоцелью, просто для качественного исследования необходимо владеть не только краниологической методикой, но и разбираться в “чуждых естествознанию” историко-социологических науках.

Говоря о развитии этнографии в России во второй половине XIX в., С. А. Токарев отмечает, что с 60-х гг. XIX в. в Российской империи, также как и во многих странах мира, появилась тенденция к сближению этнографии с науками естественного профиля (Токарев, 2015, с. 399). В Казанском университете этнография развивалась в тесной взаимосвязи, как с естественными науками, так и с историческими науками в рамках Общества археологии, истории и этнографии.

Большой вклад в развитие этнографии как науки и в формирование материальной базы этнографии внесли члены Общества археологии, истории и этнографии. Как отмечалось выше, ОАИЭ было образовано по итогам выставки IV Археологического съезда в 1878 г. на базе Отдела антропологии и этнологии Общества естествоиспытателей. На съезде был выработан Устав Общества, в первом параграфе которого была определена основная цель работы ОАИЭ: “Оно имеет целью изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгарско-Хазарских и Казанско-Астраханских царств с прилежащими к ней местностями” (Устав Общества... 1878, с. 7-14). Одной из главных задач общества стала координация деятельности ученых, занимавшихся изучением истории, археологии и этнографии народов Волго-Уральского региона, а также Сибири и Средней Азии. Таким образом, ОАИЭ создавалось как некий «координационный центр» исследовательской работы, объединяло ученых северо-востока России, становилось площадкой для научных дискуссий. Это общество организовывалось именно как “ученое братство, в которое вступают без различия чинов, званий, народностей и вероисповеданий, в котором все пользуются одинаковыми правами. Для вступления в нашу среду требуются только доказательства желания и способности трудиться” (Шпилевский, 1884, с. 31-32).

Сразу после своего открытия, Общество археологии, истории и этнографии развернуло большую научно-исследовательскую и культурно-просветительскую работу. Печатный орган Общества – «Известия Общества археологии, истории и этнографии» (ИОАИЭ), стал центром этнографической мысли востока России. На страницах ИОАИЭ представлен огромный материал о культуре, в широком смысле этого слова, многих народов Российской империи. Конечно, основное внимание в «Известиях» ОАИЭ отведено изучению культуры и быта народов Поволжья. Тематика работ была весьма разнообразна: от описательных обзоров, посвященных общей этнографической характеристике поволжских народов и их происхождению; до исследований, подробно описывающих отдельные элементы традиционной культуры (промыслы, жилища, верования, семейные и общественные отношения, обряды, фольклор) (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 33). В «Алфавитном указателе нарицательных имен», составленным И. В. Альфонсо к ИОАИЭ, приводится список изучавшихся в обществе нерусских народов: это башкиры, удмурты, болгары/булгары, буряты, калмыки, киргизы/казахи, мишари/мещеряки), мордва, ногайцы, остяки, коми-пермяки, сарты/узбеки, сербы, татары, марийцы, чехи, чувашаи, якуты (Кузнецова, 2004). Чуть позже Н. Ф. Катанов добавил к этому списку сагайцев, таранчей и тунгусов (Сидорова, 2014, с. 24).

В Уставе ОАИЭ прописывалось создание “хранилища материалов и ученых пособий”, а именно библиотеки, архива и археологического и этнографического музеев (Устав Общества, 1878, с. 7-14). Первым заведующим сборного музея ОАИЭ стал В. В. Радлов, но он “привел в порядок” только собранные на тот момент археологические коллекции. Позже должность заведующего Музеем ОАИЭ занимали профессора П. А. Пономарев, А. А. Штукенберг, П. И. Кротов и Н. Ф. Катанов.

Для научного сообщества г. Казани конца XIX в. вопрос о создании самостоятельного этнографического музея был особенно актуальным. Уже в первые месяцы работы ОАИЭ В. М. Флоринский¹⁰⁴ разработал и представил проект Историко-этнографического музея. По плану В. М. Флоринского такой музей, находясь в стенах Казанского университета, должен был быть публичным. Члены Общества ратовали за создание именно открытого и доступного для широких слоев музея, т.к.

большая часть музеев университета была открыта только по праздникам в определенные часы. Согласно мнению большинства членов ОАИЭ такой музей должен был знакомить посетителей с прошлым и настоящим местного края. По проекту В. М. Флоринского все предметы в музее должны были быть четко разделены на две группы – предметы древности (археология) и предметы “текущего столетия” (этнография). Такая дифференциация коллекций была характерна для большинства гуманитарных музеев Казанского университета. Подчеркивалось, что в музее должны находиться не только подлинные экспонаты, но и модели, фотографии и рисунки (Сидорова, 2014, с. 144). Публичный музей ОАИЭ не был создан, поскольку общество не смогло договориться с администрацией г. Казани о выделении на приемлемых условиях подходящего для организации музея здания (Извлечение из отчета, 1881, с. 51). Свой проект В. М. Флоринский предварил в жизнь в Музее этнографии и археологии Томского университета (Терюков, 2012).

Ежегодно общество организовывало этнографические экспедиции, из которых постоянно привозился большой разноплановый вещественный материал. Эти коллекции стали существенным пополнением Музея ОАИЭ. Например, уже в протоколах общества за 1879 г. среди перечисления пожертвованных археологических предметов, рукописей и книг, мы встречаем описание переданных в дар 6 этнографических предметов. Так, И. А. Износковым были пожертвованы собранные им во время экспедиций по Поволжью две чувашские куклы из Чебоксарского уезда, женский головной убор мариек ‘шерпан’ из Царевококшайского уезда и вышитое полотенце крещеных татар Лаишевского уезда. В то же время он передал Обществу собранные священником Г. Яковлевым две марийские куклы (Известия Общества, 1879, с. 418).

Музей ОАИЭ находился в западном крыле главного здания Казанского университета в небольшой и низкой комнате вместе с библиотекой и архивом. Этот музей являлся больше «складом»: “... он представляет собой склад различных археологических и этнографических предме-

¹⁰⁴ Флоринский Василий Маркович (1834-1899) – медик, профессор акушерства и женских болезней Казанского университета; археолог, коллекционер, музеевед.

тов, скученных в витринах, шкафах и ящиках” (Отчет о деятельности... 1882, с. 13-14). Коллекции были недоступны не только для посетителей, но и для самих исследователей. Поскольку идея создания публичного музея не была реализована, для демонстрации и популяризации своих коллекций ОАИЭ стало проводить научно-популярные выставки. Первая большая научно-просветительская археолого-этнографическая выставка была открыта в 1882 г. в залах университета на пасхальной неделе. Целью выставки было познакомить общественность г. Казани с собранными ОАИЭ коллекциями. Также выставка должна была способствовать пополнению денежного фонда ОАИЭ (предполагалась платное посещение) (Протоколы заседаний, 1884, с. 2). Выставка пользовалась большой популярностью и полностью окупила себя: за неделю ее посетило 2528 человек, “не считая посетителей, допускавшихся на выставку бесплатно” (Протоколы заседаний, 1884, с. 6).

Был издан каталог выставки (Каталог выставки... 1882), благодаря которому мы можем точно представить, структуру экспозиции и предметный ряд этнографического собрания ОАИЭ. Выставка состояла из 8 отделов: “Древности доисторические”, “Городища”, “Этнография”, “Памятники христианские и быт религиозный”, “Сборная коллекция”, “Рисунки, планы, снимки и гравюры”, “Автографы”, “Портреты”, “Палеография”, а также был раздел “Нумизматика”, по которому был издан свой каталог. Этнографический отдел выставки состоял из трех подотделов – “Этнография местного края”, “Сибирь и Кавказ” и “Средняя Азия (Туркестан) и Китай” (Каталог выставки... 1882, с. 41-54). Все экспонаты музея имели учетные номера, но под одним номером мог значиться как один предмет, так и несколько. По нумерации экспонатов в каталоге можно предположить, что была общая учетная книга, в которую выписывались все предметы в порядке поступления в ОАИЭ.

Отдел “Этнография местного края” был разделен на несколько частей по народам Поволжья: русские (26 номеров), татары (4 номера), чуваша (20 номеров), черемисы (35 номеров), вотяки (5 номеров), мордва (1 номер), башкиры (16 номеров). Также в этом отделе был отдельный стенд с фотографиями (31 шт.) и «сборная» коллекция из Вятского уезда (14 номеров). Все эти «разделы» были не однородны по количеству и составу предметов. Например, в башкирском отделе были пред-

ставлены 16 номеров образцов тканей, а в мордовском хоть и значится один номер, но под ним был учтен полный праздничный костюм мордовки, состоящий из 14 предметов (Каталог выставки... 1882, с. 45). А в марийском отделе был представлен комплекс традиционного костюма, в котором том числе были и украшения, приобретенный “в дер. Китяк, Малмыжского уез. Вятской губ., летом 1881 г.” (Каталог выставки... 1882, с. 45). Большую часть всех коллекций составляли предметы традиционного костюма народов Поволжья, собранные во время полевых экспедиций.

Отдел “Сибирь и Кавказ” не был разделен на подотделы и состоял из 22 номеров. Большую часть данной экспозиции составляли предметы “буддийского культа” – картины, посуда, фотографии, из Монголии и Бурятии. Кавказ был представлен фотографиями “Типы и виды Кавказа” (56 шт. учтенных под одним номером). Отдел “Средняя Азия и Китай” состоял из 77 номеров (43 и 34 соответственно). Среднеазиатская коллекция была представлена разнообразными предметами, переданных Обществу в дар из таких городов как Самарканд, Бухара и Хива (табакерки, образцы ткани, предметы костюма, посуда). В коллекции имелся уникальный предмет – конская сбруя, богато инкрустированная бирюзой и сердоликом. Это был “подарок Бухарского эмира Е. И. В. Великому Князю Николаю Константиновичу”, который он в свою очередь преподнес в дар ОАИЭ (Каталог выставки... 1882, с. 52). Китайская коллекция состояла из книг, картин, вееров, табакерок и табака, а также “консерв для стола” (Каталог выставки... 1882, с. 53-54).

Отделы выставки соответствовали основным направлениям этнографических исследований членов ОАИЭ – Поволжье, Северная и Средняя Азия. Самым большим по количеству работ и собранного вещевого материала было поволжское направление (в основном, финно-угроведение и тюркология), исследования которого велись на протяжении всего периода деятельности ОАИЭ. Традиционная культура финно-угорских народов стала объектом изучения многих ученых помимо И. Н. Смирнова, о котором речь шла ранее. Например, в 1882 г. научные дискуссии членов ОАИЭ развернулись вокруг вопроса об удмуртах. Штатный смотритель Сарапульского уездного училища В. С. Кошурников прислал в ОАИЭ статью «Быт вотяков Сарапульского уезда»; потом П. А. Понома-

рев¹⁰⁵ прочел сообщение члена-сотрудника Г. Н. Потанина¹⁰⁶ «У вотяков Елабужского уезда», в котором он привел сравнения элементов материальной и духовной культуры удмуртов, и представил собранный фольклорный материал. Особо подробны его записи ряда названий животных и растений на двух диалектах (глазовском и елабужском) и на четырех языках (латинском, русском, марийском и удмуртском) (Сидорова, 2014, с. 138). В своей работе Г. Н. Потанин отмечает влияние других народов на формирование фольклора удмуртов. Это сообщение стало результатом полевой археолого-этнографической экспедиции 1881 г., проходившей в нескольких уездах Вятской губернии (Протоколы заседаний... 1884, с. 13). Данное выступление вызвало оживленные дискуссии. Например, С. К. Кузнецов, отмечая достоинства “на теоретической стороне реферата”, оспаривал “некоторые выводы и сопоставления г.Потанина, а равно и метод этнографических исследований” (Протоколы заседаний... 1884, с. 13). Тогда как критику С. К. Кузнецова опроверг Н. А. Толмачев¹⁰⁷, который “не усматривал” в замечаниях С. К. Кузнецова достаточных данных для “решительного отрицания воздействия миросозерцания сибирских инородцев на развитие легендарных сказаний” у удмуртов (Протоколы заседаний... 1884, с. 13).

В этот же период в музей общества был доставлен священником В. Фроловым полный костюмом удмуртки “ныне вышедший из употребления” (Протоколы заседаний... 1884, с.10). А в 1891 г. от помощницы учителя Алнашевского русско-вотского земского начального училища Елабужского уезда Веры Васильевны Ложкиной в дар Музею Общества были переданы удмуртская детская рубаха и фартук (Протоколы заседаний... 1891, с. 23).

¹⁰⁵ Пономарев Петр Алексеевич (1847-1919) – историк, археолог, краевед, общественный деятель; преподаватель истории и географии в училищах г. Казани; заведующий музеев ОАИЭ.

¹⁰⁶ Потанин Георгий Николаевич (1835-1920) – географ, этнограф, фольклорист; занимался исследованиями Средней и Восточной Азии.

¹⁰⁷ Толмачев Николай Александрович (1823-1901) – врач, профессор кафедры детских болезней Казанского университета; краевед, археолог, антрополог, коллекционер.

Развитие этнографии как науки и пополнение музейного собрания Казанского университета тесно связано с именем Степана Кировича Кузнецова, который в 1879-1885 г. был хранителем Музея этнографии и древностей, приват-доцентом по кафедре русской истории. Он принял самое деятельное участие в научных экспедициях ОАИЭ по изучению местных финно-угорских народов, а после своего перехода в Томский университет занимался изучением народов Сибири. В основном, находясь в Казани, он исследовал особенности духовной культуры марийцев и удмуртов (язычество, моления, погребальные обряды и загробные верования, жречество и шаманство, секты), а также одним из первых поднял вопрос об этногенезе мордвы-каратаев.

С. К. Кузнецов активно занимался пополнением фондов музея общества коллекциями. Например, в 1882 г., представляя своей экспедиционный отчет на собрании ОАИЭ, он “предъявил при этом коллекцию одежд и старинных женских головных уборов, собранную им во время экскурсии для музея” (Протоколы заседаний... 18884, с. 22). С. К. Кузнецов в своих работах отмечал, что предметы религиозной жизни народа собирать очень сложно, а иногда и вовсе не возможно т. к. “продавать у инородцев не принято совсем, мало того – считается за великий грех” (Турьинская, 2008, с. 104-105). Когда какой-либо предмет приобрести невозможно, на помощь исследователю приходят модели реальных предметов. Таковую коллекцию, состоящую из моделей и подлинных экспонатов, собранную во время экспедиции к остякам р. Вая (27 предметов), С. К. Кузнецов передал в дар ОАИЭ. Это была комплексная коллекция, раскрывающая специфику традиционного быта охотников западной Сибири: модели чума, летней юрты, стрел и нарт; элементы костюма и бытовой утвари, орудия охоты, предметы культа (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 90). Также в музей С. К. Кузнецовым была передана небольшая коллекция по остякам Березовского округа “подаренная одним купцом” (6 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 92).

Объектами изучения среди тюркских народов Поволжья в большей степени выступали этнографические группы татар (мишари и крещеные татары) и чуваша. Большой вклад в этнографию чувашей и сбор

вещевого материала внес В. К. Магницкий¹⁰⁸. Одной из основных тем его исследований являлась традиционная чувашская вера. Например, рассматривая вопрос о ‘киремети’ (название духов и святилищ для поклонения им), он отмечал, что не все такие места были местом обитания самой Киремети, часто они трактовались как святое место, где живет “дух жертв”, где молятся и оставляют жертву, не имея возможности принести жертву в “доме” Киремети (Сидорова, 2014, с. 140). Результаты своих исследований он сопровождал демонстрацией собранного материала на собраниях ОАИЭ. Так, говоря о в киреметях, он демонстрировал жертву, которую приносят чуваша вместо настоящих серебряных и золотых монет: “Из жертвенных приношений киреметям мне удалось приобрести только: 1) Свыше 200 нохраток, 2) две тухланки и 3) маленький холщевый лоскуток с прилипшими к нему: хмелем, мукой, льняным и конопляным семенем, крупой, рожью и овсом, - не более щепоти каждого продукта. Нохратками (араб. Нукрат – серебряные деньги) называются кружечки, сделанные из белой жести и листовой меди, а тухланками – такие же кружечки, сделанные из олова” (Магницкий, 1884, с. 169). Помимо коллекции жертвенных денег, В. К. Магницкий продемонстрировал и передал в Музей ОАИЭ коллекцию ритуальной посуды, употребляемой на поминках: “Приносимая в овраг кухонная посуда оставляется в нем для употребления ее покойником в загробной жизни. В представленной в музее кадочке или, по местному названию, ‘чиряс’ приносится пиво, а в чашках и блюдах – каша и блины. Сверх того покойнику дается кошечек для питья пива. Для приноса пива берется та кадочка, которою черпалась вода для омовения покойника; остальная же посуда выбирается из той, что нам самим негоже” (Магницкий, 1884, с.173). Помимо ритуальных предметов В. К. Магницкий передавал в музей общества предметы традиционного костюма чувашей (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 22).

Значительно меньше публикаций в «Известиях» ОАИЭ относится к этнографии русского народа, в основном это филологические или фольклорные заметки. В то же время предметы по этнографии русского

¹⁰⁸ Константинович Магницкий Василий (1839-1901) – историк, этнограф, фольклорист, краевед; деятель народного просвещения.

населения Поволжья в музей общества поступали регулярно. В основном это были единичные, разрозненные вещи – головные уборы, части костюма, колокольчик, полотенце (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 26, Д. 41, Д. 42, Д. 96). Особо следует выделить работу Р. А. Нелидовой¹⁰⁹ «О наглядных пособиях для преподавания русской истории» (Нелидова, 1891, с. 3-4), которая сопровождалась показом авторских манекенов и авторских репродукций традиционных костюмных комплексов этнографических групп русских. Один манекен в костюме замужней русской женщины Казанской губернии Р. А. Нелидова передала в Музей отечествоведения, а часть своих подлинников (в основном образцы головных уборов) – в Музей Общества.

Формирование коллекций по народам Восточной и Средней Азии началось с первых лет существования ОАИЭ. Большая часть предметов была передана в дар Обществу Н. Н. Пантусовым¹¹⁰. В ОАИЭ он присылал “письма” (так в отчетах ОАИЭ назывались его посылки) с предметами из Китая. Например, в 1883 г. Н. Н. Пантусов прислал несколько таких писем “с приложением трех китайских шляп”, а также “с приложением таранчинских¹¹¹ и китайских вещей” (Протоколы заседаний, 1884, с. 35-36). Причем, в своих посланиях ОАИЭ он отмечал, что может присылать именно те предметы и по тем народам, какие общество само определит нужным для пополнения музея (т.к. он постоянно жил и работал в сопредельных с Китаем областях Средней Азии). Помимо вещественных материалов, Н. Н. Пантусов прислал в дар обществу огромное количество фотографии «древностей» Средней Азии и Сибири (домов, культовых построек, памятников и надгробий) и свои научные материалы в виде статей и сообщений, многие из которых были опубликованы ИОАИЭ. В основном его этнографические исследования относились к

¹⁰⁹ Нелидова Раиса Александровна – преподаватель истории Мариинской женской гимназии г. Казани.

¹¹⁰ Пантусов Николай Николаевич (1849-1909) – востоковед, археолог, лингвист, нумизмат, этнограф; правитель канцелярии, старший чиновник особых поручений в г. Верном Семиреченской области.

¹¹¹ Таранчи – дореволюционный этноним, обозначающий этнографическую группу уйгуров.

вопросам филологии уйгуров Семиреченской области, являвшихся переселенцами XVIII в. из Китая (Пантусов, 1898).

Работы по этнографическому изучению народов Сибири стали публиковаться в ИОАИЭ в 1890-1900-х гг. и были немногочисленны (менее 20 статей и сообщений за весь период работы Общества). В основном данные работы относились к изучению «древностей и истории» или традиционных верований народов Сибири. Территориально можно выделить две зоны исследований – Якутская область и Минусинский уезд. Обсуждение докладов часто сопровождал «оживленный обмен мыслей». Например, доклад Д. А. Кочнева о погребальных обрядах якутов (Кочнев, 1898) вызвал бурный интерес И. Н. Смирнова, П. А. Пономарева, А. К. Кулагина и Н. Ф. Катанова. И. Н. Смирнов отметил, что автор не упомянул, куда головою и ногами кладут покойника, тем самым не понятно, “где по понятиям якутов находится страна мертвых”. На что Д. А. Кочнев ответил, что кладут покойников по христианскому обряду – головою на запад, ногами на восток, следовательно, страна мертвых по поверьям якутов на востоке (Протоколы общих... 1898, с. 468-469).

Помимо описанных выше коллекций по остякам и тувинцам (буддизм) и “двух шаманских бубнов, приобретенных при посредстве А. А. Штукенберга” (Сведения о состоянии... 1893, с. 98), в музее ОАИЭ не имелось больше этнографических предметов, характеризующих культуру народов Сибири.

Отдельно следует выделить имя Н. Ф. Катанова, который разрабатывал широкий спектр научных тем по тюркским народам и сделал многое для пополнения музейного собрания Казанского университета и его научного описания. Как отмечалось ранее, в музей ОАИЭ он передавал в основном археологические предметы, а этнографические – в Музей отечествоведения. Н. Ф. Катанов одним из первых в Обществе стал подробно описывать все поступающие в музей коллекции, разделив их по группам – археологические, исторические и этнографические (Катанов, 1895, с. 234-243). Все предметы он доставлял в музей не просто для хранения и демонстрации, а для дальнейшего научного исследования. Для Н. Ф. Катанова этнографическое собрание представляло собой не просто редкости, раритеты, ценности – оно являлось источником важной информации о культуре народа, закодированной в предмете. У него

была достаточно большая личная коллекция, экспонаты которой он постепенно передавал в профильные музеи Казани. Например, Н. Ф. Катанов на заседании общества 14 декабря 1902 г. демонстрировал собрание печатных шамаилей¹¹² (24 листа) “с надлежащими объяснениями” (Протоколы общих... 1903, с.27). Эти и приобретенные им позднее шамаили он передаст в Этнографический музей Казанского университета только в 1914 -1915 гг. (АФ ЭМУ. Ф.Описи. Оп. Татары. Д.104).

Коллекции музея ОАИЭ пополнялись очень интенсивно, уже в 1881 г. в нем значится 979 номеров археологических и этнографических предметов. Большую часть составляли археологические коллекции, что нашло свое отражение в отчетах общества: археологические и нумизматические коллекции описывались более подробно, чем этнографические (Извлечение из отчета... 1881, с. 50-51). Это можно объяснить, с одной стороны тем, что в составе ОАИЭ этнографов, постоянно проживающих и работающих в г. Казани, практически не было. С другой стороны тем, что музей ОАИЭ возглавляли (до Н. Ф. Катанова) ученые, занимающиеся именно археологическими исследованиями. Соответственно, не было заинтересованных специалистов, кто стал бы заниматься систематизацией этнографического собрания Общества.

На работе с коллекциями сказывалась и общая нехватка помещений. По предложению А. А. Штукенберга и под его контролем в 1887 г. этнографические коллекции музея ОАИЭ были переданы на хранение в университетский Музей отечествоведения. На предметы был составлен особый каталог (Извлечение из отчета... 1888, с. 87-88). Большая часть этнографических коллекций так и хранилась в Музее отечествоведения. в сундуках, недоступных для исследователей.

Таким образом, созданные при Казанском университете Общество естествоиспытателей и Общество археологии, истории и этнографии внесли весомый вклад в развитие антропологических и этнографических знаний в Поволжье. Если в ОЕ во второй половине XIX в., в силу специфики научного направления, в большей степени развивались антропологические исследования, то в ОАИЭ – этнографические. ОАИЭ

¹¹² Шамаиль – мусульманское настенное панно/картина, изображающая святые места, имена Аллаха или извлечения из Корана.

стало координационным центром развития этнографии на территории северо-востока России. Этнографические работы членов общества имели не просто описательный характер, в них ставились вопросы об этногенезе народов, взаимовлиянии соседствующих культур, изменений в социальной структуре традиционных сообществ под влиянием экономических факторов. Но в трудах, опубликованных в ИОАИЭ, отсутствуют теоретические обобщающие работы по вопросам определения места и роли этнографии в системе наук; не ставятся проблемы методов и методики этнографического исследования.

Большая заслуга ученых ОАИЭ – накопление фактического материала, находившегося на стадии исчезновения и в дальнейшем недоступного для исследователей в поле. Этнографическое собрание музея ОАИЭ было существенно меньше, чем археологическое или нумизматическое. Но это были ценные коллекции, большую часть которых собирали ученые во время своих полевых экспедиций. Поэтому существовала определенная логика сбора материала; он был привязан к определенным научным проблемам, которые они разрабатывали. В целом, этнографические коллекции общества были комплексными и научными, являлись ценным этнографическим источником.

2.3. ЗНАЧЕНИЕ УЧЕБНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: КАБИНЕТ ГЕОГРАФИИ

С 60-х гг. XIX в. этнографические исследования стали еще более сближаться с естественными науками, которые в те годы могли действительно похвастаться огромными успехами. В научном сообществе того времени проходила широкая дискуссия о положении географии и этнографии в системе наук и в структуре высшего образования: что включает в себя география, какие дисциплины должны преподаваться и на каких отделениях университетов должны открываться кафедры географии – на историко-филологическом или физико-математическом. По Уставу 1884 г. кафедры географии и этнографии были учреждены на историко-филологических факультетах.

Географов и этнографов с профессиональным университетским образованием во второй половине XIX в. в России все еще не было. Именно поэтому, созданные впервые в Российской истории кафедры географии, этнографии и антропологии занимали ученые смежных дисциплин, бесспорно обладающие академическими и универсальными знаниями. Так, такие кафедры возглавили антрополог Д. Н. Анучин в г. Москве, антрополог Э. Ю. Петри в г. Санкт-Петербурге, геолог П. И. Кротов в г. Казани, ботаник А. Н. Краснов в г. Харькове, ботаник Г. И. Танфильев в г. Одессе.

В 1888 г. формально существующая на историко-филологическом факультете Казанского университета (с 1884 г.) кафедра географии и этнографии была перенесена на физико-математический факультет, чему способствовала долгая дискуссия и обсуждения. Это решение Совета университета можно объяснить двумя причинами. Во-первых, за время нахождения на историко-филологическом факультете кафедра географии и этнографии и должность заведующего кафедрой все четыре года оставались вакантными: “из определенных уставом и штатами 1863 и 1884 годов кафедр в Казанском университете, оставались в 1884 году незамещенными кафедры: 1) географии и этнографии” (Сведения о состоянии... 1885, с. 128). Следовательно, не велась никакая работа по кафедре. Во-вторых, в рассматриваемый период этнография воспринималась как часть страноведения и большинство ученых, занимавшихся изучением народов, придерживалось эволюционистских взглядов, считая, что в основе развития культуры и общества находятся аналогичные с развитием природы закономерности. Этнографией занимались не только историки, но и медики, зоологи, ботаники, юристы, (примеры чего были изложены выше).

Совет Императорского Казанского университета поручает организацию кафедры географии и этнографии, а также преподавание физической географии Петру Ивановичу Кротову¹¹³: “Некоторым преподавателям, сверх прямых их обязанностей, в текущем году поручено препода-

¹¹³ Кротов Петр Иванович (1852-1914) – геолог, географ, заслуженный профессор Казанского университета. Первый заведующий кафедрой географии и этнографии Казанского университета; основатель Географического кабинета.

давание предметов, принадлежащих к другим кафедрам, а именно: ... Кротову – в весеннем полугодии физической географии по два часа в неделю... с вознаграждением за их труд: ... Кротова по 200 руб. за недельный час, из остатков от суммы, ассигнованной на содержание личного состава университета...” (Сведения о состоянии... 1888, с. 35-36). П. И. Кротов внес большой вклад в изучение Волго-Уралья, именно ему принадлежит важная роль в формировании и развитии в Казанском университете профессиональной географии, теоретическое определение места географии в системе наук и обоснование потребности подготовки профессионалов географов на естественнонаучном отделении.

Рассматривая географию в рамках русской географической школы, П. И. Кротов определял ее как всеобъемлющую науку о Земле, и подчеркивал необходимость изучения взаимодействия природы и человека, развивая географию в Казанском университете в широком понятии страноведческой науки (Гущина, 2014, с. 74-75). П. И. Кротов разделял географию на общую и частную. Предметом общей географии он считал всю Землю, поэтому в рамках географии нужно рассматривать все компоненты от атмосферы и биосферы до рельефа и гидрографии. Задача же частной географии заключается в изучении конкретной территории, природно-географических особенностей (специфика фауны и флоры, человеческое население, материальную и духовную культуру народов). По мнению П. И. Кротова география не должна быть просто описательной, а должна констатировать особенности распределения флоры и фауны и исследовать причины этих особенностей, во взаимосвязи с другими особенностями рассматриваемой страны/региона. Таким образом, задача географии заключалась в сборе и анализе информации об изучаемой территории (Бусыгин, 1998, с. 192).

Большее внимание П. И. Кротов уделял развитию и теоретическому обоснованию географии, особо не выделяя этнографию из комплексной географической науки. В целом, П. И. Кротов географию разделял на три важных компонента: общее землеведение, страноведение и этнографию (Дедков, 2002, с. 9). Физические и социокультурные особенности человека также являются предметом исследования географов. Следует отметить, что при П. И. Кротове на кафедре стал преподаваться предмет «Общая этнография (антропология)» (Обозрение преподавания, 1900,

с. 22). Для П. И. Кротова объектом исследования географии является и человек, его культура и жизнь. Поскольку сам человек – такой же продукт окружающей его среды, изучение взаимовлияний природы и человека должно быть одной из ведущих тем землеведения (Исаченко, 1971, с. 441). Таким образом, в рамках географии как естественной науки, при исследовании природно-географической среды большое внимание должно уделяться изучению населения – человека: “человек, его место в природе, его расовые и племенные особенности, его культурное состояние в связи с географическим распространением рас, племен, культур является существенным элементом землеведения” (Бусыгин, 1998, с. 193).

П. И. Кротов провел огромную работу по структурированию учебного процесса и созданию качественной учебно-вспомогательной базы: создал библиотеку и Кабинет географии при кафедре географии и этнографии. Большое значение П. И. Кротов уделял принципам наглядности и практическим занятиям. Ему фактически пришлось создавать систему преподавания и оснащать специальный кабинет для сопровождения учебного процесса с нуля. На содержание и “первоначальное обзаведение” кабинета была отпущена сумма в 1000 руб. в год из остатков от содержания личного состава Казанского университета (Годичный отчет... 1909, с. 70).

В состав Кабинета географии (Географического кабинета) входили несколько помещений: кабинет заведующего, лекционная аудитория, чертежная комната, где студенты работали с картами и атласами, составляли чертежи и проекции и «кладовая» комната, в которой хранились учебные материалы и коллекции. Во всех комнатах располагались специальные шкафы, где были выставлены учебные модели (макеты, глобусы, карты, измерительные приборы) и разнообразные коллекции по краниологии, антропологии и этнографии (Гущина, 2013, с.44-45).

Уже в отчете за 1890-1891 гг. значится, что Географический кабинет имеет “глобусов, карт, книг, картин, атласов, инструментов и проч. 117 нум., на 1200 руб. 83 коп.” (Сведения о состоянии... 1891, с. 40), а уже в 1891-1892 гг. “глобусов, карт, книг, картин, атласов, инструментов и проч. 162 нум., на 1564 руб. 52 коп” (Сведения о состоянии... 1892, с. 60). Наполнение кабинета новыми и современными коллекциями шло

постепенно, этот процесс был систематическим, планомерным, продуманным и концептуальным.

Первыми приобретениями стали именно инструменты и пособия по географии. Приобреталось новое «современное» оборудование, например, коллекция антропометрических инструментов стоимостью 229 руб. 50 коп., которым пользовались не только студенты, но и члены ОЕ (Сведения о состоянии... 1892, с. 69). Какие-то предметы передавались в дар профильными организациями: в 1897 г. в кабинет передали в дар от Казанского округа путей сообщения подробный атлас р. Волги, раскрашенный и оформленный фотографиями (Сведения о состоянии... 1898, с. 83). В 1899 г. “выдающимися приобретениями” Географического кабинета стали коллекция естественных продуктов различных стран, приобретенная “у г-на Шауфуса из г. Мейссена” (город, расположенный в 15 км. от г.Дрездена) и барометр для глубоководных исследований, приобретенный “у г-на Штегера в г. Киле” (город на берегу Балтийского моря) (Сведения о состоянии... 1900, с. 79).

Кабинет географии во время заведования кафедрой географии и этнографии П. И. Кротовым был открыт для занятий студентов ежедневно с 10 до 13 часов дня, а “вечером по соглашению”, за исключением часов лекций и под наблюдением преподавателя (Физико-математический... 1891, с. 19).

Студенты кафедры географии и этнографии упражнялись в черчении картографических проекций, различных карт (морских течений, изотерм и т.п.). Уже в отчете за 1891 г. мы встречаем сведения об активной работе студентов в Кабинете географии: слушатели специальных курсов знакомились в географическом кабинете с картографическими проекциями и занимались черчением карт континентов и отдельных стран в соответствующих проекциях. При этом большее внимание было обращено на разные приемы черчения карт. Например, в отчете за 1903 г. мы видим, что при черчении карт “в различных проекциях”, кроме совершенствования техники черчения, “преследовались также некоторые специальные цели”: например студент Карасев “нанес на карту путь известного путешествия Нансена в северной околополярной области”, другие студенты занимались “нанесением на карту изотерм», показывающих «распространения народов в Африке” (Сведения о состоянии... 1904, с. 68-69).

Для того, чтобы преподавание ряда этнографических дисциплин (например, курсы «Страноведение», «Общая этнография») было поставлено на должном и передовом для того времени уровне, необходимо было оснастить Кабинет специальным «иллюстративным материалом» – этнографическими коллекциями, антропологическими бюстами, манекенами и картинами. Этот наглядный материал, прежде всего, должен был относиться к народам мира и показывать разные антропологические типы и расы. По мнению П. И. Кротова, изучение особенностей материальной и духовной культуры народов мира, а также антропологических особенностей человека и влияние на этот процесс природно-географической среды без специальных наглядных учебно-методических пособий не возможно (Бусыгин, 2002, с. 80).

Для качественного преподавания курсов по кафедре необходимые пособия и экспонаты, которых не было в России, закупали в специализированных заведениях за границей. В Европе сложилось несколько центров торговли этнографическими экспонатами. Как правило, такие центры находились в портовых городах, одним из которых являлся порт Гамбург. Моряки, торговцы и путешественники привозили разнообразные коллекции – гербарии, экзотических насекомых и животных, и конечно, предметы быта и культуры неевропейских народов. Постепенно сложился целый ряд фирм и частных предпринимателей, специализировавшихся на торговле предметами и экспонатами. Такие фирмы прекрасно знали ученые и музейщики России. Например, Д. Н. Анучин, говорил о том, что даже в начале XX в. через фирмы Oldhame, Webster, Umlauff все еще можно приобрести ценные экспонаты по этнографии коренных народов областей как Океания, где уже “есть «парламент», есть и «смокинг»” (Адлер, 1920, с. 495). Одним из таких предпринимателей был Иогган Фридрих Густав Умляуфф, который начал плавать на судах Годефруа как корабельный плотник, а со временем основал крупный музей-лабораторию. Иогган Умляуфф в 1859 г. открывает собственное дело и уже в 1868 г. превращает его в фирму «Торговля натуралиями, фабрика изделий из раковин, связанная с Зоологическо-этнографическим музеем» (Соболева, 2007, с. 78-81). Как отмечает Е. С. Соболева, развитию бизнеса Умляуффа способствовали и родственные связи: в 1863 г. он женился на сестре знаменитого звероторговца Карла Гагенбека, ко-

торый для поставки экзотических зверей организовывал экспедиции в Африку и Азию, создал цирк и открыл первый зоопарк, где животные содержались в вольерах. В 1884 г. предприятие Умляуффа представляло собой большие торговые помещения, в которых продавали раковины, готовили спиртовые зоологические и анатомические препараты, в витринных были выставлены на продажу этнографические, зоологические и антропологические коллекции. С 1889 г. «Всемирный музей Умляуффа» поставлял этнографические и зоологические предметы музеям, кинокомпаниям, циркам и этнографическим выставкам, ярмаркам и шоу. На протяжении долгого времени Гагенбек совместно с Умляуффом организовывали этнографические шоу (выставки с участием аборигенов), такие как «Нубийцы», «Сомалийцы», «Синегалы», «Цейлон» и т. п. Шоу сопровождалось продажей фотографий и открыток, а по завершению выставок предметы продавались или музеи их арендовали. Значительным направлением деятельности фирмы Умляуффа было изготовление антропологических манекенов в натуральную величину, которые делали с участников выставок народов, используя гипсовые отливки, фотографии и антропологические замеры. Коллекции в музее Умляуффа формировали по региональному или тематическому принципу, составляли каталог с фотографиями. Но документация экспонатов была минимальна – этикетки содержали ограниченную информацию о предметах, а датировку и собирателя определить вообще не представлялось возможным (Соболева, 2007, с. 78-81).

С 1902 г. П. И. Кротовым велась активная переписка с музеем Умляуффа о закупке экспонатов, которые были бы наглядной иллюстрацией к курсу общей этнографии и расоведения. П. И. Кротов отправлял запрос об интересующем его регионе, а из музея Умляуффа в Казанский университет в ответ присылали «каталоги» (фотографии экспозиции, отдельных экспонатов и манекенов на фирменном бланке) (АФ ЭМУ. Ф. Переписка. Оп. Письма и запросы. Д. 12). Выбрав интересующие его экспонаты, П. И. Кротов отправлял список, и из музея Умляуффа приходила смета-счет. Если стороны приходили к согласию, Казанский университет производил оплату, а из г. Гамбурга приходили посылки с коллекциями. В лаборатории Умляуффа предлагали уже готовые комплексы и манекены в определенной одежде, которые максимально ха-

рактизовали наиболее яркие, типичные и известные на тот момент этнографам элементы традиционной бытовой и религиозной культуры народов мира. Не всегда в наличие оставалось то, что планировал заказать П. И. Кротов, поэтому в лаборатории некоторые экспонаты заменяли на аналогичные по смыслу или стоимости предметы. Так, при отправке первой коллекции произошли непредвиденные сложности: несколько предметов были заменены на другие, в результате чего итоговая стоимость коллекции возросла на 250 марок и П. И. Кротову пришлось ходатайствовать о дополнительных ассигнациях на кабинет (ГА РТ. Ф.977. Оп. Физмат. Д. 1781. Л. 13).

Всего, за период 1902-1904 гг., П. И. Кротовым были заказаны этнографические коллекции по всем частям света, кроме Европы – по Африке, Австралии и Океании, Америке и Азии. Первой была доставлена коллекция экспонатов, “демонстрирующих культурную обстановку и быт негров абанту, зулусов и нубийцев” (126 предметов стоимостью 1000 марок) (Сведения о состоянии... 1903, с. 72). В это собрание входило оружие (мечи, копья, топоры, кинжалы и щиты), бытовая утварь (разнообразные сосуды, циновки, мотыги), музыкальные инструменты (барабаны, трещотки, погремушки, маримба и балафон), ритуальные предметы (маски, идолы) и украшения земледельцев и скотоводов Северной, Центральной и Южной Африки (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Африка. Д. 1). Эта коллекция была практически сразу размещена по “шкафам и открыта для пользования” студентов (Сведения о состоянии... 1903, с. 72).

В 1903 г. в Географический кабинет из музея Умляуффа за 1008 марок была доставлена этнографическая коллекция из Австралии и Океании, “из 84 номеров, демонстрирующих быт и культурную обстановку австралийцев и жителей Новой Гвинеи, Соломоновых островов, арх. Бисмарка, Фиджи и проч.” (Отчет о состоянии... 1904, с. 71). В коллекции были представлены орудия охоты и войны (палицы, копья, стрелы и луки), бытовая утварь (деревянные тарелки, сосуды из тыквы, костяные ножи), ритуальные предметы (тотемные идолы, маски, украшения, бумеранги) и украшения (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Австралия и Океания. Д. 2).

В 1904 г. из г. Гамбурга пришла коллекция предметов по народам Северной и Южной Америки, состоящая из 173 предметов, “демонстри-

рующих физическую природу и культурную обстановку американских индейцев”(Отчет о состоянии... 1904, с. 70). Коллекция была приобретена за 1200 марок. Среди предметов, раскрывающих традиционную культуру коренного населения Северной Америки, можно выделить бытовую утварь (циновки, иглы для вязания сетей, сосуды), орудия охоты и рыбной ловли (ножи, снегоступы, удочки), предметы одежды (накидки-пелерины, нагрудник, набедренная повязка) и модели лодки-пироги (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 165). Отдельно была выделена коллекция «древностей Перу и Мексики» (именно так она была позднее зарегистрирована в описи) – предметы доколумбовые времени. Эта коллекция состояла из 43 предметов, включавших посуду (разнообразные глиняные и плетенные из растительных волокон сосуды, чашки и корзинки), предметы для изготовления текстиля и сами образцы материи (веретёна, нитки и пряжу, мешочки и сумочки), а также ритуальные фигурки из глины, “изображающие предков” (8 фигурок) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 164).

Ценным приобретением для Кабинета географии в этом собрании стала мумия девочки из Перу. Мумию заказали не случайно – в Казанском университете на тот момент хранилась коллекция древностей из Египта, о которой мы говорили ранее. Поскольку в университете уже имелись экспонаты, характеризующие мумификацию как явление в культуре народов мира, П. И. Кротов заказал мумию из Перу для того, чтобы студентам наглядно и более полно показать различные способы мумификации и отличительные особенности в техники создания мумий у разных народов.

Примечательно, что в 1904 г. дирекция музея-лаборатории Умляуфф вместе с частью коллекции по народам Южной Америки, бесплатно передала Кабинету географии бюст индейца ботокуда “с характерной проткнутой губой” (АФ ЭМУ. Ф. Переписка. Д. Умляуфф. Оп.1). Это можно назвать «маркетинговым ходом» для рекламы своих манекенов и бюстов, потому что в последующем П. И. Кротовым для Кабинета географии были заказаны несколько восковых манекенов в музее Умляуффа.

Вопрос о необходимости наличия в музее антропологических манекенов возник еще в 1903 г. у П. И. Кротова и Д. А. Корсакова. При создании этнографического и антропологического отдела кабинета

П. И. Кротов не мог не обратить своего внимания на коллекции Музея отечествоведения по народам, не входившим в состав Российской империи. Многие из этих коллекций были недоступны, хранились в сундуках, а главное – не были задействованы в учебном и научном процессе. К тому же Д. А. Корсаков полагал, что существование такого музея на историко-филологическом факультете не соответствует нуждам самого факультета: «... важно будет выяснение самого характера, который должен быть предан музею, коллекции которого, как например, коллекция этнографическая и по первобытной археологии, не приурочены к преподаванию на историко-филологическом факультете» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11850. Л. 72).

П. И. Кротов обсуждал вопрос о реорганизации этнографических коллекций с Д. А. Корсаковым, и они даже пришли к заключению, что передача части коллекций Музея отечествоведения в Кабинет географии будет весьма рациональна. Ими обсуждалась идея создания в Казанском университете Антрополого-этнографического музея. Для этой цели они просили Совет университета выделить 3000 руб. на приобретение 50 антропологических манекенов: “мы озабочены лучшей, в научном отношении, организацией наших музеев, причем некоторые этнографические коллекции из музея отечествоведения должны будут перейти в формируемый нами музей антрополого-этнографический. С этой целью необходимо иметь для обоих музеев хотя несколько манекенов с физиономиями, точно передающими антропологические особенности различных человеческих рас и инородческих племен, населяющих Россию, а в настоящее время оба названные музея таковых манекенов не имеют. Для обоих музеев потребуется на первый раз 50 манекенов, которые мы распределим по взаимному соглашению” (Протоколы заседаний... 1904, с.364) Но такая сумма не была утверждена, а передача коллекции в Кабинет географии отложилась из-за болезни Д. А. Корсакова и ремонта в главном корпусе университета.

Поэтому П. И. Кротов заказал в лаборатории Умляуффа “прекрасно приготовленные” манекены. В 1906 г. в Кабинет географии доставили ряд манекенов “с полной национальной одеждой: 1) киргиз, 2) тибетский шаман, 3) негр, воин, 4) гереро – негритянка, 5) индеец – сиу и 6) маори из Новой Зеландии. Стоимость этих шести манекенов вместе

с одежд обошлась, с доставкой, до 1200 руб.” (Годичный отчет... 1907, с. 50-51). Манекены были антропологическими, выполнены из воска и помогали более ярко иллюстрировать культуру народов мира, коллекции по которым уже имелись в Кабинете географии. Интересен случай с манекеном вождя маори: манекен с традиционной татуировкой маори ‘моко’, нанесенной по всему телу, как это было в оригинале, стоил дорого, значительно превышая выделяемый университетом бюджет на закупку коллекций. Поэтому стороны пришли к компромиссу и музей Умляуфа изготовил для Кабинета географии и этнографии манекен вождя с татуировкой только на лице. Такой манекен вполне подходил для ознакомления студентов с традиционной татуировкой моко и способствовал наглядному восприятию культурных особенностей аборигенов Океании.

В 1908 г. в Кабинете географии П. И. Кротов был занят “оборудованием и приведением в порядок” новых манекенов “вотяка и вотячки, черемисина и черемиски” (Годичный отчет... 1909, с. 92-93). Данные фигуры были изготовлены в Гамбурге по фотографиям, высланным из г. Казани. В 1909 г. Географический кабинет пополнился четырьмя новыми манекенами: “двух великорусских женщин, китайца и китайки, приобретенными в музее Умляуфа в Гамбурге за 1208 марок или 562 руб. 45 коп” (Отчет о состоянии... 1910, с. 97). В отчете за 1910 г. мы встречаем такую информацию: “Заведующий кабинетом профессор П.И.Кротов, кроме чтения лекций и общего руководства практическими занятиями студентов, был занят оборудованием и дальнейшей установкой новых манекенов, из которых заслуживает быть упомянутым манекен сагайского шамана¹¹⁴ (абаканск. татар.), для которого был приобретен подлинный костюм” (Годичный отчет... 1911, с. 90). Также в этом году кабинет пополнился коллекций по народам Юго-Восточной Азии: “коллекцию принадлежностей буддийского культа, что с имевшимися уже в кабинете предметами этого рода в достаточной степени знакомит с культом китайцев и японцев” (Годичный отчет... 1911, с. 90).

Все экспонаты, купленные в музее Умляуфа, условно можно разделить на 2 категории: предметы, раскрывающие бытовую специфику

¹¹⁴ В современном музее хранится только один манекен русской женщины; нет манекена сагайского шамана.

региона и предметы, относящиеся к религиозно-обрядовой тематике. Практически все экспонаты из гамбургских коллекций не атрибутированы: мало где встречается этническая принадлежность, чаще всего просто регион (например, “Новая Гвинея” или “Огненная земля”); отсутствует описание предмета. Этикетки самого музея Умляуффа, которые сохранились на отдельных предметах, содержат лишь год отправки экспоната, и иногда название предмета на немецком языке. Все это свидетельствует о том, что предметы закупались именно как наглядно-иллюстративное «пособие», а не как музейный экспонат.

Специализированной литературой пополнялась библиотека при кафедре. В рекомендуемых пособиях с 1900 г. стала значиться и литература по этнографии: “..., Europa, Asien, Afrika, Amerika und Australien, 1887-95; Ratzel, Antropogeographie, Stuttgart, 1882-1891; Тайлор, Антропология, Спб., 1882 и новое издание; Петри, Антропология, 1890, 1895-97; Ранке, Человек, перев. с немецк. Спбюю, 1897-1899; Петри, Методы и принципы географии, Спб., 1892; Методика географии Соколова и Дмитриу; Кротов, О постановке преподавания географии в средних учебных заведениях, 1900; Раевский, О черчении географических карт” (Обозрение преподавания... 1900, с. 23). Крупным пополнением в 1904 г. стали “6 томов «Живописной России» издания Вольфа и почти вся серия «Всеобщей географии» Реклю”, принесенные в дар географическому кабинету профессором А. С. Архангельским, за что, по ходатайству П. И. Кротова ему “была выражена благодарность от физико-математического факультета” (Годичный отчет... 1904, с. 70).

Если первоначально на кафедре географии и этнографии занимались 3 студента, то уже к концу 90-х гг. XIX в. их число доходит до 7 человек. Тогда же мы встречаем и первые сведения не только об их географических изысканиях, но и об этнографических работах. Например, студент Орлов занимался вопросом о волжской хлебной торговле “в связи с географическими условиями земледельческой промышленности в бассейне Волги”; студент Предчетенский составил географический и этнографический очерк Пензенской губернии. Студент Е. Булдаков¹¹⁵

¹¹⁵ Впоследствии он некоторое время работал лаборантом при кафедре географии и этнографии.

исследовал пермяков, систематизировал имеющийся этнографический материал, и составил «подробное описание этого народа, а также подготовил доклад. На этнографические темы студенты готовили рефераты: Григорьев по истории развития семьи; Праздников о вотяках Вятской губернии (Сведения о состоянии... 1904, с. 69). В 1909 г. несколько студентов разрабатывали народоведческую тематику в своих зачетных работах: Хлебников исследовал вопрос «О жертвоприношениях у вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии»; Пирогов – о «Чуваших д.Кайсарово, Сюндюковской волости, Симбирской губернии и уезда»; Мальков – об «Иностранцах Тобольского Севера»; Преображенский – о «Мордве Чембарского уезда, Пензенской губернии»; Войцеховский – о «Киргизах Кустанайского уезда, Турганской области» а Пуляевский – о «Бурятах Иркутского уезда» (Отчет о состоянии... 1910, с. 95).

П. И. Кротов придавал большое значение научной фотографии, поэтому в Кабинете географии хранилась серия портретных и жанровых фотографий народов Поволжья. Фототека стереотипических фотографий группировалась по тематическим разделам – ландшафты, материк, страны и т.п. П. И. Кротов считал необходимым обучить студентов приемам фотографирования (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 50-51). Для более наглядного преподавания курса «Страноведения» был заказан «волшебный фонарь» – по проектор, проецирующий при помощи света изображения с непрозрачного слайда на экран или стену. В комплекте с «волшебным фонарем» были собственные диапозитивы, так что курс «Страноведения приват-доцента Сементовского можно было провести вполне демонстративно» (Годичный отчет... 1911, с. 90).

Долгое время, а именно 23 года, П. И. Кротов проводил столь большую организационную работу один: «Физико-математическому факультету известно, что при Географическом кабинете не имеется хранителя кабинета, ровно как известно о том, что при кафедре географии и этнографии не имеется ассистента. Вследствие этого, все занятия по Географическому кабинету и все практические занятия лежат на заведующем кабинетом профессоре: заведующий ведет каталоги, отчет по кабинету, наблюдает за цельностью и сохранностью находящихся в них геогр., антропо-этногр. коллекций и других учебных пособий; он сам приготавливает лекционные рисунки и чертежи, статистико-географ. таблицы,

приготавливает все нужное для лекций и прибирает все бывшее в употреблении на лекции (карты, картины, модели, фотографии и проч.); он должен сам раскрашивать карты, ... он руководит занятиями студентов картографии, ... он сам выдает и получает студентам книги из библиотеки, ... и проч.” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1612. Л. 1).

Помимо этого, П. И. Кротов сам занимался составлением планов обучения и рабочих программ, обеспечением преподаваемых курсов методическими материалами и литературой, проводил экспедиции и экскурсии, и читал основные курсы по географии и этнографии. В Совет университета не раз направлялось прошение о выделении ставки лаборанта. Такая должность была учреждена только в 1900 г.: должность сверхштатного лаборанта с содержанием по 600 руб. (Отчет о состоянии... 1910, с. 92). На эту должность единогласно избрали рекомендованного П. И. Кротовым преподавателя Оренбургского Неплюевского Кадетского корпуса кандидата естественных наук, имевшего свидетельство на звание учителя географии Митрофана Алексеевича Александрова (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1612. Л. 10-11). М. А. Александров¹¹⁶ активно включился в работу Географического кабинета. Например, в отчете за 1902 г. значится, что “состоящий в должности сверхштатного лаборанта географического кабинета Александров окончил в отчетном году описание и установку принадлежащей кабинету коллекции естественных продуктов различных стран” (Годичный акт... 1902, с. 68). Позже должность внештатного лаборанта занимал Евгений Дмитриевич Булдаков¹¹⁷, “имеющий выпускное свидетельство о зачете 8-ми полугод. по отд. естеств. наук”, а с 1908 г. – Владимир Николаевич Сементовский¹¹⁸, который проработал на кафедре географии и этнографии до 1918 г. (Отчет о состоянии... 1910, с. 92).

¹¹⁶ Известно, что он переезжает в г. Саратов, а с 1913 г. становится директором Саратовского реального училища.

¹¹⁷ Известно, что в 1908 г. он переезжает в г. Пермь и преподает природоведение в частной гимназии Циммерман.

¹¹⁸ Сементовский Владимир Николаевич (1882-1969) – географ, лаборант и приват-доцент кафедры географии и этнографии Казанского Императорского университета (1908-1918); заведующий кафедрой физической географии (1926-1951).

Быстро расширяющиеся коллекции Кабинета географии и этнографии требовали большего места для хранения и работы с ними. Сложно сказать, где первоначально находилась кафедра географии и этнографии, но в отчете за 1896 г. мы встречаем: “В истекшем году географический кабинет переведен в новое помещение и занимает теперь заднюю половину верхнего этажа Спичарного дома” (Геометрический корпус) (Сведения о состоянии... 1896, с. 67). В период 1896-1907 гг. кафедра географии и этнографии и Кабинет географии находились в довольно тесных условиях: площадь занимаемых помещений равнялась 13,7 кв.км. и состояла из “двух маленьких комнат” (Годичный отчет... 1909, с. 92). Динамично развивающаяся кафедра и Кабинет географии просто не помещались в таком небольшом пространстве. П. И. Кротов отмечал, что надлежащее размещение всех коллекций кабинета возможно “только по переходе географического кабинета в новое помещение в главном здании Университета” (Годичный отчет... 1904, с. 70).

После перепланировки и ремонта главного здания Казанского университета кафедра географии и этнографии в 1907 г. переехала в западное крыло главного здания и заняла несколько комнат на третьем этаже. После переезда П. И. Кротов вместе с лаборантом Е. Д. Булдаковым стали приводить эти помещения в надлежащий для занятий вид, размещать оборудование и коллекции, что занимало много времени и “немало средств” из “скромного бюджета” кабинета, хотя “эти работы еще далеко не все выполнены” (Годичный отчет... 1908, с. 85).

За время своего руководства кафедрой географии и этнографии П. И. Кротов проделал большую организационную работу по структурированию учебного и научного процесса; теоретически обосновал место географии и этнографии в системе естественных наук. Но будучи, прежде всего талантливым геологом, П. И. Кротов перешел на заведование кафедрой геологии. В 1905 г. скончался профессор А. А. Штукенберг, возглавлявший кафедру геологии, вследствие этого физико-математический факультет поручает П. И. Кротову руководство этой кафедрой. Долгое время не могли найти подходящую кандидатуру на должность заведующего кафедрой географии и этнографии, т.к. профессиональных географов и этнографов было крайне мало, как и кандидатов, имевших соответствующие квалификационные требования и которые по фор-

мальным признакам могли занять должность профессора. Поэтому в 1905-1911 гг. П. И. Кротов совмещал должности заведующего двух кафедр. В 1909 г. П. И. Кротов рекомендует Совету физико-математического факультета Льва Семеновича Берга (впоследствии крупнейшего географа, президента Всесоюзного Географического общества) на должность заведующего кафедрой географии и этнографии. Но кандидатура Л. С. Берга не была утверждена попечительским советом. В то же время сверхштатный лаборант кафедры В. Н. Семеновский получил звание приват-доцента¹¹⁹ и возможность преподавать, поэтому часть курсов, читаемых П. И. Кротовым по кафедре географии и этнографии, перешла к нему. Такое положение на кафедре – «замещение», продолжалось 6 лет. В 1911 г. по рекомендации П. И. Кротова был избран и утвержден в звании исполняющего должность экстраординарного профессора магистр географии Бруно Фридрихович Адлер (Годичный ответ... 1914, с. 102). С именем Б. Ф. Адлера – крупного специалиста географа, этнографа, антрополога и музееведа, непосредственно связано широкое развитие этнографии как науки и начало высшей профессиональной подготовки этнографов в Казанском университете, а также создание путем объединения ряда коллекций университета Этнографического музея.

Казанский период жизни и научно-исследовательской деятельности Б. Ф. Адлера начинается с осени 1911 г., когда он по рекомендации профессора П. И. Кротов избирается на заведование кафедрой географии и этнографии Казанского университета. П. И. Кротов высоко оценил Б. Ф. Адлера и в своей рекомендательной речи (Кротов, 1911) отмечал, что этнографическая подготовка Б. Ф. Адлера будет очень полезной для Казанского университета, задачей которого является всестороннее изучение востока России, где имеется большой антропологический и этнографический материал (Гущина, 2014, с. 74).

Окончив в 1900 г. Московский университет с дипломом первой степени, Б. Ф. Адлер оправился в Лейпцигский университет для усовершенствования знаний, где его руководителем стал Фридрих Ратцель. В Германии Б. Ф. Адлер получил отличную музейную практику (занимал

¹¹⁹ Приват-доцент - ученое звание внештатного преподавателя в университете.

должность ассистента по отделу сибирской этнографии в Музее Гросса при Лейпцигском этнографическом музее). По возвращении в Россию в 1902 г., Б. Ф. Адлер становится младшим хранителем и заведующим отделом Китая и Японии Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук. В 1906 г. Б. Ф. Адлер сдал магистерский экзамен по географии и этнографии, и начал читать лекции по антропологии в Женском педагогическом институте. Затем с 1909 г. он работал на должности хранителя Этнографического отдела Русского музея (Титова, Гущина, 2013, с. 280-281). В 1910 г. Б. Ф. Адлер по заданию Русского музея был отправлен в научную командировку по ведущим музейным центрам Сибири и Дальнего Востока. По пути он остановился в г. Казани и познакомился с Казанским университетом, его музеями и Кабинетом географии, который его впечатлил своими коллекциями (Зорин, 2001, с. 6-8).

К работе в Казанском университете Б. Ф. Адлер приступил с осени 1911 г. и уже 29 сентября, для представления профессорско-преподавательскому составу физико-математического факультета, в Географическом кабинете он прочитал вступительную лекцию «Новейшие течения в народоведении». Б. Ф. Адлер был сторонником комплексной географии, которая подразделяется на три основных отдела: «введение», физическая география, зоогеография и фитогеография. Введение – это математическая география и картография, которые показывают “положение Земли среди других небесных тел” и “проистекающих от этого родства зависимости и явления на самой Земле”. Физическая география (орография, океанология, океанография и климатология) изучает и классифицирует все физические явления на земной поверхности. Физическая география, по мнению Б. Ф. Адлера, особенно тесно связана с естествознанием. Третий, также связан с естественными науками, а именно с биологией, к которому Б. Ф. Адлер относил “зоо- и фитогеографию; к нему же многие относят также и географию человека и антропогеографию” (Адлер, 2014, с. 4).

Вслед за своим учителем Фридрихом Ратцелем, Б. Ф. Адлер выделял антропогеографию в самостоятельную науку, имеющее общее как с географией (природно-географические условия), так и с гуманитарными науками (культура): “Меньше связи с физико-географическими условиями мы видим у человека, который в силу своего разума, дающего ему

возможность успешно бороться и приспособливаться к природным условиям, мог поселиться по всей земле и победить природу. Это освобождение человека кульминирует в его «культуре». Изучение человеческой культуры, по нашему мнению, настолько сложно, – так сложны и пути этого изучения, притом и с гуманитарными науками” (Цит. по: Зорин, 2001, с.8-10). Он считал, что эти два научных направления прекрасно сочетаются. Именно по этой причине Б. Ф. Адлер выступал за сохранение этнографии в учебном плане географов и в то же время – за разделение на две самостоятельные административные единицы: кафедру географии и кафедру этнографии (сохранив их на физико-математическом факультете). Основной задачей этнографии Б. Ф. Адлер определял изучение народов и этнографических групп; их культурно-бытовых особенностей; специфике присущей сельскому и городскому населению. Причем, этнографические работы должны происходить “не вширь, а вглубь” (Зорин, 2001, с.8-10). Большое значение в научных исследованиях он придавал музеям, организованным по научным принципам – именно поэтому он сделал все от него зависящее для создания в Казанском университете качественных учебно-научных музеев, в том числе объединенного Этнографического музея.

Таим образом, конец XIX – начала XX вв. – важный период для истории отечественной этнографии и музейного дела. Помимо расширения их научной составляющей, стала активно развиваться организационная структура академического сообщества. Исследование народов мира дополнялось вниманием ученых к населению имперских окраин за счет описания материальной культуры, а также последовательного изучения социальных отношений, культовых систем и фиксаций фольклора.

Открытие кафедры географии и этнографии стало итогом развития географических и этнографических знаний в Казанском университете. Вместе с тем, создание такой кафедры дало основание для формирования и дальнейшего развития новых подходов в исследовании природы и человека. В отличие от других этнографических собраний Казанского университета, коллекции Кабинета географии формировались целенаправленно, как наглядный учебный материал по специализированным курсам. Они являлись качественной базой для преподавания и самосто-

ятельной работы студентов. Но эти коллекции были несколько «однобоки» – они не характеризовали население России. В числе недостатков этого собрания можно отметить и тот факт, что это были не экспедиционные научные сборы, а покупка, зачастую «вслепую».

Глава 3. Роль Кабинета географии и этнографии в учебно-методическом, научно-исследовательском и культурно-просветительском пространстве Императорского Казанского университета

3.1. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Кабинеты и музеи Казанского университета на протяжении XIX в. развивались не столько как музеи, сколько как своеобразная материальная база для развития научного и учебного процесса. Коллекции кабинетов и музеев университета предназначались не для простого «любования», а должны были служить для развития профессиональных компетенций, умений и навыков студентов, являлись наглядным демонстрационным материалом на лекционных занятиях, служить лабораториями для научных исследований. Университетские музеи выполняли функции научно-исследовательских и культурно-просветительских центров не только города, но и региона в целом. Учебные занятия и научные исследования велись непосредственно в самих музеях, которые, по мнению М. И. Бурлыкиной, были превращены “в творческую лабораторию, где рождалась научная мысль, создавались научные школы, формировались научные направления” (Бурлыкина, 1996, с.181-182). Именно на базе университетских кабинетов/музеев стали стремительно развиваться профильные научные дисциплины. Как отмечает Г. Р. Назипова, особенностью университетских музеев является определенная “специфика любых университетских музеев предопределяет некоторую их замкнутость и подчиненность учебному процессу, но в тоже время их преиму-

ществом является возможность вести работу на высоком научном уровне. В Казанском университете учебно-вспомогательные учреждения, выполнявшие музейные функции, всегда возглавляли видные ученые и профессора. Подъемы и спады в деятельности этих учреждений часто зависели от личности их руководителей” (Назипова, 2009, с. 288-289). Во многом благодаря личности Б. Ф. Адлера в Казанском университете впервые за долгое время этнографические исследования стали плановыми и профессиональными. Именно благодаря его стараниям и кропотливой работе в Казанском университете стремительно складывается профессиональный этнографический коллектив из преподавателей и студентов. А Кабинет географии стал действительно важной частью учебного и научного процесса.

Со свойственной ему решимостью и энтузиазмом Б. Ф. Адлер продолжил дальнейшее усовершенствование учебного процесса и формирование материально-технической базы. Б. Ф. Адлер стал читать все основные теоретические курсы. Так, в 1911-1913 уч. г. он читал обязательные курсы «Общее землеведение», «Страноведение», «Этнологию» и необязательный курс «История землеведения» (Обозрение преподавания... 1911, с. 16-17). В учебную программу он ввел “необязательный, но желательный для географов” курс «Антропогеографии» (Обозрение преподавания... 1912, с. 20-21).

Следует отметить, что при Б. Ф. Адлере увеличилось число преподавателей, читающих профильные дисциплины на кафедре географии и этнографии. Так, приват-доцент В. Н. Сементовский читал курсы «Съемка на местности и картография» и «География России» (Обозрение преподавания... 1915, с. 32). Помимо этих курсов, В. Н. Сементовский заменял Б. Ф. Адлера в 1914-1915 учебном году и читал его курс «Страноведение» (Обозрение преподавания... 1914, с. 32). Профильными специалистами стали читаться и другие предметы: «Экологию животных» (зоогеографию) читал И. М. Забусов, «Экологию растений» (фитогеографию) – Б. А. Келлер. Б. Ф. Адлер отмечал, что преподавание таких курсов предоставляет возможность специалистам-географам получить “законченное и возможно полное представление о современной географии” (Годичный отчет... 1913, с. 89-90). Б. Ф. Адлер стремился дать комплексное образование студентам, привлекая к работе на кафедре гео-

графии и этнографии специалистов по всем направлениям. Единственное, что беспокоило Б. Ф. Адлер – отсутствие на кафедре специалиста по физической антропологии: “в настоящее время все географические дисциплины имеют представителей, - лишь одна вспомогательная, необходимая для географа наука – антропология в Университете не представлена вовсе” (Годичный отчет... 1914, с. 102).

Большая работа была проведена Б. Ф. Адлером по реорганизации пространства Географического кабинета в 1911-1913 гг. После перепланировки кабинета каждая комната и аудитория стали иметь свой вход (до этого они были соединены между собой дверьми). Все оставшиеся «ненужные» двери были перегороджены/прикрыты учебно-методическими пособиями (картами, графиками, специальными стендами) (Зорин, 2001, с.280. Перепланировка площадей Географического кабинета была постепенной, чтобы не повлиять на плановость учебного и научного процессов. Поэтому, в первую очередь была обустроена чертежная комната, чтобы избежать перерыва в работе студентов. Лекторий, комната для чертежных работ и выставочное пространство кабинета (коллекции и демонстрационные материалы) стали изолированными друг от друга. Это существенно облегчало поведение занятий, практической и самостоятельной работы студентов (Гущина, 2014, с. 72).

В аудитории была установлена “подъемная доска” и там же «сосредоточились» почти все пособия кабинета для чтения курса общего землеведения. Также в аудиторию было “перенесено затемнение” и установлен эпидиаскоп Цейса¹²⁰, который был более технически современным, чем “волшебный фонарь” и требовал меньших затрат на расходные материалы (Годичный отчет... 1913, с. 92). Во многом «инновационной» была созданная под руководством Б. Ф. Адлера демонстрационная карта для лекционной аудитории. Б. Ф. Адлер был прекрасно знаком с подобными картами барона Торнау в Германии и картами М. В. Ускова в г. Санкт-Петербурге. По задумке Б. Ф. Адлера демонстрационная карта была «интерактивной» – при помощи простых средств (мела, бумажных флажков, булавок и иголок) на ней

¹²⁰ Эпидиаскоп – проекционный аппарат; эпидиаскопы Цейса считались одними из самых лучших в Европе.

можно было выделять необходимые локации. Материалом для карты стало доступное сырье: торф, хлопчатобумажная масса и листы из прессованной пробки (которые оказались самыми подходящими). В. Н. Сементовский и студент С. Н. Лаптев¹²¹ своими силами создали уникальную физическую карту мира в проекции Меркатора (ширина 175 см., длина 450 см.). Европа и Африка были помещены в центр, справа и слева помещались изображения Америки. Такое расположение позволяло полностью сохранить, не разрывая, изображения Атлантического и Тихого океанов. Рельеф материков был разноуровневым, делился на 6 ступеней по высоте. Карта не имела аналогов, ее описание было дано в журнале «Землеведение» (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 60).

Для визуализации статистических данных по антропологии и страноведению и построению “всевозможных кривых” в аудитории Географического кабинета была установлена специальная доска, оклеенная клеенкой “в черной виксатиновой (линолеум) раме, по которой мелом наносят цифры по абсциссе и ординате” (Годичный ответ... 1913, с. 93). Само поле доски было разлиновано по сантиметрам специальными гвоздикам, поэтому при помощи толстого шнура с грузилом можно было “наносить на глазах слушателей любую статистическую кривую, антропологический канон”. При Кабинете была оборудована первая в университете фотографическая комната, в которой сразу началась “работа экскурсантов” (Годичный ответ... 1913, с. 93). Имея налаженный контакт со многими торговыми фирмами, Б. Ф. Адлер значительно увеличил количество профессиональных инструментов и приборов Кабинета географии. Например, в магазине братьев Герингслаке¹²² были приобретены “подержанные, но вполне пригодные для учебных целей”

¹²¹ Лаптев Сергей Николаевич (1887-1993) – географ, этнограф; с 1914 г. лаборант кафедры географии и этнографии Казанского университета; профессорский стипендиат, магистр географии и этнографии; с 1917 г. приват-доцент Северо-Восточного археологического и этнографического института в г. Казани. В 1918 г. переезжает в г. Иркутск. Профессор, заведующий кафедрой физической географии Иркутского государственного университета.

¹²² Братья Герингслаке – владели салонами и магазина оптики и инструментов в г. Казани.

теодолит, мензула, кипрегель, нивелир¹²³ и две “вертушки для определения скорости течения воды... также шкалы Фореля и Улэ и круг Секки” (шкала предназначалась для определения цвета водного массива, круг – диск, для определения мутности воды) (Годичный ответ... 1913, с. 95). Такие приборы, были во многом новыми для казанских исследователей, существенно облегчали преподавательскую и научную работу и вызывали интерес студентов.

Следует отметить, что в лекционной аудитории на верхней части стены сплошной полосой были развешаны “прекрасные картины, на которых изображались географические сюжеты: горы, вулканы, гейзеры, долины рек, всевозможные ландшафты и т.д.”. Конечно, такая аудитория была очень торжественной, наглядной и поэтому “студенты входили в нее с благоговением” (Зорин, 2001, с. 32).

Б. Ф. Адлер назначил “часы совещания” со студентами: ежедневно с 13.00 до 15.00 в Кабинете географии студенты могли обратиться за советом и помощью, обсудить свои научные исследования (Обозрение преподавания... 1913, с. 32). Уже в первое полугодие своей работы на должности профессора кафедры географии и этнографии Б. Ф. Адлер начал заниматься со студентами разборкой научных вопросов, связанных с их самостоятельной работой (Годичный ответ... 1912, с. 79-80). Энергичный, с большим опытом экспедиционной и музейной работы, получивший хорошее образования специалист, прекрасный методист, владеющий в совершенстве методами и приемами педагогической работы – Б. Ф. Адлер вдохновлял молодых исследователей, привлекая их к этнографическим исследованиям. За короткий период времени значительно увеличилось число студентов, занимающихся этнографией. Б. Ф. Адлер был действительно открытым и отзывчивым наставником для своих учеников. Бывший студент А. А. Половинкин¹²⁴ так отзывался о работе Б. Ф. Адлера со студентами: «... считаю своим долгом выра-

¹²³ Перечисленные предметы предназначались для топографической съемки местности и геодезических измерений.

¹²⁴ Половинкин Александр Александрович (1888-1955) – географ, доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР.

зить глубокую благодарность Б. Ф. Адлеру, как неутомимому работнику, организатору студенческих кружков по изучению географии и, наконец, инициатору отдаленных путешествий и исследований на средства, добытые, благодаря его стараниям, от ИГО, а также из других источников. Нельзя забыть его продолжительных бесед со студентами до и после лекций, его задушевное отношение к каждому желающему работать” (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 81. Л. 9).

Большое внимание в учебном процессе Б. Ф. Адлер отводил самостоятельной работе студентов, которая стала целенаправленной и носила разнообразный характер. Во многом на организацию такого метода обучения студентов повлиял его опыт, полученный в Лейпцигском университете, где весь процесс усвоения получаемых знаний основывался именно на самостоятельной работе. Студенты могли выбирать любые темы для своих исследований, а профессор консультировал – рекомендовал литературу, корректировал работу (Бусыгин, Зорин, 2002, с. 54).

Как и до этого, в учебно-методическом процессе важная роль принадлежала практической работе: в Кабинете географии студенты чертили проекции, графики, строили диаграммы, писали рефераты. Например, студент Д. Гачечиладзе подготовил реферат о грузинах Имеретии (регион в Грузии) (Годичный отчет... 1913, с. 108). В 1911 г. активно работал в Кабинете географии и этнографии студент Иван Лопатин¹²⁵ описывал и расшифровывал элементы облачения якутского шамана, переданного в Кабинет географии из Музея отечествоведения (Годичный отчет... 1912, с.80). Иван Лопатин окончил реальное училище в г. Хабаровске, прекрасно был знаком с культурой коренных народов края. Поступив в Казанский университет, он стал заниматься изучением

¹²⁵ Лопатин Иван Алексеевич (1888-1970) – этнограф; после окончания Казанского университета в 1912 г. преподавал географию в реальных училищах в Хабаровске и во Владивостоке; приват-доцент Дальневосточного государственного университета. Эмигрировал в 1925 в Харбин, затем в Канаду. С 1935 доктор антропологии в университете Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе, заслуженный профессор.

¹²⁶ Гольды – дореволюционный этноним, обозначающий нанайцев; коренной народ Дальнего Востока.

гольдов¹²⁶, орочей¹²⁷, и особенностями шаманизма у народов Сибири и Дальнего Востока. В 1912 г. в Географическом кабинете И. Лопатин продолжил заниматься описанием шаманского костюма. Его исследование было выполнено очень профессионально, поэтому Б. Ф. Адлер рекомендовал его к публикации в «Internationales Archiv fur Ethnographie» (Годичный отчет... 1913, с. 90).

Активно в процесс работы Географического кабинета подключается студент Сергей Теплоухов¹²⁸, который уже получал зоологическую специальность, а после окончания учебы выбирает второе направление – антропологию и поступает на кафедру географии и этнографии. В 1912-1913 гг. в Кабинете географии он занимался вопросом о распределении разных видов “anthropomorpha, как ныне живущих, так и вымерших форм”, т. е. исследованием, близким к своей предыдущей специализации (Титова и др., 2015, с. 690). С. Теплоухов составил карту распределения антропоидных форм по континентам (как существующих на тот момент, так и вымерших антропоморфных обезьян), а также “прорабатывал литературу” по антропологии. Для того, чтобы иметь комплексное представление об антропологии, Сергей Теплоухов “повторил” курс препарирования конечностей в анатомическом кабинете (т.е. прослушал это курс еще раз) (Годичный отчет... 1913, с. 90-91). Также С. А. Теплоухов собирался препарировать “выписанного из Гамбурга трупа шимпанзе”, но очень жаркая весна 1913 г. “заставила отложить препаровку” (Годичный отчет... 1913, с. 106).

В это время к этнографической работе подключается и студент Сергей Лаптев. В 1911 г. в Кабинете географии он «собирал литературу по Н. Земле, в надежде лично поработать на Н. Земле летом 1912 г.» (Годичный отчет... 1912, с. 80). Сергей Лаптев готовился к поездке в Новую Землю (архипелаг в Северном Ледовитом океане, Архангельская об-

¹²⁷ Орочи – этноним, обозначающий коренной народ Хабаровского края.

¹²⁸ Теплоухов Сергей Александрович (1888-1934) – этнограф, антрополог, сибиревед. Сверхштатный ассистент кафедры географии и этнографии; преподаватель Северо-Восточного археологического и этнографического университета. После революции работал в городах Томске и Петрограде. В 1933 г. Теплоухов был арестован по делу «Российской национальной партии» («Делу славистов»).

ласть), продолжая планомерно разрабатывать научную тему, которая ему была интересна. Также С. Н. Лаптев занимался разборкой и установкой коллекций в Кабинете географии.

Учебно-методические пособия и коллекции Географического кабинета интересовали не только студентов, они были востребованы и профессорско-преподавательским составом. Например, в 1911 г. М. М. Хомяков занимался анализом и описанием краниологической коллекции кабинета. Он планировал составить научный каталог “по образцу германских “*Anthropologische Sammlungen*”, вышедших в разных университетах” (Годичный ответ... 1912, с. 80). Результатом его работы в Кабинете географии и в Анатомическом кабинете должно было стать научное описание всего краниологического собрания Казанского университета. В 1912 г. уже несколько человек пользовались “услугами персонала и пособиями кабинета”: врач Н. В. Никольский “разрабатывал вопросы, связанные с антропологией Лаишевских татар”, а “инженер Соколов, г. Воскресенский и др. пользовались книгами кабинета и т.п.” (Годичный ответ... 1913, с. 91).

Этнографическое собрание Кабинета географии было прекрасным учебным пособием по курсам кафедры. Но это собрание не было зарегистрировано, не имело учетной документации (инвентарных книг, описей, карточек). С момента прихода на кафедру Б. Ф. Адлер начинает заниматься научным описанием и регистрацией коллекций Кабинета географии по археологии и этнографии. Обладая большим опытом работы в музеях, Б. Ф. Адлер прекрасно владел методами описания и систематизации коллекций. Уже за первые полгода пребывания в г. Казани он подключил к этой работе студентов и лаборанта кабинета. Например, студент Эльбекянц “разбирал этнографическую коллекцию по Африке и Океании, причем ее зарегистрировал на новых научных основаниях” (Годичный ответ... 1912, с. 79-80); студент Д. Гачечиладзе занимался научным описанием и регистрацией этнографических коллекций по Океании (Годичный ответ... 1914, с. 108). Под “новыми научными основаниями” подразумевалось составление коллекционных описей и нумерация экспонатов. Все этнографические коллекции выделялись в особый отдел кабинета – Музей этнографии Кабинета географии Казанского университета, и им присваивались номера, начинавшиеся аббревиатурой

«МЭКУ». Все предметы были разделены на несколько групп: «Южная Америка», «Африка», «Австралия и Океания», «Палеоазиаты»¹²⁹. Каждая группа имела свой номер – римскую цифру (I, II, III и IV) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. МЭКУ. Д. 1-6). Коллекции по народам Сибири и Дальнего Востока, кроме отдельной группы «Палеоазиаты», не имели никакого названия, но делились на несколько подгрупп с нумерацией «а», «б» и «в» (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. МЭКУ. Д. 4-6). Как нам удалось установить, эта нумерация отражала региональное деления (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток). Экспонату присваивался двойной номер, где первая цифра обозначала номер описи, а вторая – номер самого экспоната. Например, под номером МЭКУ I-5 была зарегистрирована «стрела с костяным наконечником» из Южной Америки (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. МЭКУ. Д. 1). Кроме номера и названия экспоната с его кратким описанием другая информация, в том числе об этнической принадлежности, отсутствовала. Это можно объяснить тем, что первоначально в Кабинете были только коллекции, приобретенные в музее-лаборатории Умляуффа. А они, в свою очередь не имели никакой учетной информации и нуждались в научном разборе и систематизации. Следует отметить, что Б. Ф. Адлер в перспективе планировал на каждый экспонат завести специальную учетную карточку. Позже в конце каждой описи добавили раздел «Иллюстрации», куда вписывали под продолжающимися номерами наглядно-иллюстративный материал (фотографии, рисунки, макеты) по регионам.

На «новых научных основаниях» в 1910-1911 гг. в Географическом кабинете стали оформлять не только коллекции, но и библиотеку: сверхштатный лаборант В. Н. Сементовский зарегистрировал «значительно выросший за последнее время» библиотечный фонд научной литературы. Кроме авторского каталога, был заведен и «предметный каталог» (Годичный ответ... 1912, с. 80). Библиотека существенно увеличилась (более чем на 1800 номеров), много изданий присылали в дар разные научные общества России, Германии и Франции (Годичный ответ... 1914, с. 102). Причем, чтобы привести «разросшуюся» библиотеку в порядок,

¹²⁹ Термин XIX в., введенный Л. И. Шренком для обозначения ряда малочисленных народов Северной и Северо-Восточной Сибири.

в помощь В. Н. Сементовскому был нанят “из сумм кабинета” студент Н. И. Масленников¹³⁰, который к лету 1912 г. закончил составление карточного каталога (Годичный ответ... 1913, с. 92). Б. Ф. Адлер систематизировал рекомендуемые учебные пособия и литературу (по общему земледелию, этнологии и страноведению), а также расширил список книг по этнологии: “И. Ранке, Человек, 2 т., изд. «Просвещение»; Фр. Ратцель, Народоведение, 2 т., изд. «Просвещение»; Buschfn, Volkerkunde, 1909; Типинар, Антропология; Тейлор, Антропология, Нидерле, Человечество в доисторические времена; Г.-А. де Мортилье, Доисторические жилища, СПб., перев. под редакцией Л. Я. Штернберга; Г. Шурц, История первобытной культуры (изд. «Просвещение»); Г. Шурц, Краткое народоведение, перев. Д. А. Коробчаевского” (Обозрение преподавания... 1911, с. 17). Чуть позже в этом списке мы встречаем «Наука о человеке. Несколько глав из антропологии или естественной истории человека» Г. Бушана (1911), «Введение в политическую географию» А. Коропческого (1903) и «Этнография» Н. Харузина (1905).

Большое значение в подготовке студентов Б. Ф. Адлер придавал студенческой кружковой работе. В Казанском университете существовало два близких по тематике к этнографии студенческих кружка: Кружок любителей природы и Кружок по изучению Сибири. Являясь секретарем научного общества по изучению Сибири¹³¹, Б. Ф. Адлер курировал работу обоих кружков. Этнографическое и антропологическое изучение Сибири было одним из направлений научной работы Б. Ф. Адлера на протяжении длительного времени: в Лейпцигском этнографическом музее он работал ассистентом в отделе сибирской этнографии; работая хранителем этнографического отдела Русского музея, участвовал в серии научных поездок в Сибирь и Дальний Восток с целью исследования музеев края и пополнения коллекционного собрания.

По инициативе Б. Ф. Адлера стали издавать «Труды Кружка любителей природы» (вышло 2 тома) (Вятчина, 2015, с. 23). Для материаль-

¹³⁰ Масленников Николай Иванович (1888-1942) – географ. Ассистент, преподаватель кафедры географии и этнографии; доцент кафедры физической географии Казанского университета.

¹³¹ «Казанский отдел общества изучения Сибири и улучшения ее быта».

ной поддержки работы кружка профессорско-преподавательский состав кафедры географии и этнографии организовал серию научно-популярных лекций за небольшую плату для всех желающих (Зорин, 2001, с.30). Почти ежегодно Б. Ф. Адлер выступал с докладами на студенческих кружках и вел факультативные занятия по этнографии со студентами-сибиряками (Годичный ответ... 1914, с.109). На заседаниях Кружка по изучению Сибири наряду с географическими сообщениями стали активно выступать с докладами на этнографические, археологические и демографические темы: И. Лопатин о шаманстве у сибирских народов (1912 г.), П. Кольцов по этнографии киргизов (1913 г.), Д. Гачечиладзе с географо-этнографический очерком Имеретии (1914 г.), Н. Масленников о способах и средствах передвижения у народов мира (1914 г.). Более 20ти докладов было заслушано на кружке в 1916 г. Студенческий кружок привлекал наиболее талантливых и инициативных студентов, которые спустя время проявили себя как крупные исследователи – географы, этнографы, археологи и антропологи (Вятчина, 2015, с. 23).

Следует отметить, что большинство студентов отправлялись в научные экспедиции по инициативе Б. Ф. Адлера на свою родину, в те территории, где они родились и жили до поступления в университет. Контакты на местах облегчали выполнение исследовательских задач, в числе которых было и пополнение музея новыми экспонатами. Предметы из таких поездок в Кабинет географии передавались “частью в дар, частью были уступлены за небольшую плату” (Годичный ответ... 1913, с.92). Помимо экспедиций, студенты также стали просто привозить отдельные предметы или целые коллекции со своей родины в Географический кабинет. Именно благодаря таким студенческим пожертвованиям в кабинете сформировалось среднеазиатское собрание. В дар Кабинету географии студент В. Буров, не занимавшийся этнографическими исследованиями, передал казахские табакерку (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 42) и традиционную настольную игру казахов Семипалатинской области (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 52). Предметы из этих же мест собрал и продал Б. Ф. Адлеру студент П. Н. Кольцов. Это были две коллекции: одна представляла собой продукты питания (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 74), а вторая состояла из предметов быта (посуды, одежды, музыкальных инструментов и традицион-

ных игрушек) казахов Семипалатинской области (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 97). Студентом П. Любимовым была пожертвована коллекция по узбекам Ташкентского уезда, в которой были образцы традиционных продуктов питания, лекарств и бытовой утвари, а также коллекция детских свистулек (всего 29 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 100).

Помимо таких пожертвований среднеазиатских предметов от студентов поступали и предметы, характеризующие культуру разных народов Европы и Западной Азии. Например, студент Д. Гачечеладзе передал в дар курительную трубку из Кутаисской губернии (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 78), а студент Вайсанберг подарил коллекцию еврейских культовых предметов (например, тфилин – элемент молитвенного облачения иудея) из Херсонской губернии (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 102). От братьев студентов Гурфинкель в дар были получены две китайские коллекции – мужской костюм (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 79) и лубочные картины, нарисованные на один сюжет китайской мифологии (Годичный ответ... 1914, с. 113).

Предметы собирались по определенному народу отдельного региона, отражали наиболее характерные элементы бытовой и/или религиозной культуры, какую-то одну тему. Б. Ф. Адлер, как практик полевых исследований и сбора этнографических коллекций, рекомендовал студентам собирать определенные предметы, которые являлись типовыми и иллюстрировали какой-то элемент традиционной культуры, а не просто «красивые» или «парадные» предметы. В результате таких студенческих экспедиций и пожертвований в Кабинете географии были собраны ценные этнографические, антропологические и археологические коллекции, до этого времени не представленные в Казанском университете.

Если до начала деятельности Б. Ф. Адлера по комплектованию фондов в кабинете находились этнографические коллекции только по народам регионов мира, то Б. Ф. Адлер стал формировать фонды по народам Поволжья, целенаправленно закупаая предметы. У него была идея и полное представление о том, каким должен стать этнографический музей университета. Конечно, он покупал, прежде всего, те предметы, которые были доступны (и по предложению о продаже, по стоимости и по качеству) и которые он видел логичными в музее. Например, у К. В. Щен-

никовой была куплена коллекция традиционных детских русских кукол (43 шт.) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 44). В этот период в кабинет поступили традиционные украшения казанских татарок (в общей сложности 28 предметов). Некоторые из них Б. Ф. Адлер купил на свои сбережения и передал в дар музею, другие – приобрел на ассигнованные университетом средства (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 56, Д. 61, Д. 66, Д. 67). Все эти предметы он приобрел у казанского антиквара и коллекционера Якуба Ишмеева, с которым Б. Ф. Адлер познакомился сразу по приезду в г. Казань и с которым у него сложились хорошие отношения: “...искренне преданный делу собирания татарской старины, Якуба знали все казанские коллекционеры, Якуб знал всю Казань. Когда я приехал в 1911 г. в Казань, то и ко мне немедленно же явился Якуб со своими вещами, которые он предлагал для продажи” (Адлер, 1922, с.35-36).

Б. Ф. Адлер в силу специфики своей предыдущей работы и научных интересов был хорошо знаком со многими коллекционерами России и Европы, прекрасно знал основные «торговые дома» по продаже коллекций и книг. Поэтому коллекции приобретались не только у российских исследователей и коллекционеров. В 1912 г. у некоего г-на Кониэцко из г. Гамбурга была куплена коллекция предметов охоты аборигенов Патагонии (Южная Америка): лассо, бола, колчаны для стрел, шпоры и модель лодки (7 экспонатов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 46) и большая коллекция по народам Центральной Африки (93 предмета) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 45). В том же году у г-на Вебера была приобретена коллекция из “50 номеров, приобретенных за 55 руб” (Годичный отчет... 1912, с. 81), раскрывающих бытовые особенности оседлых чукчей (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 38). А от своего хорошего знакомого В. К. Арсеньева¹³² Б. Ф. Адлер получил в дар несколько коллекций по народам Дальнего Востока: предметы охоты китайцев-звероловов (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 72), а также шаманские и бытовые принадлежности орочей-удэле (Годичный отчет... 1914, с. 112). Каждый экспонат имел

¹³² Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872-1930) – этнограф, сибиревед; военный; писатель. Служил на Дальнем Востоке во Владивостокской крепости. Директор Гродековского музея в г. Хабаровске.

сопроводительную карточку на бланке В. К. Арсеньева, на которой было написано название предмета на языке исследуемого народа, объяснение предназначения на русском языке, а также дата и место сбора экспоната с подписью ученого.

Случайные экспонаты, переданные в дар, также поступали в музей, но были не многочисленными (если не считать тех предметов, которые пожертвовал сам Б. Ф. Адлер, но их вряд ли можно назвать случайными). Например, от Б. Н. Горвиц была передана чашка и четки из Египта. От г-жи Стежинской в дар был получен китайский перстень (Годичный ответ... 1912, с. 79), а чуть позже приобретены несколько китайских нефритовых вазочек (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 41). Сам Б. Ф. Адлер пожертвовал в музей китайскую тряпичную куклу «из Пекина» (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 65). Но большую часть поступающих в Кабинет географии этнографических коллекций стали составлять экспедиционные материалы.

За несколько первых лет заведования кафедрой географии и этнографии Б. Ф. Адлером этнографическое собрание увеличилось более чем на 500 предметов ¹³³. Увеличившееся этнографическое собрание стало поводом прошения Б. Ф. Адлером смены названия Кабинета географии: «Ввиду того, что название это не соответствует ни официальному названию сией кафедры, ни содержанию коллекций кабинета, – преобладают коллекции этнографические и археологические, – я позволяю себе обратиться к факультету с покорнейшей просьбой разрешить называть Географический кабинет кабинетом географии и этнографии, как это вообще принято во всех российских университетах» (ГА РТ. Ф.977. Оп. Физмат. Д. 2341. Л. 1). И с разрешения Попечителя Казанского учебного округа от 18 ноября 1913 г. №29292 кабинет утвердили в новом названии – Кабинет географии и этнографии (ГА РТ. Ф.977. Оп. Физмат. Д. 2341. Л. 3).

¹³³ Подсчет основан на описях Этнографического музея, но точную цифру вывести невозможно, т.к. не все предметы сохранились, а в отчетах Географического кабинета не приводится количество предметов, а только количество номеров (т.е. коллекций) на которые увеличился музей. Например, за 1912 г. на 118 номеров этнографических, антропологических, археологических коллекций.

Российская этнографическая наука начала XX в. стала уделять большее внимание изучению и сбору музейных предметов и коллекций, раскрывающих традиционную бытовую культуру. Как отмечал Д. К. Зеленин¹³⁴, вещественные предметы чрезвычайно важны для этнографических исследований, они должны рассматриваться в системе культуры, выступая как ее органическая часть. И только целенаправленное пополнение музейных фондов, выполненное ученым-специалистом, может стать качественной базой для этнографических исследований. Этнографические музеи и этнографические коллекции должны были стать документом, отражающим реалии и изменения, происходившие в сфере материальной и духовной культуры народов. Это принцип был задекларирован в «Программе для собирания этнографических предметов», подготовленной в 1902-1903 гг. (Программа для собирания... 1903). Причем в программе отмечалось, только созданные народом для удовлетворения своих потребностей предметы имеют этнографическую и музейную ценность. Отмечалось, что при приобретении какой-либо вещи предпочтение стоит отдавать бывшей в употреблении, а не новой¹³⁵. После вводной части шло описание процесса сбора предметов и сведений по нескольким блокам: поселение и постройки, традиционная одежда и украшения, бытовая утварь, орудия и технические новинки, традиционная кухня, ремесла, социально-общественные отношения и традиционные способы лечения¹³⁶. О том, в каком объеме и для чего нужно собирать этот этнографический материал, в научном сообществе также шли дискуссии. Так, Л. Я. Штернберг полагал, что музеи как научные учреждения должны в идеале показывать максимум этнографического материала, охватывать большее количество культур и ее разновидностей¹³⁷. Иную мысль выразил Н. В. Могилян-

¹³⁴ Зеленин Дмитрий Константинович (1878-1954) – этнограф, филолог, фольклорист.

¹³⁵ Программа для собирания этнографических предметов. СПб, 1903. С. 3-12.

¹³⁶ Там же. С. 3-5.

¹³⁷ Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. М., 2008. С. 184.

ский¹³⁸ в одном из писем Б. Ф. Адлеру: «довольно тащить и тащить все и как попало, надо выбирать до дна специальные маленькие коллекции и обрабатывать и опубликовать»¹³⁹.

При этом большинство исследователей оставались на позициях эволюционистов, а экспозиции этнографических музеев также строились по принципу «культурной иерархии», на вершине которой находились европейские «цивилизованные» народы. Соответственно, коллекционирование и репрезентация в музеях строилась по принципу великорусского этноцентризма (Баранов, 2010, с.27). Но на ряду с эволюционистскими идеями, в российской этнографии начала XX в. стали популярными и идеи антропогеографии и диффузионизма. Существующие разногласия по вопросам о месте этнографии в системе наук, ее предмете и методах наиболее ярко проявились на организованной в рамках XII Съезда естествоиспытателей и врачей в г. Москве в конце 1909 г. на подсекции этнографии. Руководителем подсекции был В. Ф. Миллер¹⁴⁰. За время работы секции было прослушано 16 докладов, в том числе Л. Я. Штернберга о «нуждах русской этнографии». С. А. Токарев так описывает идейную «разноголосицу» по определению самого содержания понятия «этнография»: «Николай Харузин понимал этнографию как науку, «которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы... развития человечества на низших ступенях культуры. Штернберг – как науку о культуре первобытных народов «и тех слоев культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя». Н. Могиланский – как народоведение, изучение особенностей материального и духовного уклада жизни отдельных народов. Одни считали этнографию чисто исторической наукой, другие – естественной, А. Н. Максимов –

¹³⁸ Могиланский Николай Михайлович (1871-1933) – этнограф, антрополог, диплома, журналист.

¹³⁹ Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. М., 2008. С. 242.

¹⁴⁰ Миллер Всеволод Фёдорович (1848-1913) – этнограф, археолог, фольклорист и языковед; с 1881 г. – председатель Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; редактор журнала «Этнографическое обозрение».

«связующим звеном между естествознанием и обществоведением»» (Токарев, 2015, с. 621).

Б. Ф. Адлер не оставил теоретических работ о роли и месте этнографии. Но по его публикациям, в том числе касающимся вопросов организации этнографического музея и института, можно предположить, что в большей степени Б. Ф. Адлеру была более близка точка зрения, согласно которой задачей этнографии является изучение развития человечества. Особо Б. Ф. Адлер рассматривал влияние на эти процессы географической среды и исторических условий, а также «культурных влияний» народов друг на друга. В результате этих процессов формировались особенности материального и духовного быта.

Именно экспонаты традиционной культуры, хранящиеся в музеях, выступили для Б. Ф. Адлера предметами научного исследования. Во многом, это произошло под влиянием Ф. Ратцеля, который выбрал предметы материальной культуры в качестве основного объекта исследования, так как они гораздо дольше удерживаются и сохраняют свою форму, а также имеют больший ареал распространения по сравнению с другими элементами культуры. Например, на основе сравнительно-сопоставительного анализа музейных коллекций луков и стрел народов Сибири и Северной Америки, Б. Ф. Адлер выводит пять типов стрел (береговой, айнский, берингоморский, сибирский и киргизский) и три типа лука (простые, утолщенные, сложные). Как отмечал П. И. Кротов, «это дало ему возможность рассуждать об отечестве тех или других типов, а стало быть, и о культурных влияниях различных народов друг на друга» (Кротов, 1911, с. 4-5).

Следует отметить, что в этот период в этнографической литературе и научных дискуссиях среди российских этнографов появляется наряду с термином «этнография» и термин «этнология». Среди преподаваемых дисциплин по кафедре географии и этнографии в обзрениях преподавания за 1911-1912 гг. мы впервые встречаем именно термин «Этнология» – обязательный спецкурс для студентов-географов VII и VIII семестров¹⁴¹. Согласно точке зрения Б. Ф. Адлера, этнология – это наука о челове-

¹⁴¹ Обзорение преподавания в 1912-1913 учебном году. Физико-математический факультет. Казань, 1912. С. 20-21.

ке, которая “изучает законы развития различных форм и видов нашей жизни на земле” (Адлер, 1920, с. 79). Некоторые исследователи того периода, в том числе Н. В. Никольский¹⁴², разделяли эти понятия: на науку, целью которой является “простое собирание бытового материала” (этнография) и этнологию, “цель которой обобщение этого материала” (Протоколы общих... 1916, с.53). Нельзя утверждать, что Б. Ф. Адлер резко противопоставлял понятия «этнография» (описание) и «этнология» (изучение): кафедра носила название кафедры географии и этнографии, музей – этнографический, созданный в 1917 г. первый специализированный профессиональный институт¹⁴³ в названии имел тот же термин «этнографический».

Научно-учебное учреждение, к которому относился и Кабинет географии, по мнению Б. Ф. Адлера должен совмещать в себе три основные функции: научно-исследовательскую (по собиранию и разработке научных данных), учебно-преподавательскую (подготовка профессиональных кадров) и просветительскую (проведение выставок, открытых лекций для широкого круга лиц). Все эти функции, в том числе и культурно-просветительскую, он стремился максимально реализовать в кабинете. Уже в 1912 г. он организовал в стенах Географического кабинета Художественную этнографическо-археологическую выставку собрания Л. О. Сиклера¹⁴⁴. Будучи преподавателем и имея ограниченные средства, Л. О. Сиклер приобретал и накапливал свое собрание восточных вещей (большинство составляли татарские украшения) в общей сложности 19 лет (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12409. Л. 95). Помощником в этом деле ему служил Якуб Ишмеев, который и рассказал Б. Ф. Адлеру про это собрание. Б. Ф. Адлер был поражен обилием предметов и просто не

¹⁴² Никольский Николай Васильевич (1878-1961) – историк, этнограф, фольклорист, языковед; православный миссионер; преподаватель чувашского языка, истории и этнографии чувашей на миссионерских курсах при Казанской духовной Академии. С 1918 г. профессор Казанского университета, Восточного педагогического института. С 1940 г. профессор Марийского педагогического института.

¹⁴³ Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани.

¹⁴⁴ Сиклер Леон Осипович (1858-1922) – преподаватель французского языка в 1-ой Казанской гимназии, коллекционер.

ожидал встретить в Казани такой богатой, полной и ценной коллекции. После долгих переговоров он смог убедить Л. О. Сиклера предоставить на выставку для ознакомления широкой общественности свое собрание в Географическом кабинете Императорского Казанского университета (Адлер, 1922, с. 35-36). Коллекции были выставлены впервые, экспозиция занимала две большие комнаты и была доступна для осмотра две недели. Был издан краткий указатель этой выставки (Краткий указатель...1912). В первых витринах размещались русские коллекции, состоящие из разнообразных икон, крестов, головных уборов. Далее шли древности из городов Биляр и Болгар. В следующих за ними витринах размещались татарские коллекции. Три витрины занимали головные уборы, по одной витрине занимали коллекции висячих украшений для кос, нагрудные украшения, различные перевязи, металлические медальоны для украшения хасите, застёжки, камни, металлические коробочки для Корана, шейные украшения. Потом располагались витрины с комбинированными коллекциями – “русские и инородческие серьги”, “русские и татарские перстни и кольца”, “татарские и азиатские браслеты”. Все это богатство располагалось в 23 витринах и на 3 столах. Также большое количество образцов чувашских и марийских вышивок и предметы татарского костюма (покрывала, камзолы) были развешены вдоль стен. В центре стояли два манекена в “татарина и татарки в богатых парчовых нарядах” (Краткий указатель... 1912, с. 1-14).

Выставка пользовалась громадным успехом, была отмечена ее значимость и историческая ценность, число посетителей за месяц превысило 500 человек. Выставка была платной, но стоимость входного билета была небольшой, что делало посещение выставки доступным досугом. Все вырученные от выставки денежные средства, перешли в пользу Обществу вспомоществования студентам Императорского Казанского университета (Годичный ответ... 1913, с. 94).

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что учебный и научный процесс профессиональной подготовки специалистов этнографов на кафедре географии и этнографии уже в первые годы заведования кафедрой Б. Ф. Адлером был поставлен на высоком и передовом уровне: была начата профессиональная подготовка квалифицированных кадров в сфере этнографии по самостоятельной учебной программе; особое

место занимала практическая подготовка, полевая и кружковая работа студентов. К работе Географического кабинета Б. Ф. Адлер активно привлекал студентов, которые занимались систематизацией и описанием коллекций. Многие студенты на основе собранных в кабинете коллекций, являвшихся ценными этнографическими источниками, писали свои научные работы.

Пополнение кабинета этнографическими коллекциями при Б. Ф. Адлере шло целенаправленно по трем путям: экспедиции, покупка и дарение. Б. Ф. Адлер ратовал за объединение всех этнографических коллекций в единый музей. Пополнение фондов новыми экспонатами он планировал с поправкой на то, что в перспективе будет создан один крупный Этнографический музей Казанского университета.

3.2. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИИ КАК НАУКИ И УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ИМПЕРАТОРСКОМ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЭКСПЕДИЦИИ И ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

В развитии этнографических исследований в Казанском университете в первой четверти XX в. условно можно выделить несколько центров, которые образовались еще во второй половине XIX в. – Общество археологии, истории и этнографии, Общество естествоиспытателей и кафедра географии и этнографии. В состав этих структурных подразделений университета по направлениям антропология и этнография входили во многом одни и те же ученые, которые были прекрасно знакомы между собой (например, М. М. Хомяков). В 1911-1917 гг. этнографические исследования в обоих обществах были связаны в большей степени с именем Б. Ф. Адлера. Уже в первый год работы в Казанском университете он был избран действительным членом ОЕ и ОАИЭ; чуть позже был избран членом совета ОЕ по географии и товарищем председателя, а затем и председателем ОАИЭ (Зорин, 2001, с. 10-15). К участию в работе обоих обществ он активно привлекал своих студентов. По его протекции многие студенты выступали с сообщениями на заседаниях обществ (Н. Масленников, С. Лаптев, С. Теплоухов), публиковали свои статьи и отправлялись в экспедиции.

Большинство этнографических работ начала XX в. было написано на полевом материале. Профильные экспедиции, активно проводившиеся во второй половине XIX в. (И. Н. Смирнов, В. К. Магницкий, Н. Ф. Катанов), в начале XX в. окончательно утверждаются как основной метод проведения этнографического исследования. Время кабинетных и архивных историко-этнографических работ в Казанского университета окончательно прошло. К началу XX в. во многом на своей собственной практике учеными университета были выработаны основные принципы экспедиционной работы. Экспедиции – «экскурсии» проходили летом, когда по российскому бездорожью можно было добраться до разных населенных пунктов и когда у исследователей, большинство из которых были работниками системы образования, начиналось каникулярное время. Для этнографических экспедиций старались выбирать время, когда крестьяне не были заняты сельскохозяйственными работами. Готовясь к научной работе в поле, ученые читали литературу по исследуемой теме, а во время самих исследований пользовались специальными программами для сбора материалов, которые в конце XIX в. стали активно издаваться как столичными центрами, так и на местах. К сожалению, сохранилось очень мало заметок исследователей-полевиков Поволжья XIX в. об организации экспедиционной работы. Например, отдельные обрывочные сведения о формировании метода полевой работы мы встречаем у Н. В. Магницкого: «...живший летом в Казани известный путешественник по Монголии Г. Н. Потанин, кроме того, снабдил меня составленной им «Программой вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у сибирских инородцев. Спб. 1881 г.». Но я, к сожалению, время поездки выбрал неудачно: народ – чуваша были заняты жнитвом, пашней и севом, и потому вступать с ними в разговор по поводу интересовавших меня вопросов я имел мало случаев; к тому же почти во все время моего пребывания в Шуматове перепадали дожди» (Магницкий, 1884, с. 160). Поэтому свои следующие экспедиции он планировал уже с поправкой на сезонную специфику сельскохозяйственных работ. По результатам одной из экспедиций Н. В. Никольский написал заметку о чувашах с. Оринина и прилегающих к нему селений Козьмодемьянского уезда, в которой давал некоторые рекомендации по методам проведения полевого исследования: «При разговоре с лицами, ранее у

них бывшими, чувашаи более откровенны, чем в первые встречи. Этнограф при соблюдении известной осторожности может получить от своих собеседников немало любопытных сведений» (Никольский, 1911, с. 245).

В развитии этнографических исследований в Казанском университете в предреволюционный период преобладали два основных исследовательских направления: Поволжье и Сибирь. Причем, в большей степени этнографические исследования Поволжья были сконцентрированы в ОАИЭ, в то время как изучение Сибири – на кафедре географии и этнографии и в ОЕ.

В работе ОАИЭ в этот период большое внимание было уделено традиционной культуре чуваш. Среди ученых, занимавшихся это темой, следует выделить имена Н. В. Никольского и Г. И. Комиссарова¹⁴⁵. Еще будучи студентом Казанской духовной академии, Г. И. Комиссаров активно включился в работу ОАИЭ. Вместе с Н. В. Никольским они в 1910-1912 гг. работали в составе специальной группы над составлением этнографической карты Казанской губернии. Для исследования была выбрана территория Казанского Заволжья: Н. В. Никольский исследовал Цивильский уезд, Е. А. Кузьмин Козьмодемьянский уезд, а Г. И. Комиссаров Ядринский и Чебоксарские уезды. Целью данной работы было наглядное изображение расселения разных этнических групп по уездам выбранной территории: «составители карты должны были только выбрать краски для обозначения той или другой народности, выкрасить в эти цвета карту того или другого уезда и показать условными знаками состав населения тех селений, в которых оно смешанное» (Комиссаров, 1912, с. 448).

Для составления данной карты были совершены несколько экспедиций, результаты которых докладывались на общих собраниях ОАИЭ. Г. И. Комиссаров занимался главным образом исследованием этнографических группах чувашей и для представления полной картины совершил выезды по всем районам. Он же готовил к печати карту этих уездов (Ко-

¹⁴⁵ Комиссаров Гурий Иванович (1893-1969) – этнограф, фольклорист, краевед; помощник инспектора Уфимской духовной семинарии.; учитель и преподаватель ряда учебных заведений г. Уфы. В 1926-1942 – преподаватель в казанских учебных заведениях; с 1942 г. – в г. Санчурск Кировской области.

миссаров, 1912, с.249-250). В процессе работы над картой Г. И. Комиссаров систематизировал значительный материал и выделил географическое разделение чувашей на три группы (верхних, средних и нижних), о чем в 1911 г. на заседании общего собрания ОАИЭ сделал доклад, который вызвал живую дискуссию. Например, М. М. Хомяков заметил, что деление чувашей на три группы весьма условно, т.к. антропологически это не обоснованно: “чувашаи – это антропологически смешанный тип, редко отличающийся” в разных группах. А Н. Ф. Высоцкий заметил, что без подтвержденных данных нельзя говорить о сходстве татарского и болгарского языка. Также он, “вполне признавая ценность внутреннего содержания доклада”, раскритиковал стилистику работы и введение в научный оборот не обоснованных терминов, например “Чувашландия” (Протоколы общих... 1911, с. 7).

Обсуждение доклада Г. И. Комиссарова о результатах работы комиссии сопровождалось демонстрацией традиционных костюмов и экспедиционных фотографий. Собранные костюмы вызвали вопрос Д. С. Уханова¹⁴⁶ о символическом значении одежды у чувашей. На это Н. В. Никольский заметил, что известно значение одного элемента головного убора замужних чувашек – “масмака” и привел три фольклорные объяснения происхождения этого головного убора. Э. Д. Пельцам обратил внимание собравшихся на заседание членов Общества на раковины каори – «ужовки», которыми были украшены костюмы. Как зоолог, он объяснил, что такие раковины добываются в Северной Африке, а большую территорию их распространения на север и восток (Средняя Азия и Поволжье) можно объяснить тем, что раньше они принимались наравне с расчетными монетными знаками. На что Н. Ф. Высоцкий высказал предположение о значении этих раковин как оберегов у всех народов Поволжья. Это предположение подтвердил М. И. Юнусов¹⁴⁷, заметив, что татары нашивают такие раковины мальчикам от сглаза (Протоколы общих... 1911, с. 7-8).

Представленные костюмы и фотографии участники экспедиции передали в Кабинет географии, где они впоследствии будут выставлены на

¹⁴⁶ Уханов Дмитрий Иванович – управляющий типографией братьев Каримовых в г.Казани.

¹⁴⁷ Юнусов Муххамед-Рахим Исхакович – директор мусульманского детского приюта в г. Казани.

манекенах, доставленных из музейной лаборатории Умляуффа в г. Гамбурге. Как отмечал Г. И. Комиссаров в своих воспоминаниях это были костюмные комплексы «молодой женщины-чувашки группы “вирьял (неполный костюм) и группы анат енчи (полный)” (Цит. по: Комиссаров, 2003, с. 201). Особо стоит отметить экспедиционные фотографии, переданные в кабинет (83 снимка). Это прекрасные этнографические источники, которые созданы, отредактированы (подписаны, аннотированы) и переданы самим автором – Г. И. Комиссаровым. Снимки были сделаны во время разных сезонных работ и выделены автором в несколько групп: типы, быт и костюмы чувашей. В соответствии с заданием экспедиции, на каждом снимке автор указал, представители какой этнографической группы запечатлены (Титова, Вятчина, 2013, с. 49).

Ценными коллекциями по традиционному быту мордвы Поволжья Географический кабинет пополнился благодаря экспедициям Макара Евсевьевича Евсевьева¹⁴⁸. М. Е. Евсевьев имел прекрасный опыт полевых работ: в 1895-1896 гг. он занимался составлением этнографических альбомов к открытию Нижегородской Всероссийской выставки. Для создания “типических снимков с чуваш, татар, черемис, вотяков, мордвы, пермяков, зырян и калмыков” ему пришлось объездить все Поволжские губернии. Одним из результатов этих поездок стал мордовско-русский словарь и большой фольклорный материал, которым пользовался в рукописи И. Н. Смирнов при составлении своего очерка о мордве (Мокшин, 2004, с. 7).

Особый интерес М. Е. Евсевьев проявлял к религиозной жизни мордвы, народным обрядам и ритуалам, стремился зафиксировать их как источник изучения культуры народа. За многолетнюю экспедиционную работу М. Е. Евсевьев собрал обширный полевой фактологический материал по дохристианским верованиям, обрядам и религиозному синкретизму, следствием которого стало формирование мордовского варианта русского православия (Мокшина, 2012, с. 59-60). Результаты своих исследований М. Е. Евсевьев представлял в виде докладов, сообщений

¹⁴⁸ Евсевьев Макар Евсевьевич (1864-1931) – этнограф, педагог. Педагог Иногородческой учительской семинарии г. Казани. С 1918 г. заведующий этнографического отдела казанского Городского музея.

и статей (позже обобщенные в монографии «Мордва Татреспублики» (Евсевьев, 1925)). Например, в 1911 г. на общем собрании ОАИЭ был заслушан его доклад «Языческие моления у мордвы Пензенской губернии». Сам М. Е. Евсевьев не смог по болезни выступить, поэтому его сообщение зачитал Н. М. Петровский. Доклад М. Е. Евсевьева единогласно рекомендовали к печати, но Н. М. Петровский заявил, что “это пожелание не может быть исполнено, так как сообщение это обещано другому изданию” (Протоколы общих... 1912, с. 43-44). Эта работа чуть позже вышло в журнале «Живая старина» (Евсевьев, 1914).

В традиции выступлений на собраниях научных обществ того периода, доклад М. Е. Евсевьева сопровождался визуальным рядом – “демонстрированием разнообразных фотографических снимков с мордовских молений, сделанных на месте их совершения” (Протоколы общих... 1912, с. 43). В своих воспоминаниях М. Е. Евсевьев отмечает, невероятную сложность, а иногда и просто невозможность сделать такие фотографии: “попасть на моление в деревне, а тем более сфотографировать его, без близкого знакомства с местными жителями весьма трудно” (Цит. по: Мокшин, 2004, с. 9).

Большое значение М. Е. Евсевьев придавал сбору этнографического материала для музеев (особенно для Русского музея) и разработке теоретических вопросов, касающихся методов сбора вещественных источников и их экспонирования. Сохранившаяся переписка с Н. М. Могилянским является ценным источником по этнографическому музееведению. Например, в одном из своих писем М. Е. Евсевьев отмечает сложность репрезентации в статике музейного пространства ярких и важных элементов традиционной культуры: «... мордовские женщины придают большое значение искусной повязке головного убора и красивому обуванию ног. В Темниковском уезде накануне праздников нередко эрзянские девицы и молодые женщины целые ночи проводят за тем, чтобы как можно красивее обуть свои ноги, по несколько раз обуваются и разуваются и вновь обуваются. Можно ли дать хотя бы некоторое понятие об этом труде раскладкой портянок и обуви?» (Цит. по: Мокшин, 2004, с. 18).

Можно предположить, что М. Е. Евсевьев и Б. Ф. Адлер познакомились еще по работе в Русском музее. Во многом их взгляды на этнографические исследования и организацию пространства этнографиче-

ских музеев были похожи. Уже в первый год своей работы в Казанском университете Б. Ф. Адлер просит М. Е. Евсевьева доставить в Кабинет географии полный мордовский костюм и выделяет на это средства. В 1912 г. М. Е. Евсевьев доставил в кабинет женский костюм мордовки-эрзянки Симбирской губернии (Годичный отчет... 1913, с. 96). Чуть позже, Б. Ф. Адлер приобрел у него коллекцию мордовских женских головных уборов (7 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 39) и несколько женских костюмов (29 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 175). В результате этих закупок в Кабинете географии и этнографии была собрана коллекция, показывающая отличительные особенности традиционного женского костюма мордовок (эрзянок) разных возрастных групп.

В процессе профессиональной подготовки студентов полевым практикам и экспедициям также отводилась большая роль. П. И. Кротов был одним из первых инициаторов организации полевых выездов студентов. Им были разработаны программы и проведены научные экскурсии по р. Волге с соответствующим набором гидрометеорологических и геолого-геоморфологических заданий. Такие практические занятия стали проводиться уже спустя три года после открытия кафедры географии и этнографии (Сведения о состоянии... 1892, с. 28). Экскурсии имели целью практическое ознакомление студентов с методами и принципами географических наблюдений под руководством опытных и компетентных наставников. Полевые занятия-выезды были особенно полезны студентам и позволяли максимально погрузиться в научно-исследовательский процесс: “Организация таких экскурсий была весьма благодетельна для учащихся, так как таким путем они приучались производить самостоятельные географические наблюдения, в них возбуждался интерес к самостоятельным исследованиям. Для доказательства можно привести здесь следующий список печатных сочинений бывших участников таких экскурсий – студентов ... немало таких работ было представлено ими просто в качестве зачетных сочинений” (Годичный отчет... 1909, с. 89-90).

Организовывались и научно-педагогические экскурсии в столичные музеи и другие профильные учреждения. Так, например, в 1908 г. под руководством лаборанта географического факультета В. Н. Сементовского

была организована экскурсия в города Москву и Санкт-Петербург для ознакомления с различными географическими и антрополого-этнографическими заведениями столиц и содержащимися в них коллекциями, на что физико-математическим факультетом “было ассигновано из имеющихся на этот предмет специальных средств 200 рублей” (Годичный отчет... 1909, с. 92).

Как мы отмечали ранее, Б. Ф. Адлер активно привлекал студентов к самостоятельным летним исследованиям, помогая разрабатывать программы и маршруты поездок. Одним из первых в научную экспедицию отправился С. Н. Лаптев. В 1911-1912 гг. он собирал материал для экскурсии в Новую землю (архипелаг в Северном Ледовитом океане, Архангельская область), но с февраля 1912 г. он стал готовиться к полевым работам по нивелировке Воронежской губернии, куда его рекомендовал Б. Ф. Адлер. Экспедицию возглавлял профессор Морской Академии Ю. М. Шокальский¹⁴⁹. После успешного завершения запланированных работ Воронежское губернское земство поручает 25-летнему студенту уже самостоятельное задание – изучение кустарных промыслов губернии и проведение экскурсий для посетителей Воронежского губернского музея. По результатам этой поездки С. Лаптевым была передана в Кабинет географии коллекция по русскому набойному промыслу (13 предметов), а на заседании ОАИЭ был сделан доклад «Набойка в Воронежской губернии» (Лаптева, Лучников, 2015, с. 68-77). Эта тема очень заинтересовала С. Н. Лаптева. Впоследствии он также разрабатывал ее на примере набойного промысла Пермской губернии, откуда доставил в музей две коллекции: из Камышиновского (9 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 89) и Екатеринбургского (21 предмет) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 130) уездов. Также по заданию Б. Ф. Адлера для Кабинета географии и этнографии он произвел закупку трех «манер» – штамповочных досок в “набойных заведениях Казани” (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 91).

Студент В. Коссиловский весной 1912 г. “совершил поездку в Виленскую и Ковенскую губ., где занимался изучением католических (ли-

¹⁴⁹ Шокальский Юлий Михайлович (1856-1940) – географ, картограф; председатель Русского географического общества.

товских и белорусских) вотивов¹⁵⁰» (Годичный отчет... 1913, с. 91). Интерес к культовым жертвенным изображениям в этот период высказывал на заседаниях ОАИЭ М. М. Хомяков, который выступил с сообщением о вотивах из г. Неаполя и аргамаках – чувашских жертвенных фигурках из теста, собранных им во время экспедиций в Козьмодемьянский уезд в 1910-1911 гг. Во время доклада он демонстрировал и вотивы, и аргамаки (последние передал в дар Кабинету географии). Доклад М. М. Хомякова вызвал бурные обсуждения и новые исследовательские вопросы – есть ли среди вотивов общественные или они все личные? (Протоколы общих... 1915, с. 41). Возможно, это выступление и последующее обсуждение инициировало выбор темы для самостоятельной работы студента В. Коссиловского и целенаправленного формирования фонда по таким «жертвенным» предметам.

В результате экспедиции В. Коссиловский собрал большой материал по литовцам Ковенской губернии который помимо вотивов, включал рисунки, фотографии, литературу, а также бытовые предметы и игрушки. Большая часть этой коллекции была куплена Б. Ф. Адлером за 6 руб. в 1914 г. и передана в музей (17 предметов) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 90). Следует отметить, что примерно в это же время у г-на Эбенбена из г. Мюнхен была приобретена коллекция восковых католических вотивов (18 шт.) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 48). А в 1913 г. от самого Б. Ф. Адлера в дар музею была передана коллекция польских серебряных вотивов, которую он также приобрел у В. Коссиловского (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 80). Это были одни из первых предметов, отражающих культуру народов Европы в собрании кабинета (Масалова, 2014, с. 46). В. Коссиловский стал научно разрабатывать имеющееся в музее собрание вотивов, сравнивая и проводя аналогии. Можно сказать, что исследование вотивов в России впервые было начато именно В. Коссиловским под руководством Б. Ф. Адлера.

Для антропологических исследований с 1912 г. стала применяться «специально выработанная и впервые введенная в Казанском университете измерительная таблица» (Годичный отчет... 1914, с. 107). Таблица

¹⁵⁰ Вотив – предмет, приносимый в дар Богу по обету.

была отпечатана в университетской типографии (2 листа с оборотами) и на титульной странице имела надпись “Императорский Казанский университет Кабинет Географии и Этнографии (заполненный бланк просят доставить в Кабинет)”. Также на первой странице имелись графы, куда нужно было вписать “племя или народность”, “дату” и “фамилию собравшего сведения”. На развороте по периметру были помещены ячейки, куда вписывались конкретные антропологические замеры. Так, сверху размещена информация об антропологических особенностях строения уха, рта, носа, глаз и цвете волосающего покрова (20 параметров, например, “большая ось уха”, “внутр.диам.углов глаз”, “высота краев рта”). Справа – 20 параметров “высоты”: локтевого сочленения, пупка, колена и т.п. Слева – 17 параметров “расстояние, длина, ширина” (например, “длина лица”, “наибольшая ширина носа”, “скуловой диаметр”). Снизу были графы для 12 параметров сложных замеров – “попер. диам. грудн. кл.” “вес тела”, “дву-трохант. диам.” и т.п. В центральном поле слева были обозначены несколько параметров и оставлено достаточно пустого места для вписывания результатов осмотра: “цвет кожи на разных частях тела”, “распределение волосатости и вид волос на голове и теле”, “расположение и цвет зубов”, “зубная формула”. А справа размещалась общая информация: “место родины”, “племя или народность (также род)”, “язык”, “религия”, “имя и фамилия”, “пол”, “лет”, “занятие или звание”, “сведения о родителях”. На обороте оставался чистый лист, куда нужно было обрисовать контур кисти и ступни (АФ ЭМУ. Ф. Кафедра. Оп. Таблица. Д. 1. Л. 1-2).

Первым, кто апробировал в поле разработанные таблицы, был студент С. А. Теплоухов. В 1912г. Б. Ф. Адлер рекомендует направить студента Сергея Теплоухова вместе с “прикомандированным к нему” преподавателем Зоологического кабинета Я. К. Коксиним для антропологических работ и сбора этнографических и зоологических коллекций в Минусинский уезд. Обосновывая необходимость и значимость работ в этом крае, Б. Ф. Адлер отмечает, что этот регион давно интересует исследователей, т.к. “разнообразие физико - географических условий останавливало здесь с глубокой древности волны передвигающихся различных народов, а изолированность края сберегла их культуру и особенности в виде многочисленных археологических памятников, а также современных

инородцев” (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 79. Л. 66). Б. Ф. Адлер подчеркивает, что наиболее интересны для антропологических и этнографических исследований “народы, живущие в Саянских горах, на границе Монголии в Урянханском крае¹⁵¹ и носящие название «сойот»¹⁵²”. На тот момент сойоты не были определены к какой-то определённой группе народов ни по лингвистической, ни по антропологической классификациям: “с одной стороны они родственны монголам-тюркам, с другой стороны финнам. Выяснение этого вопроса год от года становится еще более трудным, т.к. увеличивающиеся сношения с другими народами уничтожает особенности этих уникальных инородцев” (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 79. Л. 66). К этому времени С. А. Теплоухов уже совершал ряд экспедиций по поручению ОЕ и имел опыт проведения полевых работ.

Одной из целей экспедиции предполагался сбор этнографических, антропологических и археологических коллекций. На совершение экспедиции в 1913 г. Б. Ф. Адлер запрашивал выделить 500 рублей – С. А. Теплоухову 400 р. и Я. К. Коксину 100р. (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 79. Л. 66). При чем Б. Ф. Адлер понимал, что запрашиваемая сумма недостаточна для закупки предметов, и предлагал дать С. А. Теплоухову некоторую сумму на эти нужды из личных средств, но с тем условием, что собранный материал поступит в личное распоряжение самого Б. Ф. Адлера. Б. Ф. Адлер подчеркивал, что собранные коллекции большей частью будут пожертвованы в Географический кабинет “в память 25-летия” кафедры географии и этнографии Казанского университета (Годичный отчет... 1914, с. 107). Все дублетные экспонаты Б. Ф. Адлер планировал передать в Гамбургский музей народоведения (Staat Museum fur Volkerkunde), с которым у него были устоявшиеся связи. Совет Общества естествоиспытателей поддержал проект экспедиции и выделил запрошенную сумму (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 79. Л. 68).

С. А. Теплоухов отлично справился с поставленной перед ним задачей, о чем отчитался в своем докладе «Поездка в Урянханский край (Монголия)» на собрании членов ОЕ: “Докладчик, охарактеризовав природу

¹⁵¹ Урянхайский край - русское название Тувы в 1914-1921 гг.

¹⁵² Сойоты - дореволюционный этноним, обозначающий тувинцев и собственно сойотов.

края с демонстрацией некоторых представителей фауны, указал, что холмистые степи Урянхая (на которых ветры сдувают зимою снег) и постепенность в смене степной растительности создали особенно хорошие условия для кочевой жизни и с глубоких времен привлекали в Урянхай разнообразные кочевые племена. ... Изолированные степные котловины Урянхая скрывали кочевников, попавших сюда в разное время. Позднее произошло смешение. И теперь туземцы этого края сойоты не представляют строго выраженный физический тип; они потомки тюркских, монгольских и финских племен... доклад иллюстрировался фотографиями, этнографическими, археологическими и зоологическими коллекциями” (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 81. Л. 11). Также С. А. Теплоухов предоставил сведения об административном управлении, основных занятиях населения, типах жилищ, особенностях традиционного костюма, семейном быту и обычаях и религиозных верованиях сойотов. Свой доклад С. А. Теплоухов сопровождал наглядной иллюстрацией в виде фотографий, этнографических, археологических и зоологических коллекций.

Во время экспедиции С. А. Теплоухов собрал большую этнографическую коллекцию – 178 предметов, характеризующую традиционную культуру сойотов Урянхайского края. Среди предметов можно выделить традиционную мужскую и женскую одежду и аксессуары (головные уборы, халаты, шубы, штаны и кафтаны, украшения и кисеты), бытовую утварь (корыта, ступы, разнообразные сосуды и чаши, ложки и черпаки), предметы для выделки кожи (валики, скребки, палки, ножи и ножницы), мебель (люльки, столики, ящики), музыкальные инструменты (кобыз, скрипка, балалайка), а также отдельные предметы шаманского культа (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 172). Это была комплексная коллекция, раскрывающая бытовые особенности тувинцев начала XIX в.

На следующий год Б. Ф. Адлер выступил на заседании Совета Общества естествоиспытателей с заявлениями отправить в экспедиции на лето 1914 г. уже трех исследователей. Во-первых, С. А. Теплоухова¹⁵³ в

¹⁵³ К этому моменту С. А. Теплоухов уже окончил университет и был оставлен сверхштатным ассистентом при кафедре географии и этнографии Казанского университета; стал членом ОЕ.

район Шигирского озера на Молебский торфяни¹⁵⁴ для археологическо-антропологических исследований с субсидией в 200 р. Во-вторых, двух студентов: Василия Новицкого¹⁵⁵ в Обдорский край (территория низовья р. Оби) для исследований по антропологии самоедов¹⁵⁶ и Василия Подгорбунского¹⁵⁷ в Иркутскую губернию для изучения шаманства среди бурят и сбора этнографических коллекций. Оба студента были уроженцами тех мест, куда были запланированы экспедиции, и оба хотели сделать как можно больше для исследования своего края (Титова и др., 2015, с. 692-694).

Обосновывая выбор кандидатуры В. М. Новицкого и района предстоящей экспедиции, Б. Ф. Адлер отмечает: «Мое желание воспользоваться опытом и знакомством г. Новицкого с местным населением, а также выдающийся интерес, который представляют самоеды в антропологическом отношении, их быстрое вымирание по сравнению с их соседями: остяками, вогулами и зырянами – побуждает меня просить Общество о командировании г. Новицкого в область р. Щучьей с антропометрическими целями. Для выполнения подобной работы г. Новицкий вполне подготовлен» (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 81. Л. 8). К тому же, В. М. Новицкий не в первый раз совершал научную экспедицию в Сибирь: в 1912 г. по поручению Музея народоведения в г. Гамбурге он “предпринял поездку” к казымцам¹⁵⁸ в нижнее течение р. Оби и собрал для этого музея

¹⁵⁴ Территория Урала, современная Свердловская область.

¹⁵⁵ Новицкий Василий Михайлович (1890-после 1945) – географ, этнограф, антрополог. После окончания университета занимает административные должности в Тобольском крае.

¹⁵⁶ Самоеды (самодийцы) - дореволюционный этноним, обозначающий общее название группы народов, говорящих на самодийских языках (ненцы, энцы, нгасаны, селькупы, койбал, карагасови др.) уральской языковой семьи.

¹⁵⁷ Подгорбунский Василий Иннокентьевич (1894-1961) – географ, этнограф. В 1918г. студент Северо-Восточного археологического и этнографического института. Одновременно читал курс этнографии в Казанском народном университете. С 1921 г. в Иркутском университете. В 1951 г. он был репрессирован и отчислен из университета, реабилитирован.

¹⁵⁸ Кызымцы – дореволюционный этноним, обозначающий этнографическую группу эвенков, проживающих по р. Кызым.

большую коллекцию. Результат этой экспедиции В. Н. Новицкий представил в виде дипломной работы (Годичный отчет... 1914, с. 107).

В. И. Подгорбунский тоже был подготовленным студентом, ранее изучавшим археологические памятники в Приангарье (Иркутская область) в качестве экскурсанта от Общества изучения Сибири Казанского университета. Б. Ф. Адлер подчеркивал, что шаманство среди бурят Иркутской губернии отличается от шаманства якутов и тунгусов, и для Кабинета географии и этнографии было бы очень полезным получить предметы, характеризующие шаманство бурят, т.к. «...нет вовсе предметов по бурятскому шаманизму. Нет также среди коллекции и бурятских бытовых предметов. Ввиду этого я считал бы весьма желательным послать для этой цели изучения и сборов этнографических коллекций среди бурят Курумчинской степи студента-натуралиста г. Подгорбунского» (Титова и др., 2015, с. 692-694). По вопросу финансирования, Б. Ф. Адлер заявлял, что нельзя приравнивать всех начинающих исследователей, так как работы ботаника, зоолога “стоят дешевле”, а работа археолога и особенно этнографа “несравненно дороже, так как и раскопки и покупки предметов сопряжены с большими издержками”. Да, Б. Ф. Адлер подтверждал, что В. Подгорбунский действительно “еще молодой исследователь”, но эта экспедиция “чрезвычайно желательна” и при меньшем ассигновании “трудно выполняема” (ГА РТ. Ф. 39. Оп.1. Д. 81. Л. 9)..

В Кабинет географии и этнографии в результате этих экспедиций был доставлен ряд антропологических и этнографических коллекций. Так, В. М. Новицкий собрал в 1912 г. в Березовском уезде Тобольской губернии коллекцию по этнографии низовых остяков (ханты), которая состояла из 47 предметов (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 54). Во время экспедиции В. И. Подгорбунским было собрано “16 бурятских черепов, сделано 36 измерений живых, записаны легенды бурят, собрана коллекция бурятских онгонов¹⁵⁹ и раскопано несколько древних стоянок человека” (Титова и др., 2015, с. 694). Антропологическую коллекцию и коллекцию онгонов он передал в кабинет. По итогам экспедиции и последующей работы с коллекциями, Василий Подгорбун-

¹⁵⁹ Онгон – изображение предка семьи или рода у монгольских и тюркских народов Сибири. Вместилище для духов в шаманизме.

ский подготовил к печати описание кости носорога с вырезанными на ней изображениями, которая “имеет большой научный археологический интерес” (Годичный отчет... 1916, с. 109). Работу с коллекциями он продолжил и в следующем году – разрабатывал свой полевой материал по антропологии бурят и был занят описанием шаманских костюмов и бубнов народов Минусинского уезда.

К сожалению, ни отчет В. М. Новицкого, ни отчет В. И. Подгорбунского не был опубликован, хотя в то время в «Известиях Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете» публиковались краткие отчеты о поездках, а в отдельных оттисках к изданию и сами результаты экспедиций. Но о результатах экспедиции В. М. Новицкого, в отличие от результатов экспедиции В. И. Подгорбунского, нам удалось собрать довольно большой материал. Это обусловлено наличием данных об экспедиции В. М. Новицкого: его рукописный предварительный отчет сохранился в Национальном архиве РТ, имеются музейные описи его коллекций в Этнографическом музее, а также в Протоколах заседания Общества естествоиспытателей за 1915 г. есть сведения о том, что В. М. Новицкий выступил с докладом о своей экспедиции.

В своем неопубликованном отчете В. М. Новицкий описывает природно-географические условия и особенности местности, дает характеристику флоре и фауне, описывает основные занятия и социальную структуру, традиционный костюм и традиционные верования самоедов и остяков, часто проводя сравнительно-сопоставительный анализ элементов культуры обоих народов. Также он рассказывает об организационных сложностях, которые помешали в полном объеме добиться поставленных задач. Он отмечает, что главной целью был сбор антропологического материала, но этому препятствовали объективные причины: «На устойчивый ход работы неблагоприятно отразились два фактора – отсутствие постоянного переводчика, но главным образом, объявление войны. Известие о мобилизации прекратило мою антропологическую работу. Весть о мобилизации дошла до дельты в конце 20 числа июня и русских рабочих- запасных стали сбивать в партии для отправки в Тобольск. Это повышенное настроение отразилось и на самоедах. Но особенно неблагоприятно было шутовое запугивание самоедов русскими рабочими, что и их заберут в солдаты – «для чего де вас и измеряют, а по-

том и, мол, увезут» – говорили рабочие. Уже никакие доводы, увещевания и обещания не могли склонить самоедов подвергнуться измерению. В Пуйко был даже такой случай, что самоед, услышав от рабочих о нашем приезде, сел в лодку и скрывался где-то дня два. Работать при таких условиях было уже не возможно, и я прекратил 9 августа измерения» (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 83. Л. 2-3). Также в своем отчете В. М. Новицкий обозначил еще одну проблему исследователя – незнания языка исследуемого народа: «я считаю не лишним упомянуть для предупреждения будущих одиночных исследователей. Дело в том, что в с. Обдорске, несмотря на все наши энергичные поиски, а также старания, приложенные как со стороны администрации, так и местных купцов, напр. П. Ф. Тележкина, мы не смогли найти переводчика. Часть их была нанята рыбопромышленниками на летние промыслы и уступить последние их не хотели, так как сами оставались бы без переводчиков; часть ушла на Ямал с экспедицией по изучению Сибирской язвы» (ГА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 83. Л. 3-4).

Даже в условиях того, что страна вела военные действия, а в российском обществе стали происходить волнения, за которыми последовала революция, экспедиции продолжались. Сотрудники и студенты кафедры географии и этнографии продолжали совершать научные выезды в Сибирь на средства ОЕ. Последними, кто до революции присоединился к «кружку студентов-этнографов» Б. Ф. Адлера были И. В. Тюшняков¹⁶⁰, Е. А. Голомшток¹⁶¹ и Н. И. Воровьев¹⁶².

¹⁶⁰ Тюшняков Иннокентий Васильевич (1894–1921) – географ, этнограф; профессионально занимался фотографией. Активно участвовал в работе кафедры географии и этнографии, научных обществах при Казанском университете. Трагически погиб в 1921 г. в возрасте 26 лет от угара в фотографической комнате Географического кабинета.

¹⁶¹ Голомшток Евгений (Хаим-Хацкель) Александрович (1897–не ранее 1925) – географ, этнограф. в 1916 г. был призван на военную службу в Царицынский студенческий батальон. В 1918-1919 гг. эмигрировал в США. Работал в Музее антропологии и археологии Пенсильванского университета.

¹⁶² Воровьев Николай Иосифович (1894–1967) – географ, этнограф. В 1918 г. после окончания с отличием Казанского университета Воровьев был оставлен при кафедре географии и этнографии в качестве профессорского стипендиата

В 1916 г. в Этнографический музей были доставлены две коллекции студентом Иннокентием Тюшняковым по енисейским осякам (кетам). Он был командирован вместе со студентом Николаем Воробьевым в 1915 г. на средства Общества естествоиспытателей при Казанском университете в бассейн реки Енисея (в окрестностях г. Красноярска) для исследования фауны. Эта экспедиция не предполагала сбор этнографических коллекций, но в собрании Этнографического музея имеются несколько коллекций, в описях которых значится именно этот год и то, что они были собраны И. В. Тюшняковым на средства ОЕ (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 122, Д. 123). Вещественные коллекции были довольно большие (141 и 71 предмет) и раскрывали все стороны материальной и духовной жизни енисейских осяков – одежда, бытовые, промысловые и культовые предметы. Вместе с ними И. В. Тюшняков передал и коллекцию своих экспедиционных фотографий. Он активно участвовал в работе кафедры, ОЕ и ОАИЭ, но трагическая гибель в возрасте 26 лет от угара в фотографической комнате кабинета географии и этнографии прервала научное восхождение этого молодого ученого. Опубликованные работы и перечень рукописей, упомянутый Б. Ф. Адлером в некрологе И. Тюшнякова, показывает широкий спектр интересов и готовность заниматься различными проблемами: «Писанцы р. Мани», «Енисейцы», «Озеро Боганида», «Географический музей», «П. Кропоткин как географ», «Н. М. Ядринцев» (Вятчина, 2015). К сожалению, тексты пока считаются утерянными.

В 1916 г. студенты Николай Воробьев и Евгений Голомшток на средства ОЕ были отправлены в Уссурийский край (южная часть Дальнего Востока) для проведения зоологических, антропологических и этнологических работ (Титова и др., 2015, с. 696). В ходе этой поездки они собрали и доставили в Этнографический музей 111 предметов по уссу-

с зачислением на должность ассистента. Он был единственным из учеников Б. Ф. Адлера, кто остался здесь и продолжил заниматься этнографией. В 1923-1934 гг. директор Государственного музея ТАССР. В 1934-1945 гг. декан географического факультета Казанского педагогического института; с 1945г. заведующий сектором археологии и этнографии ИЯЛИ АН СССР. Параллельно являлся с 1935 г. профессором кафедры физической географии Казанского университета.

рийским гольдам (нанайцам) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 150). Коллекция состояла из предметов одежды (в том числе выполненных их рыбьей кожи), украшений и аксессуаров, атрибутов шаманского культа (передник, бубен, колотушка, рога, идолы, зеркала), предметов охоты и бытовой утвари. Примечательно, что в том же году от уже окончившего обучение студента И. А. Лопатина в дар Кабинету географии и этнографии была передана коллекция по уссурийским гольдам (51 предмет) (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 113). В то время И. А. Лопатин уже работал в Дальневосточном университете и занимался изучением нанайцев. Можно предположить, что именно через Н. И. Воробьева и Е. А. Голомштока он передал свою коллекцию в кабинет и вероятно помогал им на Дальнем Востоке во время их экспедиции. Также на этой территории Н. И. Воробьев и Е. А. Голомшток собрали небольшую коллекцию по традиционным промыслам корейцев (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 202).

Таким образом, экспедиции являлись основной формой сбора материалов в этнографических научных исследованиях. В общей сложности, за 1912-1916 гг. в результате научных экспедиций этнографическое собрание Кабинета географии и этнографии увеличилось более чем на одну тысячу предметов. В процессе комплектования фондов новыми коллекциями можно выделить также три направления: Сибирь, Поволжье и мир (в основном Европа, практически не представленная до этого в этнографическом собрании Казанского университета). Большую роль в развитии этнографии продолжали играть научные общества Казанского университета: ОАИЭ по-прежнему оставалось координационным центром изучения Поволжья, в то время как ОЕ способствовало комплексному антрополого-этнографическому изучению народов Сибири.

К экспедиционной работе Б. Ф. Адлер активно привлекал студентов, специализирующихся на кафедре географии и этнографии, или входивших в кружок по изучению Сибири. Суммы, выделяемые на совершение экспедиций университетом, были явно незначительны. Поэтому Б. Ф. Адлер привлекал дополнительных «инвесторов» - научные общества (ОЕ и ОАИЭ, музеи и организации Европы). Экспедиции студентов проходили по территории Российской империи: в европейской части и в Сибири. Большую часть экспедиционных коллекций составляли пред-

меты традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока, до этого практически не представленные в собрании Казанского университета. Студенты, получившие прекрасное комплексное образование, имеющие практические навыки и колоссальный опыт полевых исследований, внесли весомый вклад в развитие этнографии в Казанском университете и накопление великолепного собрания Кабинета географии и этнографии.

3.3. Предпосылки и процесс объединения этнографических коллекций Императорского Казанского университета: Этнографический музей

В начале XX в. было принято новое положение, в соответствии с которым в учебном плане университетов большее внимание предписывалось уделять именно практическим занятиям студентов, базой для которых служили и коллекции музеев и кабинетов (Бурлыкина, 2012, с.88). Следовательно, данные структурные подразделения университета должны были максимально активизировать свою учебную функцию. Но большая часть этнографического собрания Казанского университета представляла собой «случайные» разрозненные коллекции, не систематизированные и не описанные. Не было планомерной концепции развития и научного пополнения этнографического собрания. Конечно, ученые, заведовавшие этнографическими собраниями Казанского университета, пытались придать музеям какое-то научное направление (востоковедение, краеведение), бурно развивавшееся в первые годы «инициации» и постепенно сходявшего на убыль. Процесс формирования и развития этнографических музеев сталкивался с несколькими трудностями – отсутствие планового финансирования, нехватка помещений и оборудования, отсутствие ставок, а самое главное – квалифицированных специалистов этнографов. Это было характерно для большинства провинциальных музеев.

Из всех форм музейной деятельности, этнографические музеи Казанского университета (Музей отечествоведения и музей ОАИЭ) успешнее всего развивали выставочную деятельность. Этнографические кол-

лекции Казанского университета принимали участие практические во всех научных и научно-промышленных выставках г. Казани, открывали свои двери для посетителей на праздники и организовывали выставки в самом университете. Например, археологические и этнографические коллекции музеев отечествоведения и ОАИЭ были выставлены на Казанской научно-промышленной выставке с 15 мая по 15 сентября 1890 г. Эта выставка стала большим событием в культурной и научной жизни Волго-Уральского региона. Историко-этнографический отдел выставки описал И. Н. Смирнов (Смирнов, 1890). Для организации выставки специально были приобретены многие этнографические коллекции, которые позже были переданы в Городской музей (Назипова, 2008, с.173). Министерство Народного просвещения обращалось к кабинетам и музеям Казанского университета с просьбой «открыть свои двери» для посетителей на время проведения Казанской научно-практической выставки. Но практически все учебные музеи, в том числе и Географический кабинет под руководством П. И. Кротова, отказались, т.к. кабинеты служили местом занятий, а летом все руководители и персонал кабинетов выезжал в экспедиции (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1202. Л. 1-2). Можно отметить, что часто самоцелью выставок был простой показ музейных предметов. Явления материальной, духовной и социо-нормативной жизни разных обществ, отражающиеся в памятниках культуры, не раскрывались в полной мере. Но в научном мире конца XIX – начала XX вв. понимали, что наука не может ограничиться простым описанием, а в музей – простой демонстрацией (Разгон, 1961, с. 242).

К началу XX в. этнографические коллекции в Казанском университете собирались в трех подразделениях: Музеи отечествоведения, Музеи Общества археологии, истории и этнографии и Географическом кабинете. Этнографическое собрание этих музеев было разным, как различались задачи музеев и условия, в которых они находились. Существование в Казанском университете сразу нескольких подведомственных музеев со схожими коллекциями было не выгодно. Во-первых, на пополнение музеев необходимыми коллекциями отводилась ограниченная сумма денег; во-вторых, практически все музеи страдали от нехватки помещений, в которых должным образом могли бы разместиться коллекции. И в Музее отечествоведения, и в Географическом кабинете, бес-

спорно, находились интереснейшие и богатые этнографические коллекции. Однако, в коллекциях Музея отечествоведения, как результат его оригинальной истории, заключался разнообразный, но довольно случайный материал по археологии, русской истории, этнографии общей и отечественной. Коллекции нуждались в научной обработке. Не было планомерности в работе и росте этого музея. Отсутствие специальных средств на собрание, недостаток помещения и рабочих сил мешали выполнить программу Музея отечествоведения. Во время заведования музеем Н. А. Фирсова, поднимался вопрос о целесообразности музея, т.к. большинство его коллекций относилось к народам Востока, Австралии и Океании, Америки. В 1907 г. его следующим заведующим Д. А. Корсаковым было решено передать из Музея отечествоведения китайские, среднеазиатские и другие этнографические коллекции в Кабинет географии. Но по разным причинам эта передача затормозилась и фактически не состоялась до 1913 г. (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 12).

Часть этнографических коллекций ОАИЭ, из-за нехватки помещений для их экспонирования, также хранилась в Музее отечествоведения. Причем, последний сам долгое время испытывал затруднения из-за отсутствия подходящих помещений. В 1900 г. в помещении музея был проведен «косметический» ремонт (окраска полов, стен и потолка), а также переделан проход из аудиторного коридора в помещение музея. Во время ремонта «все имущество библиотеки ... и часть коллекций» пришлось разобрать и перенести в аудиторию. Д. А. Корсаков отмечал, в тесных помещениях музея Отечествоведения не целесообразно размещать коллекции после ремонта, т.к. недостаточно места даже для библиотеки (Отчет о состоянии... 1901, с. 30). Он заказал новые шкафы для книг и коллекций, «главным образом относящихся к быту Поволжских инородцев» (Отчет о состоянии... 1902, с. 32). В частности, для хранения предметов одежды был заказан большой комод «из березового дерева» с 64-мя «выдвижными ящиками с никелированными скобками и 8-мью запирающимися замками створками» за 210 руб. (Отчет о состоянии... 1903, с. 34).

Но вскоре Музею отечествоведения пришлось вновь собирать свои экспонаты, т.к. в университете начался ремонт главного корпуса, и переезжать в здание студенческого общежития на Арском поле. В 1906 г. Му-

зей отечествоведения должен был вернуться обратно в свои помещения. Но переезд пришлось отложить еще на год, т.к. помещение не было готово (Отчет о состоянии... 1901, с. 28). После возвращения многие коллекции находились в “сложенном виде” из-за нерешенности вопроса распределения помещений. Окончательный переезд коллекций музея стал возможным только в 1910 г., когда из предназначенных музею помещений выехал временно размещенный там Зоологический кабинет (Отчет о состоянии... 1910, с. 52). Сложно представить, что происходило в этот момент с коллекциями и какой урон им был нанесен такими переездами.

Для размещения коллекций в 1910 г. были выделены “большая зала”, в которой до этого помещалась аудитория, и “меньшая зала”, в которой до мая 1910 г. находилась библиотека музея, а также небольшая комната, примыкающая к актовому залу¹⁶³. В этих помещениях был сделан ремонт. Осенью были размещены витрины и расставлены шкафы для костюмов. Но «раскладка» самих коллекций Музея отечествоведения все еще задерживалась. Во-первых, это можно объяснить тем, что в помещениях музея была очень низкая температура в зимнее время. Во-вторых, выяснилось, что в большой зале будет продолжаться ремонт – будут установлены хоры. Устройство же хор, вновь потребует разборки шкафов и перенос коллекций временно на другое место (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11850. Л. 72). К тому же Д. А. Корсаков, как мы отмечали ранее, ставил вопрос о том, насколько все этнографические коллекции музея отвечают нуждам кафедры русской истории; отмечал, что нужен музей, раскрывающий историю и культуры именно северо-востока Российской империи.

Коллекции ОАИЭ находились в еще более тяжелом положении. Острая нехватка площадей для экспонирования собрания общества при-

¹⁶³ “Большая зала”, она же “фисташковая комната”, – это зал, в котором ныне размещается экспозиция Этнографического музея «Этнография народов мира» (к.238 главного здания КФУ); “малая”, она же “оливковая комната”, – зал экспозиции «Этнография народов Поволжья» (к.237 главного здания КФУ) и первый зал музея (выставочное пространство) (к.234 главного здания КФУ), которые имеют сделанное во второй половине XX в. разграничение в виде стены с дверью; “небольшая комната” – это лекторий Этнографического музея.

вела к тому, что большая часть коллекций была разделена и передана на временное хранение в профильные музеи университета. Постоянное участие экспонатов музея в выставках, частое перемещение и переезд (ОАИЭ также переезжало во время ремонта из главного здания университета), отсутствие должного оборудования для хранения крайне отрицательно сказывались на сохранности этнографических предметов. Ситуация с коллекциями ОАИЭ доходила до абсурда: П. И. Кротов просил освободить его от должности директора музея ОАИЭ, т. к. в 1908 г. музей по требованию профессора Д. Н. Зейлигера был перенесен “в другое, ему не известное помещение” (Протоколы общих... 1909, с. 7). Правление ОАИЭ уговорили П. И. Кротова “взять на себя труды быть директором музея” и временно перенести часть коллекций ОАИЭ в Кабинет географии (Протоколы общих... 1909, с. 15).

Поэтому П. И. Кротов поставил вопрос о самом существовании музея. Он отмечал, что сохранить уникальные коллекции музея можно только передав их соответствующим музеям университета. Это вопрос вызвал оживленную дискуссию среди членов ОАИЭ. Например, Н. Ф. Высоцкий “разделяя опасения” П. И. Кротова, “выразил пожелание, чтобы при такой передаче коллекции Общества не были разделены и продолжали считаться его собственностью”. В то время как Н. М. Петровский выступал за передачу коллекций ОАИЭ не университетским музеям, которые тоже испытывали определенные трудности, а Городскому музею (Протоколы общих... 1908, с. 3). Но Совет Казанского городского музея временно отказал обществу в приеме коллекций в виду аналогичной ситуации с помещениями (Назипова, 2004, с. 231). Поэтому часть коллекции ОАИЭ продолжали находиться в подвале студенческого общежития. При этом часть этнографических коллекций хранилась в Музее отечествоведения также в свернутом виде, а часть коллекций была передана на хранение П. И. Кротову в Кабинет географии (коллекция по осякам С. К. Кузнецова, предметы древностей Болгара).

Когда Б. Ф. Адлер первый раз посетив г. Казань познакомился с археологическими и этнографическими коллекциями Казанского университета, они произвели на него двойное впечатление. С одной стороны это были весьма ценные собрания по антропологии, археологии и этнографии. С другой стороны, те условия, в которых они находились, вызы-

вали возмущение специалистов. При вступлении проф. Б. Ф. Адлера на должность заведующего географическим Кабинетом, проф. П. И. Кротов указал ему, что он имеет право на получение для Кабинета географии этнографических предметов из Музея отечествоведения, т.к. вопрос об этом поднимался на Совете университета, и даже было принято положительное решение по этому вопросу. Б. Ф. Адлер перенес с устного разрешения директора Музея отечествоведения Д. А. Корсакова часть этнографических и археологических экспонатов (шаманский костюм, первобытную археологию) (Гущина, 2011, с. 235). Но, когда в Правление университета поступило извещение хранителя П. В. Траубенберга о передаче вещей Географическому кабинету, в.и.д. декана историко-филологического факультета Д. И. Нагуевский указал на незаконность этого переноса коллекций, т.к. эта передача не прошла через историко-филологический факультет, и потребовал её пересмотра (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 12).

Б. Ф. Адлер отмечал, что “время кабинетов и “редкостей” и “Кунсткамер” миновало, так как наука требует от “редкостей” и “раритетов” более научного облика”, в то время как Музей отечествоведения так и “не вышел из стадии “Кунсткамеры”” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д.2186. Л. 13). Коллекции Музея отечествоведения, как справедливо высказывался Б. Ф. Адлер, носят случайный характер и не соответствуют цели музея: “наряду с моделями памятных зданий Казани и т.п. в музее есть случайные прекрасные отдельные предметы из Океании, Китая, Африки, Америки и т.д. Случайный (для музея) характер имеют целые по настоящему прекрасные коллекции по Персии и Средней Азии” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д.2186. Л. 13). А составляющие большинство в этнографическом собрании Музея отечествоведения такие предметы как “одеяния финских инородцев Поволжья” также являются малопригодными для научного использования, т.к. у них отсутствуют какие-либо учетные сведения. Б. Ф. Адлер пытался систематизировать эту коллекцию. При этом, не являясь специалистом по этнографии финно-угорских народов, он привлекал компетентных в этом вопросе “образованных инородцев”. Но удалось лишь “с приблизительной достоверностью” определить народ, “чего конечно мало для научных коллекций” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д.2186. Л. 13).

О том, какой музей по истории человеческой культуры мечтал создать Б. Ф. Адлер в г. Казани можно судить по его более поздним работам об этнографическом музее в г. Москве (Адлер, 1920, с. 465-493) и о значении музейного инвентаря (Адлер, 1920б, с. 14-15). В духе немецкой школы этнологии и музееведения Б. Ф. Адлер предполагал создание музея для идеальной цели – понимания и познания «самого себя». Кафедра географии и этнографии, Географический кабинет, этнографический музей, научные общества – только все это в совокупности могло двигать науку вперед. Только такая комплексная структура сможет в полной мере реализовывать научно-исследовательскую, учебно-преподавательскую и культурно-просветительскую функции на достойном уровне. Музей в этом контексте должен быть своеобразной лабораторией и школой. Именно на основе организаторской работы по кафедре географии и этнографии и этнографического музея, Б. Ф. Адлер разовьет идеи структурного оформления профессиональной этнографии (в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в г. Казани, затем проекты Антрополого-Этнографического института и Всероссийского этнографического музея в г. Москве).

Поэтому, Б. Ф. Адлер уже с первых дней работы в Казанском Императорском университете настойчиво предлагал объединить весь этнографический материал музеев университета, а также антропологические и археологические коллекции; создать на базе Кабинета географии профильные, научные, комплексные музеи. Кабинет географии был отличной платформой для объединения этнографических коллекций, т.к. в нем было сформировано довольно хорошее комплексное собрание по этнографии народов мира, и при Б. Ф. Адлере стало формироваться научное собрание по народам Поволжья и Сибири. В университете отсутствовал специалист по музейному делу, кроме Б. Ф. Адлера. Объединенные коллекции должны были находиться в заведывании профессора кафедры географии и этнографии на естественном факультете, т.к. такая кафедра отсутствовала на историческом отделении (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 9-10).

ОАИЭ достаточно быстро согласилось передать свои коллекции по археологии и этнографии Б. Ф. Адлеру. По рассмотрению вопроса о передаче этнографических коллекций Музея отечествоведения в Кабинет

географии и для определения дальнейшей судьбы Музея отечествоведения Д. А. Корсаков предложил создать специальную Комиссию. Председателем Комиссии был избран Д. А. Корсаков, членами были избраны Н. Ф. Катанов, Н. Н. Фирсов, Б. Ф. Адлер, П. В. Траубенберг (Гущина, 2011, с. 235). Эта комиссия не формировалась больше года, начав свою работу только с марта 1913 г., поэтому процесс объединения этнографического собрания университета затянулся. Больше всего споров и разногласий возникло при обсуждении вопроса о помещении. Б. Ф. Адлер предлагал поместить объединенные коллекции в отремонтированной в марте 1912 г. большой «фисташковой»¹⁶⁴ зале с хорами, предназначавшейся для Музея отечествоведения. Помимо этнографического собрания, среди предметов Музея отечествоведения имелась большая коллекция по русской истории, и Б. Ф. Адлер предполагал, что она могла быть выделена в самостоятельный учебный музей при кафедре русской истории, к этому собранию Б. Ф. Адлер предлагал присоединить кольчуги и секиры из Географического кабинета. Помещением для этого исторического музея по мнению Б. Ф. Адлера могла служить оливковая зала, которая находилась рядом с помещением с хорами. Она была меньшего размера, но и коллекций по русской истории было значительно меньше. По плану Б. Ф. Адлера, музеи должны быть открыты для публики, и соседство двух музеев будет очень удобным и целесообразным: «публика могла бы легко и удобно обозреть оба музея в их непосредственной связи» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. Л. 15). Таким образом, по задумке Б. Ф. Адлера музейное пространство Кабинета географии должно было занимать два этажа. На втором этаже западного крыла главного университетского корпуса в фисташковой комнате, должны быть размещены этнографические коллекции. На третьем этаже, где находился Географический кабинет, должны быть представлены археологические и антропологические коллекции из собрания ОАИЭ и самого кабинета.

Д. А. Корсаков не хотел уступать помещение оливковой комнаты, т.к. предполагал рост музейного и библиотечного собрания по русской

¹⁶⁴ «Фисташковый зал» и «оливковый зал» (или как еще встречается в источниках – зала) получили свое названия по цвету стен, в который они были окрашены.

истории. Также он хотел оставить некоторое оборудование, находившееся в зале с хорами и не подлежащее переносу, в собственности за Музеем отечествоведения. В частности, новый “громоздкий” стол, “предназначенный для хранения вышивок, в котором при реорганизации Музея могли бы быть размещены гравюры, карты и планы” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. Л. 20). Д. А. Корсаков также опасался, что со временем могут «испортиться» отношения между факультетами, и тогда коллекции станут недоступными для историко-филологического факультета. Он предлагал на все предметы из Музея отечествоведения поместить специальные ярлыки с указанием ведомственной принадлежности экспонатов (Гущина, 2011, с.236). Б. Ф. Адлер, в свою очередь, подтверждал, что все предметы будут считаться собственностью передавших их структур: все коллекции должны быть снабжены этикетками, указывающими на принадлежность Музею отечествоведения или музею ОАИЭ. Все члены комиссии единогласно были за сохранение права собственности на экспонаты за музеями, передававшими их в объединенный Этнографический музей.

Д. А. Корсаков и Н. М. Петровский предложили произвести предварительное “распределение коллекций”, чтобы наглядно представить, как будет выглядеть музей. М. М. Хвостов и Н. М. Петровский, поддерживали план “распределения коллекций”, предложенный Б. Ф. Адлером, по которому это “распределение” коллекций должно быть окончательным, без предварительных «смотрин» и долгих согласований (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. Л. 20).

По итогам своей работы, Комиссия пришла к следующим выводам:

“Предметы по этнографии Китая, Тибета, Монголии, Бухары, Хивы, Персии, а также инородцев Сибири, населения Северной Америки, дикарей Океании, Африки, принадлежности ламайского богослужения передать, согласно постановлению Совета университета 30 мая 1907 г. и 21 января 1908 г. в кабинет географический, находившийся в заведовании проф. Адлера.

Предметы по этнографии инородцев Поволжья и Прикамья, небольшую коллекцию болгарских и билярских древностей, предметы по первобытной археологии передать в Кабинет географии с тем, что бы они вошли в состав этнографического музея вместе с богатыми коллек-

циями по этнографии коими располагает Кабинет географии. Сюда же присоединятся коллекции вышивок и фотографий. К этому же этнографическому музею должны быть присоединены археологическая и этнографическая коллекции ОАИЭ, хранящиеся в Музее отечествоведения.

Вещам Музея Отечествоведения, обозначенным в этом п.2, должна быть составлена особая опись, а на вещах ярлыки с соответствующей надписью о принадлежности этих коллекций Музею Отечествоведения.

Помещения для коллекций п. 1 и 2, а также всех этнографических коллекций Кабинета географии, д. служить большая зала с хорами и шкафами на них, принадлежащая Музею Отечествоведения. Хоры этого зала передаются географическому кабинету на время, пока Музей Отечествоведения и библиотека обеспечены помещением.

Устроенный таким образом проф. Адлером музей должен быть доступен для пользования в целях как на естественном, так и на историко-филологическом факультетах.

Предметы по русской истории (оружие, утварь, портеры и пр.), вообще все, относящееся к русской истории, оставаясь всецело в Музее Отечествоведения, располагаются в средней из комнат Музея (стены фиштаккового цвета) и в зале с хорами, по стенам под хорами и по наружной стене залы и будут собственно Музеем Отечествоведения. К этому же отделу присоединяется русские исторические коллекции, имеющиеся в географическом кабинете.

Музеи (по этнографии и отечествоведению) должны быть открыты для публики.

Библиотека при Музее Отечествоведения остается неприкосновенной...” (Гущина, 2011, с. 236-237).

Комиссия подчеркивала, что объединенные коллекции должны быть доступны для осмотра и работы профессорско-преподавательскому составу и студентам как “на естественном, так и на историко-филологическом факультетах”. А сами музеи должны быть доступны для публики (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 6-7).

По итогам обсуждения решений Комиссии на историко-филологическом факультете единогласно постановили утвердить все пункты, а по вопросу распределения помещений и коллекций принять предложение Б. Ф. Адлера. Но добавлялось, что все предметы исторического харак-

тера могут быть фактически размещены в фисташковой комнате, и “что 22 мая должно быть произведено пробное размещение их, чтобы престарелый директор Музея Отечества, в скором времени оставляющий службу в университете, мог лично собственными очами убедиться в возможности предложенного размещения” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 13).

Наступил новый этап в истории этнографического собрания и этнографии в Императорском Казанском университете. В результате объединения этнографических коллекций трех музеев – Музея отечествоведения, Кабинета географии и музея Общества археологии, истории и этнографии, в 1913 г. в Императорском Казанском университете создается Этнографический музей. Коллекции объединённого музея в полной степени отражали быт и культуру как народов Поволжья и России, так и многих других стран в целом. Эти коллекции дополняли друг друга, делая новый музей действительно одним из самых значимых и уникальных университетских музеев России на тот период (Гущина, 2011, с.236).

Но фактически процесс объединения коллекций и организации музея затянулся. Только в начале 1914 г. Министерство народного просвещения официально утвердило реорганизацию музеев и тем самым разрешило передать из Музея отечествоведения в Географический кабинет предметы по этнографии и собрание вышивок, а также коллекции ОАИЭ. В то же время, министерство «узаконило» передачу исторических коллекций из Кабинета географии в Музей отечествоведения (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2341. Л. 4). При этом, по вопросу открытия музеев для публики министерство подчеркивало, что осмотр коллекций частными лицами должен проходить в свободное от занятий время и при заведующем музеем или одним из его помощников.

Поскольку передача коллекций Музея отечествоведения откладывалась, Б. Ф. Адлер начал предварительные работы по регистрации предметов (составление описей). Еще в 1911 г. на этнографические коллекции, которые хранились в витринах в Музее отечествоведения и должны были перейти в Географический кабинет, Б. Ф. Адлер составил учетную краткую опись. В таких описях значилось название коллекции, номер витрины и список находившихся в них экспонатов с учетными номерами. Но неописанными оставались многочисленные сундуки и коробки с экс-

понатами. Такое промедление негативно сказывалось на состоянии предметов. Б. Ф. Адлер отмечал, что в собрании Музея отечествоведения есть уникальные предметы, которые “и по рыночной цене оцениваются в несколько сот рублей каждый (наприм. камлейки алеутов, китайский древний лак», но находятся они длительное время в “смятом виде”” (Годичный отчет, 1914, с. 110). Значительно быстрее обстояло дело с организацией Археологического музея при кабинете: ОАИЭ быстро передало свои коллекции по бронзовому и железному веку Б. Ф. Адлеру для устройства в археологическом музее Кабинета географии. Отмечалось, что вместе с коллекциями по каменному веку из собрания Кабинета географии этнографии это собрание составит “первоклассный музей по археологии, равного которому ни в одном Университете в России до сих пор нет” (Годичный отчет, 1914, с.109). Археологический отдел (музей) кабинета Б. Ф. Адлеру помогали приводить в порядок С. Н. Лаптев и С. М. Присадский, который “при каждой наиболее важной и значительной коллекции дал специальные карточки и надписи” (Годичный отчет, 1914, с. 110).

Остро стоял вопрос о выделении дополнительной штатной единицы лаборанта. Увеличение числа пособий (коллекций, приборов), библиотеки, да и самих студентов, специализирующихся по кафедре, требовало дополнительных ресурсов. Проблема увеличения штата учебно-вспомогательного персонала была насущной для всех университетов России в целом. Министерство народного просвещения понимало эту проблему и пыталось найти приемлемые пути решения: “...благодаря громадному прогрессу человеческой мысли XIX столетия – во всех областях знания способы научного исследования и преподавания стали требовать таких новых приемов и специальных приспособлений, что все штатные назначения как в отношении размеров окладов содержания, так и в размерах ассигнований на учебную часть, на нужды кабинетов, лабораторий, музеев и т. д. оказались совершенно несоответствующими современным условиям жизни и требованиям научного преподавания” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2285. Л. 2). На основании собранных во всех университетах данных о количестве учебно-вспомогательных учреждений и персонала при них, министерство практически в три раза увеличило штат. Причем отмечалось, что с увеличением студентов и развитием учебно-вспомогательных учреждений университеты будут иметь полную возможность

расширять число сверхштатных должностей, т.к. с утверждением нового штатного расписания “специальные средства” освободятся от значительной части “лежащих на них теперь расходов, вызываемых устарелостью действующих штатов” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2285. Л. 7).

В 1914 г. на кафедре географии и этнографии была учреждена дополнительная должность лаборанта без содержания. На эту должность Б. Ф. Адлер рекомендовал С. Н. Лаптева. Несмотря на то, что должность не предполагала никакой оплаты, С. Н. Лаптев “неутомимый, бескорыстно несущий трудное дело лаборантства и занятий со студентами, совершенно бесплатно в течении трех лет” усердно выполнял большой круг обязанностей (Годичный отчет... 1916, с. 111). Кроме того, С. Н. Лаптев состоял сотрудником Нового энциклопедического словаря Брокгаузена-Ефрона, энциклопедического издательства Гранат и К; читал доклады в Педагогическом обществе при Казанском университете (Годичный отчет... 1915, с. 100).

Помимо двух лаборантов, на кафедре географии и этнографии работал “служитель” – Гали Хисамутдинов, который проработал на кафедре с момента ее основания и до своей кончины в 1920 г. (ГА РТ. Ф. Р1337. Оп. 1. Д. 38. Л. 1). С конца 1915 г. была назначена вторая должность служителя, т.к. одному человеку выполнять эту работу в помещении в два этажа было просто невозможно (Годичный отчет... 1916, с. 107).

Самой большой помехой в организации запланированных работ стало отсутствие достаточных средств. В отчете за 1913 г. Б. Ф. Адлер пишет в отчете, что переустройство кабинета все еще продолжается, но из-за отсутствия необходимого финансирования, идет очень медленными темпами. При этом сам Б. Ф. Адлер “затратил для этой цели до 2000 руб. личных средств” (Годичный отчет... 1914, с. 109). На все отделы Кабинета географии и этнографии выделялось 1500 руб. в год, а на реорганизацию кабинета и переезд части коллекций в помещения с хорами было дополнительно выделено только 300 руб. Поэтому Б. Ф. Адлер старался привлекать дополнительные средства. Например, для переоборудования шкафов ОАИЭ, в которых планировалось выставить предметы по археологии Болгара, Б. Ф. Адлеру были выделены 300 руб. из Болгарского фонда ОАИЭ (Протоколы общих... 1915, с. 19). Для окончательного оборудования Кабинета географии мебелью (шкафами, витринами, стола-

ми) Б. Ф. Адлер запросил выделить физико-математический факультет 750 руб. из специальных средств факультета (которые выделялись в размере 2250 руб. в год на покупку специального оборудования). Эти средства оставались “нетронутыми”, т. к. большинство кафедр не могло выписать необходимые зарубежные учебно-методические пособия и коллекции. Кафедра же географии в этом отношении находилась в “иных условиях” потому, что почти все необходимое “она может получить в самой России” (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2495. Л. 2). Также через Совет университета Б. Ф. Адлер отправил прошение Министерству народного просвещения с просьбой выделить 10000 руб. на оборудование музеев кабинета. Прошения Б. Ф. Адлера удовлетворили, но из-за начала Первой мировой войны деньги, ассигнованные министерством, не были перечислены. Выделенные обществом и факультетом суммы были все равно недостаточными. Дальнейшие социально-политические события в России привели к инфляции, и ассигнованные суммы не могли покрыть всех расходов. Как отмечал Б. Ф. Адлер, “в настоящее время такая сумма уже недостаточна” и для полной монтировки коллекций необходимо теперь ассигновать не менее 40000р. Ежегодно выделяемая на Кабинета географии и этнографии сумма должна быть увеличена до 7500 руб. (вместо получаемых 1500 р.) (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2579. Л. 61). В это время фактически прекратилось техническое переустройство Этнографического музея. Виду военного времени столяры были призваны в армию, в городе практически невозможно было достать картон, бумагу и другие материалы для составления и оформления экспозиции.

Даже сталкиваясь с существенными финансовыми сложностями, активная научная работа по созданию музеев Кабинета географии и этнографии продолжалась. Бурная деятельность Б. Ф. Адлера по организации научно-исследовательского и учебно-методического пространства кабинета в виде профильных научных музеев не осталась незамеченной в российской научной сфере. Например, из писем краеведа А. С. Лебедева финскому археологу А. М. Тальгрёну мы видим, что события, происходившие на кафедре географии и этнографии, вызвали большой интерес и поддержку научного сообщества: «Из разговоров с Вами и другими моими знакомыми в Финляндии я заметил, что все вы интересуетесь Казанью, и вам хочется видеть в Казани центр

работ по изучению в России финских народностей. Конечно, здраво рассуждая, Казань же обязательно давно должна быть пиковым центром... Сейчас можно сказать, что в этом направлении сделана серьезная попытка. Об этих попытках я и скажу Вам несколько слов. С осени 1911 года кафедре географии при Каз(анском) Унив(ерситете) занял молодой ученый Б. Ф. Адлер. Он раньше работал в Петерб(ургском) музее по этнографии и первобытн(ым) древн(остям). Вот этот-то человек и сделал попытки создать в Казани центр. Он прежде всего обратил внимание на объединение всех археол(огических) и этногр(афических) коллекций... Объединены ныне и этнографические коллекции... Устраивают 2 музея: археолог(ический) и этнографический. Сильно пополнилась библи(отека) Географ(ического) кабинета за время пребывания в Казани г-на Адлера. Организуется и антропологический музей. Чудно оборудована аудитория кабинета. Работа г-на Адлера заинтересовала и молодежь. Находятся хорошие работники, желающие работать при его кабинете и под его руководством. Даже П. А. Пономарев, уже давно не работавший в Археолог(ическом) Об(щест)ве, теперь оживился и работал у Адлера по приведению в порядок собранных им (Пономаревым) коллекций» (Цит. по: Надо торопиться... 2008, с. 180-181).

В этот период в Кабинете географии и этнографии активизировались все направления музейной деятельности. Прежде всего, на качественно новый уровень была поднята учетно-хранительская работа. На протяжении всего XIX в. велся учет экспонатов, но не как музейного предмета, а как имущества университета. Сведения записывались отрывочные, а иногда не записывались вовсе; все разнопрофильные предметы кабинетов/музеев записывались в один общий журнал. При структурной реорганизации коллекций предыдущие учетные документы не сохранялись. Ненадлежащие условия учета и хранения способствовали утрате ценных экспонатов. Например, из всего собрания Кабинета редкостей накопленного к началу 30-х гг. XIX в., к началу XX в. сохранились только две коллекции – по народам Океании И. М. Симонова и предметы одежды тунгусов, которую собрал А. М. Корсаков и доставил в Казанский университет П. А. Солнцев. Причем, последняя не была атрибутирована, и в описях записана просто как “переданная из Музея отечествоведения”, т.к. никаких учетных записей на нее не было. Нам

удалось установить, что хранящаяся в настоящее время в собрании Этнографического музея Казанского университета коллекция, зарегистрированная под номером 151 и обозначенная в описи как “Тунгусы неизвестного происхождения из музея Отечестваведения” является именно этой коллекцией (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Австралия и Океания. Д. 160).

Б. Ф. Адлер составил отдельные описи этнографических коллекций и предметов Музея отечествоведения и Музея ОАИЭ, а также сводные инвентарные описи. Этнографические коллекции самого Кабинета географии и этнографии уже имели описи и учетные номера. Причем, из сохранившейся описи этнографического собрания ОАИЭ видно, что некоторые коллекции были утеряны. Инвентарные номера ОАИЭ присваивало всем экспонатам по порядку, не разделяя на коллекции или профильные группы; описи не составлялись, была просто «книга поступлений». Б. Ф. Адлер составил “сводный лист инвентарной описи Этнографического музея ОАИЭ”, который представлял собой таблицу с несколькими графами: “№нового инвентаря”, “№№старого инвентаря”, “Народность или местность” и “Число предметов”. Новый инвентарный номер был номером коллекции. Предполагалось, что будет 60 таких описей, но в таблице вписаны с указанием количества экспонатов только 37 коллекций вместе составляющие 99 предметов. Затем, по мере обнаружения предметов из собрания ОАИЭ они вписывались карандашом. Существенная сложность описания коллекций состояла в том, что они были размещены по разным витринам и сундукам и самого Общества археологии, истории и этнографии, и Музея отечествоведения (АФ ЭМУ. Ф. Кафедра. Оп. ОАИЭ. Д. 1. Л. 1).

Б. Ф. Адлер предавал огромное значение учетной документации. По его мнению, в музее должны быть инвентарная книга, куда заносится все имущество музея, и каталог, в основе которого лежат описи. Каталоги могут быть разного типа, но обязательными для музея является “карточный” и “валовой”. Описание предмета – это научная работа, и только с практикой приходит “искусство регистрации”: “Надо помнить, что описание должно быть настолько ярко, чтобы можно было узнать сразу предмет среди массы других, что оно должно быть немногословно, чтобы оно было научным” (Адлер, 1920, с. 14-15). Также для музея Б. Ф. Адлером были заказаны специальные картонные карточки, отпеча-

танные в типографии, на которых должны были помещаться информация из описей (номер коллекции, номер предмета, название, описание предмета) и изображение экспоната (фотография или рисунок). Причем, Б. Ф. Адлер подчеркивал, что для этнографических предметов лучше использовать именно акварельный рисунок, а не фотографию (Адлер, 1920, 16-18).

В Этнографический музей в 1913-1917 гг. продолжали поступать предметы, планомерно развивалась научно-учетная работа по комплектованию фондов. Конечно, из-за сложного времени и недостатка финансов, прекратились поставки предметов из зарубежных стран (Годичный отчет... 1916, с. 111). Но пополнение фондов музея коллекциями по народам Российской империи проходило в «штатном режиме». Про экспедиционные материалы мы писали ранее, поэтому обозначим лишь коллекции, переданные в дар музею и специально приобретенные для него. Прежде всего, целенаправленно продолжало пополняться собрание музея по народам Сибири. В 1914 г. от К. Павленко была доставлена коллекция по орочам Приморского края “близ Императорской гавани” (43 предмета): шаманский костюм и атрибуты, употребляемые при камлании (обряд общения с духами), предметы одежды и бытовая утварь (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 85). В дар “от Царскосельской юбилейной выставки в 1915 г.” в Этнографический музей доставили коллекцию по ненцам Архангельской губернии (98 предметов). Она состояла из большого количества традиционных кукол, сумочек и предметов одежды (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 76). В том же году у И. П. Кузнецова был куплен сагайский шаманский костюм, а через С. А. Теплоухова в дар от Урсубая Курумановича Алеева поступила коллекция вышивки урянхайцев (Годичный отчет... 1916, с.113). Интересное пожертвование поступило от бывшего студента Б. Ф. Адлера А. А. Половинкина в 1916 г. – ветка кедра с подвешенными на ней полосками белой материи, которая служила “жертвенным приношением” у теленгитов Каргонского хребта на Алтае (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 115).

Значительно расширилось хранившееся до этого при музее Общества археологии, истории и этнографии и музее Отечества собрание по буддизму. Еще в 1911 г. у некой “Г-жи Степсиной” была куплена

коллекция из 8 буддийских предметов, в том числе “капище с 13 фигурами” богов и расшитая золотом по красной ткани маска “злого духа... с большими стеклянными глазами” (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 33). В 1913 г. в дар от “М. Г. Брянской из Верхнеудинска” (Бурятия) были доставлены 20 буддийских культовых предметов (фигурок и изображений) (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 68). Зоологом университета Я. П. Коксиним (он ездил вместе с С. А. Теплоуховым в Урянхайский край) в 1915-1916 гг. были подарены музею бронзовая фигурка Будды (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 81) и монгольские ритуальные чаши (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 107). В том же году студент Казанской Духовной Академии Иванов пожертвовал в музей образцы буддийской иконописи, в том числе картину «Круг Сансары», приобретенную в Гусиноозерском дацане (Бурятия). А у лектора этой Казанской Духовной Академии была куплена коллекция бурятских бытовых и культовых предметов (Годичный отчет... 1916, с.113). От В. И. Грачева поступило в дар “агальмагированное¹⁶⁵ изображение Лао-цзы”, несколько китайских кистей для письма и серебряные монеты (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 106, Д.109). А студент А. Ерофеев передал коллекцию монгольских “жертвенных сосудов” (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 119).

Продолжало расширяться этнографическое собрание и по народам Поволжья: в 1915 г. в дар от А. Г. Муравьева поступил русский традиционный женский костюм Тамбовской губернии, состоящий из рубахи, “юбки в крупную клетку из шерсти” (поневы) и двух полотенец (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 92). В 1914-1916 гг. у Н. Ф. Катанова были приобретены татарские украшения и “молитвенные рисунки” (АФ ЭМУ. Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 112). Также Н. Ф. Катанов передал в дар большую коллекцию печатных шамаилей, приобретенных в издательстве братьев Каримовых в г. Казани (АФ ЭМУ .Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 104). От Н. М. Петровского в дар были переданы чувашская и татарская лубочные картины «духовно-нравственного содержания» (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. Л. 274-276).

¹⁶⁵ Предположительно от слова «агальма» — дар, подношение божеству.

Продолжала развиваться и культурно-просветительская работа. С 13 по 27 марта 1916 г. в помещении Этнографического музея кафедры географии и этнографии Казанского университета была организована этнографическая выставка по традиционной культуре финно-угорских народов Поволжья, на которой центральное место заняли коллекции, собранные М. Е. Евсевьевым в 1912-1916 гг. В основном эта коллекция состояла из традиционных женских костюмных комплексов мордвы. Доход от выставки был передан университетскому лазарету «Красного креста». Активное участие в работе по созданию и проведению этой выставки приняли студенты – Н. И. Воробьев, И. В. Тюшняков, Е. А. Голломшток и другие (ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. Л. 271). Таким образом, как и раньше, студенты вовлекались в процесс разносторонней работы кафедры.

Студенты, совершавшие экспедиционные выезды в 1913-1916 гг., в Этнографическом музее проводили камеральную обработку собранных коллекций и занимались научным описанием и анализом собранных материалов. Например, В. П. Подгорбунский занимался весьма разносторонней работой в Кабинете географии и этнографии: разбирал свои коллекции и материалы, собранные им во время поездки по поручению ОЕ в Иркутскую губернию, готовил к публикации описание кости носорога с изображениями, найденной в Корсукских пашнях; обрабатывал свои археологические сборы последних двух лет; описывал коллекции шаманских костюмов и бубнов народов Минусинской котловины; систематизировал антропологическую коллекцию по бурятам. Им были прочитаны сообщения о верованиях бурят в Обществе археологии, истории и этнографии и представлен предварительный отчет по поездке, в котором отдельное внимание было уделено “второстепенным бурятским божествам” (Годичный отчет, 1916, с. 109).

Коллекции были научным источником и для самого Б. Ф. Адлера. В отчетах значится, что он выступал с докладами на заседаниях ОАИЭ¹⁶⁶, посвященных отдельным темам, проработанным на основе коллекций Этнографического музея, и сопровождавшихся демонстрацией “музей-

¹⁶⁶ Заседания ОАИЭ стали проводиться в помещениях Кабинета географии и этнографии.

ного материала”: «Орочи Императорской гавани», «Якутский шаманский костюм», «Знак с острова Оно» (Годичный отчет... 1916, с. 110). Проведенная полевая исследовательская работа кафедры географии и этнографии (самого Б. Ф. Адлера и студентов), качественные коллекции Этнографического музея позволили Б. Ф. Адлеру начать готовить к изданию работу «Наш Дальний Восток»¹⁶⁷ (ГА РТ. Ф. Р1337. Оп. 1. Д. 38. Л. 5).

Все проведенные Б. Ф. Адлером работы по созданию профильных музеев при кафедре географии и этнографии, а прежде всего объединение этнографического собрания Императорского Казанского университета в Этнографический музей, были подготовительным этапом для организации систематических и планомерных работ по исследованию северо-восточной части Российской империи. Накопленный исследовательский опыт и этнографический материал предполагали дальнейшую концентрацию исследовательских работ по этнографии в едином центре. Так, Б. Ф. Адлер задумывался “о необходимости создания отдельного здания – Института... над фронтоном которого была бы надпись, определяющая всю идею этого создания, – “Cognosce te ipsum” (Познай самого себя). Но и теперь уже коллекции по их обработке и выставлению будут иметь характер музея, первого в провинции” (Сементовский, 1915, с. 4).

Резюмируя вышеизложенное отметим, что в начале XX в. этнография полностью сформировалась как наука и учебная дисциплина в Казанском университете. Все накопленные знания и опыт, создание качественной материально-технической базы и круга учеников и единомышленников, позволили Б. Ф. Адлеру вместе с коллегами открыть в г. Казани в 1917 г. первый в России институт, ориентированное на профессиональную и узкоспециализированную подготовку этнографов и археологов – Северо-Восточный археологический и этнографический институт.

¹⁶⁷ Монография так и не была издана. Рукописный материал не обнаружен.

Заключение

Этнографическое собрание формировалось в нескольких структурных подразделениях Императорского Казанского университета: на отделении естественных наук, на базе которого позже возник физико-математический факультет; на отделении словесных наук, трансформировавшемся в историко-филологический факультет; при Обществе археологии, истории и этнографии Императорского Казанского университета. Возникновение этнографического собрания в нескольких структурных подразделениях было продиктовано разными направлениями научно-исследовательской и учебно-методической работы этих структур и спецификой развития этнографических знаний в России в XIX – начале XX вв.

В развитии этнографического собрания и этнографического знания в Казанском университете нами было выделено несколько этапов. *Первый этап (1815 г. – начало 1830-х гг.)* является временем становления Кабинета редкостей как собрания диковинных вещей, целью которого была демонстрация успехов ученых Казанского университета (Первая русская антарктическая экспедиция 1820-1821 гг., И. М. Симонов) и установленных связей научного сообщества Казанского учебного округа (пожертвования от персонала подшефных училищ). Комплектование кабинета новыми коллекциями было несистематическим. На данном этапе формирование этнографического собрания в Казанском университете было первичным по отношению к этнографическим и антропологическим исследованиям, которые стали развиваться только спустя несколько десятилетий.

Второй период (1832–1854 гг.) характеризуется развитием востоковедческих исследований. Благодаря деятельности ученых Восточного разряда в этот период Кабинет редкостей пополнился большим числом экспедиционных материалов по народам Восточной Азии. На этом этапе этнографические коллекции стали восприниматься как научный источник для изучения традиционной материальной и духовной куль-

туры. Это было связано с исследованиями О. М. Ковалевского языка и мифологии народов, традиционно исповедующих буддизм. Народоведческие исследования востока Российской империи в большей степени развивались в рамках историко-филологических и историко-этнографических работ ученых отделения словесности. Но их работы носили описательный характер, ибо этнографические исследования не являлись самоцелью. Многие из этих работ были написаны как на анализе архивного материала, так и с основой на непосредственном наблюдении. Но у историков и филологов того периода этнографические коллекции не воспринимались как источник, поэтому авторы этнографических заметок не собирали вещественный материал. Большую роль в развитии как этнографического собрания, так и этнографических знаний продолжали играть путешественники (В. Ф. Берви, О. Е. Коцебу, Д. Ф. Зарембо).

Третий период (1855 г. – конец 1870-х гг.) характеризуется резкой сменой научных ориентиров этнографических исследований и принципов комплектования этнографического собрания: приоритетом становится выявление и сохранение местных древностей и произведений искусств. На месте Кабинета редкостей, благодаря ряду реорганизаций в 1863 г., возникает Музей этнографии, древности и изящных искусств. Отсутствие профильного заинтересованного в развитии этнографического собрания специалиста привело к отрыву музейного собрания от исследовательских практик, которые были в основном сосредоточены в рамках кабинетных исторических исследований. Несмотря на то, что первоначально был задан вектор комплектования фондов, этнографическое собрание вновь стало пополняться случайными экспонатами. Большую роль в накоплении вещественного этнографического материала в этот период сыграли непрофильные естественнонаучные специалисты – зоологи, биологи, ботаники, которые из своих экспедиций вместе со своими научными коллекциями привозили и этнографический материал (предметы, дневниковые записи). В этот период появляется новая форма презентации музейного собрания – публичные выставки.

Четвертый период (конец 1880-х гг. – конец 1900-х гг.) характеризуется активным поиском новых форм организации этнографического собрания и направлений этнографических исследований. В целом этот период можно охарактеризовать как сложную систему взаимодействия

разных кафедр, направлений и научных обществ. Накопленный фактологический и вещественный материал стал базой для концентрации и развития этнографических исследований, проходивших в основном на северо-востоке Российской империи. Этнография в Казанском университете в этот период развивалась на нескольких структурных подразделениях. Во многом это было обусловлено разным пониманием места и роли этнографии в системе научных дисциплин, что отразилось и на формировании этнографического собрания. На основе Музея этнографии, древности и изящных искусств был создан Музей отечествоведения, который возглавляли историки. Этнография воспринималась как вспомогательная историческая дисциплина, а музейное собрание должно было знакомить посетителей с культурой «местных инородцев» в эволюционистской трактовке, а также служить базой для археологических исследований. Этнографические коллекции пополнялись как целенаправленными экспедиционными предметами (И. Н. Смирнов – финно-угорские коллекции), так и закупкой (Д. А. Корсаков – русские коллекции) и случайными «экзотическими» пожертвованиями (сюда можно отнести экспедиционные сибирские коллекции Н. Ф. Катанова, которые не отвечали профилю музея). Этнографическое собрание приобрело определенную направленность – отечествоведение, но в собрании по-прежнему большинство экспонатов составляли «непрофильные» коллекции по народам Австралии и Океании, разных регионов Азии и Северной Африки. Этнографические коллекции не были задействованы в учебном процессе.

Второй организационной формой развития этнографии и этнографического собрания в Казанском университете на этом этапе стали научные общества (Общество естествоиспытателей и Общество археологии, истории и этнографии), ставшие координационными центрами развития социо-антропологических знаний, аккумулировавшими результаты научных изысканий ученых востока России. Именно на собраниях обществ во время выступлений и дискуссий этнография формировалась как наука. Благодаря финансовой поддержке обществ были совершены многочисленные экспедиции, результаты которых находили свое отражение и в музейном собрании. Этнографические коллекции музея ОАИЭ состояли из экспедиционных материалов (финно-угорские, тюркские коллекции по Поволжью и Западной Сибири) и многочисленных дарений (кол-

лекции по Восточной, Средней и Северной Азии). Музейные коллекции обществ впервые стали восприниматься как источник и материал для научных исследований. Однако по-прежнему не было планомерности и системности в формировании этнографического музейного собрания. Большую роль научные общества сыграли в популяризации этнографических знаний: так, члены ОАИЭ устраивали выставки, публичные лекции и ставили целью создать доступный публичный музей, тогда как ОЕ передавало весь материал в профильные музеи университета.

В период 80-х гг. XIX в. – начала XX в. стало развиваться профессиональное этнографическое образование – была открыта кафедра географии и этнографии. Для качественного преподавания профильных курсов и организации практической работы студентов был организован Кабинет географии, в котором стало формироваться большое собрание по народам мира. Коллекции закупались большими партиями: они характеризовали традиционный быт и религиозные верования регионов мира. Это собрание формировалось за счет целенаправленных закупок в специализированных заведениях (музей-лаборатория Умляуффа в г. Гамбурге). Эти предметы являлись учебными пособиями. Позже коллекции кабинета стали дополняться научным экспедиционным материалом (по народам Сибири) и целенаправленной закупкой (по народам европейской части Российской империи). Коллекции являлись базой для научных и учебных работ студентов и профессорско-преподавательского состава.

Первая четверть XX в. – время окончательного оформления этнографии как науки и учебной дисциплины в Казанском Императорском университете. Этнографические коллекции стали собираться целенаправленно, они должны были отражать какое-то культурное явление (например, жертвенные предметы у народов мира) или знакомить с основными элементами традиционной материальной и духовной культуры (например, охота и связанные с ней обряды). В этот период произошла трансформация структурной организации этнографических собраний университета: путем объединения всех этнографических коллекций был создан Этнографический музей Кабинета географии и этнографии. Только научно организованный этнографический музей, обладающий комплексными коллекциями как по регионам мира, так и по народам востока России, стал качественной источниковой базой для этнографической

науки. Этнографическое собрание значительно увеличилось, комплектование фондов было оформлено в систему и научно обосновано.

По форме комплектования этнографических коллекций музеев Императорского Казанского университета можно выделить три направления: пожертвования/дарения, экспедиционные материалы и закупка. Дарения были основным источником пополнения фондов этнографическими предметами с начала складывания собрания. В качестве дарителей выступали профессора, студенты российских и зарубежных университетов, представители местной интеллигенции и путешественники. В последующем основным источником поступлений наравне с пожертвованиями стали экспедиции. Нам удалось установить, что большая часть коллекций Этнографического музея Императорского Казанского университета – это экспедиционные материалы. Только с конца XIX в. можно говорить о профильных системных и научно обоснованных этнографических коллекциях и об экспедициях как способе пополнения музейного собрания. До этого экспедиционные материалы собирались учеными разных научных направлений, не было системности в сборе материала, а сами предметы в основном были максимально «презентабельными». Закупка была способом пополнения в основном учебных коллекций. Это был самый малочисленный по объему поступлений этнографических экспонатов источник. Закупались в большей степени типичные и знаковые для показа отдельных элементов в культуре народов мира предметы.

Случайное происхождение большинства этнографических коллекций, когда этнографическое исследование не являлось самоцелью экспедиций или путешествий, обосновывало бессистемность этнографического собрания. Даже в научных коллекциях, собранных специалистами (О. М. Ковалевским, И. Н. Смирновым), большинство составляли дорогие, «парадные», богато украшенные предметы. Предметов, раскрывающих специфику бытовой «будничной» культуры, в собраниях было мало. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что XIX в. в России – это время становления предметной области этнографии. С другой стороны, тем, что было очень мало подготовленных ученых, профессионально занимавшихся вопросами этнографии, владеющих методами, профессиональной литературой, прошедших стажировки. Научную ценность представляют в большей степени авторские экспедиционные материа-

лы, т. к. была определена территория сбора, предметы имели небольшие описания и снабжались либо «записками» о путешествии, либо научным отчетом, который часто публиковался.

В первой половине XIX в. не существовало научной концепции развития этнографического собрания Казанского университета. В последующих периодах нами было выявлено только две научно обоснованные концепции, представленные Музеем отечествоведения и Кабинетом географии и этнографии. Первая концепция формирования этнографических фондов и экспозиции появляется в 80-х гг. XIX в. в Музее отечествоведения, ее появление связано с именем Н. И. Смирнова. В духе развития этнографических знаний того времени – эволюционизма – коллекции должны были показывать эволюцию культуры и влияние на нее других культур. Вторая концепция – это создание комплексного музея человеческой культуры Б. Ф. Адлером, которую он старался воплотить в объединении этнографических коллекций Императорского Казанского университета в рамках создаваемого Этнографического музея кафедры географии и этнографии. Этот музей должен был представлять общий взгляд на историю материальной и духовной культуры человечества в целом, быть школой «человековедения», показывающей «общечеловечность культуры», в которой каждый смог бы не только увидеть разные культуры народов мира, но и познать самого себя. Научно организованный этнографический музей, по мнению Б. Ф. Адлера, это «лаборатория» для исследователей и «школа» для широких слоев публики.

Согласно имеющимся в нашем распоряжении источникам, самым важным условием развития этнографических знаний и коллекций в рассматриваемый нами период является наличие заинтересованного специалиста. На всех этапах личностный фактор играл ведущую роль. Успешное развитие музеев/кабинетов напрямую зависело не столько от научной ориентации университета и финансовых возможностей, сколько от людей, занимающих должность заведующего музеем и определяющих его содержание и развитие, исходя из собственных научных интересов. Когда музеи возглавляли заинтересованные в своем деле профессионалы, коллекции поступали системно, были целостными и имели четкую направленность; велась плановая учетно-хранительская работа; коллекции служили материалом для научных публикаций (например, деятель-

ность О. М. Ковалевского, И. Н. Смирнова, Н. Ф. Катанова). Возглавлявшие музеи историки не могли быть и не были заинтересованными в научном оформлении этнографического собрания. Именно поэтому на протяжении второй половины XIX в. этнографическое собрание Кабинета редкостей претерпело ряд структурных изменений. Пополнение музея в периоды их заведования носило во многом случайный характер, комплектование этнографическими предметами не являлось первоочередной задачей (например, деятельность Н. А. Фирсова и Д. А. Корсакова).

Качественно новый уровень развития этнографии и этнографического собрания Казанского университета связан с именем Б. Ф. Адлера. За несколько лет работы он создал профессиональный коллектив, качественную учебную и научную базу для развития этнографии – Этнографический музей. Только высококвалифицированный специалист с опытом музейной работы смог придать разрозненным коллекциям законченный вид и логическую структуру, составить план дальнейшего развития музея. Коллекции объединенного музея дополняли друг друга, делая его действительно одним из самых значимых и уникальных в Российской империи на тот период. Это подтверждает и тот факт, что коллекции стали привлекать к себе внимание российских и зарубежных исследователей.

Принципы работы музея, заложенные Б. Ф. Адлером, согласно которым университетский музей – это комплекс, где реализуются учебно-методические, научно-исследовательские и культурно-просветительские задачи, стал основой для дальнейшего развития музея в XX–XXI вв. Следуя этим традициям, современный Этнографический музей Казанского (Приволжского) федерального университета является значимым учебным и исследовательским центром российской этнографической науки.

Список сокращений

АФ ЭМУ – Архивный фонд Этнографического музея

ИОАИЭ – «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете»

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете

ОЕ – Общество естествоиспытателей при Императорском Казанском университете

РГО – Русское географическое общество

Архивные источники

Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ)

Документы о командировании и пребывании магистра Васильева В. П. в Китае с пекинской духовной миссией // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. 115 л.

Документы о назначении на Соколовского И. В. на должность хранителя музея этнографии, древностей и изящных искусств // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5792. 6 л.

Документы о научном путешествии в Иркутск и Монголию кандидата О. Ковалевского и студента Попова. Т. 2 // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1267. 114 л.

Документы о переводе в Санкт-Петербургский университет разряда восточной словесности Казанского университета // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3669. 140 л.

Документы о переводе кабинета естественной истории в новое помещение // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 169. 4 л.

Документы о переустройстве музея этнографии древностей и изящных искусств, об отпуске 500 руб. из сумм Министерства на проектирование музея Отечестваведения // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. 15 л.

Документы о подготовке речи и отчета к торжественному собранию в 1915 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13018. 296 л.

Документы о подготовке речи и отчета к торжественному собранию в 1916 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13242. 444 л.

Документы о пожертвовании в дар университету книг и вещей для его музеев // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1001. 27 л.

Документы о создании и деятельности комитета для приема и проверке всего движимого и недвижимого имущества университета // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1065. 66 л.

Документы о создании при университете натурального кабинета // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 210. 7 л.

Документы о составе и деятельности университета за 1909 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11850. 200 л.

Документы о составе и деятельности университета за 1912 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12409. 219 л.

Документы о состоянии университета и его учебно-вспомогательных учреждений, планы местам и садам принадлежащим университету // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 418. 99 л.

Документы об избрании Корсакова Д. А. на должность хранителя музеев при кабинете этнографии, древностей и изящных искусств // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5621. 10 л.

Документы об увольнении проф. Купфера с должности смотрителя над кабинетом редкостей и назначении на эту должность проф. Эрдмана // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 1052. 2 л.

Извещение попечителя Казанского учебного округа о пожертвовании Пругченко в дар университету вещей из Египта // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 5119. 5 л.

О покупке у адъюнкта Ковалевского китайских, монгольских, маньчжурских костюмов и других редкостей, и о покупке для кабинета редкостей у Грибовской // Ф. 92. Оп. 1. Д. 4251. 24 л.

О приобретении в течении последнего десятилетия для кабинетов библиотек и других собраний // Ф. 92. Оп. 1. Д. 4523. 56 л.

О приобретении для существующего при Казанском университете музея древностей старинных каменных шаров и других русских древностей от 19 августа 1857 г. // Ф. 92. Оп. 1. Д. 7322. 13 л.

О распределении по отдельным учебно-вспомогательным учреждениям Факультетов лиц младшего преподавательского персонала и о сочувствующей разверстке средств, сообразно представлению Мин. Народ. Просвещения в Государственную Думу // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2285. 24 л.

О реорганизации Музея Отечества // Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 2186. 27 л.

О ходатайстве нового помещения для музея этнографии, древности и изящных искусств и помещения для аудитории проф. Беяева // Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1182. 2 л.

Об определении кандидата Кузнецова хранителем музея этнографии, древностей и искусств и кабинета монет и медалей при Казанском университете // Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1123. 2 л.

Об удовлетворении нужд учебно-вспомогательных учреждений факультета в 1902 году // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1781. 34 л.

Об удовлетворении нужд учебно-вспомогательных учреждений факультета в 1916г. // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2495. Л.

Об улучшение Музея Отечествоведения // Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1395. 15 л.

Об учреждении про географическом кабинете должности сверхштатного лаборанта с содержанием по 600 руб. в год и об определении на оную кандидата естественных наук М. А. Александрова // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1612. 13 л.

Отчет о деятельности университета за 1881 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6820. 290 л.

Отчет о состоянии и деятельности казанского университета за 1854 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3659. 83 л.

Отчет о состоянии и деятельности университета за 1850 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 3198. 104 л.

Отчет о состоянии и деятельности университета за 1866 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 4991. 94 л.

Отчет о состоянии университета за 1816 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 250. 41 л.

Отчет о состоянии университета и Казанской гимназии, документы для его составления за 1816 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 251. 40 л.

Отчеты о работе кабинетов минерологи, этнографии и географии, о научных командировках профессора В.Лепешкина за 1920год // Ф. Р1337. Оп. 1. Д. 38. 7 л.

По вопросу об усилении пропускной способности учебно-вспомогательных учреждений факультета // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2579. 64 л.

По поводу участия в Казанской научно-промышленной выставке летом 1890 года // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 1202. 8 л.

По собранию бумаг к сведению руководства // Ф. 977. Оп. Истфилфак. Д. 1884. 6 л.

По ходатайству заведующего кабинетом географии и.д.э.-орд.проф. Б. Ф. Адлера назвать этот кабинет «Кабинетом географии и этнографии» и о дальнейшем устройстве этого кабинета // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2341. 5 л.

По ходатайству о помещении в Кабинете географии и этнографии портрета основателя кабинета покойного заслуженного профессора П.И.Кротова // Ф. 977. Оп. Физмат. Д. 2444. 4 л.

Предварительный отчет о поездке в Обдорский край летом 1914 года В. Новицкого // Ф. 39. Оп. 1. Д. 83. 73 л.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей Казанского университета 1913-1914. Сорок пятый год // НА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 81.

Протоколы заседания Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за 1911-1912. Сорок третий год // НА РТ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 79.

Сведения о состоянии клиник, факультетов, типографий университета за 1878 г. // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 6422. 205 л.

Список вещей, переданных проф. Симоновым в кабинет естественной истории и библиотеку // Ф. 977. Оп. Совет. Д. 413. 11 л.

Архив Этнографического музея Казанского (Приволжского федерального университета) (АФ ЭМУ)

Австралия и Океания // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д. 3.

Азия. Палеоазиаты // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д. 4.

Америка // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д. 1.

Антропологическая таблица // Ф. Кафедра. Оп. Таблица. Д. 1.

Африка // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д. 2.

Буддийские культовые изображения. От Я. П. Коксина // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 81.

Буддийские культовые предметы от М. Г. Брянской из Верхнеудинска // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 68.

Гольды – Уссурийского края. От И. А. Лопатина. Дар. Май 1916 года // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 113.

Грузины – от студента Г. Гачечиладзе дар 25/XII-1915г. // Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 78.

Документы о деятельности кафедры // Ф. Кафедра. Оп. ОАИЭ. Д. 1.

Древности Перу и Мексики. Из Музея Умляуфа в Гамбурге // Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 164.

Еврейские культовые предметы из Елизаветополя, доставленные студентом Вайсанбергом в 1916 году // Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 102.

Казанские татары. Дар Б. Ф. Адлера. 1912 год // Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 66.

Казанские татары. Украшения от Ишмеева. 1912 год // Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 61.

Киргизы – дар студента Букова // Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 42.

Киргизские вещи от киргиза Каркатылинского уезда Смаил Байтенович Байтенова. Через студента В. Букова, дар 1912 года // Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 52.

Киргизы Семипалатинской области. Приобретено от студента Кольцова // Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 97.

Киргизы. Коллекция студента Кольцова // Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 74.

Китайская игрушка из Пекина. Дар проф. Б. Ф. Адлера в 1912 году // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 65.

Китайские культовые и бытовые вещи, купленные у Степиной в 1911 году // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 33.

Китайские нефритовые вазочки, купленные у гр. Стежиной в 1912 года // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 41.

Китайские предметы. Дар В. И. Грачева // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 106.

Китайские предметы. Дар В. И. Грачева. 1915 г. // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 109.

Китайцы. От бр. Гурфинкель // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 79.

Ковши // АФ ЭМУ. – Ф. Описи. – Оп. Народы Поволжья. – Д. 192. – №1-35.

Коллекция вещей остяков Березовского округа, подаренная одним лицом Обществу и переданная туда К. И. Фаддеевым // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 92.

Коллекция вотивов от Эбенбена, Германия // Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 48.

Коллекция из Африки от гр. Кониэцко из Гамбурга. Приобретена в 1912 г. (откуда предметы неизвестно, ибо описания нет) // Ф. Описи. Оп. Африка. Д. 45.

Коллекция мордовских одежд М. Е. Евсевьева. Приобретена в 1916 году // Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 175.

Коллекция низовых остяков Березовского края Тобольской губернии, собранная студентом В. М. Новицким в 1912 г. 19/XI. Приобретение // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 54..

Коллекция остяков с реки Вая, собранная С. К. Кузнецовым и пожертвованная Обществу // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 90.

Коллекция по быту китайцев-звероловов Уссурийского края. Дар от Директора Музея в Хабаровске В. К. Арсеньева // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 72.

Коллекция по Енисейским осякам, собранная в 1916 году И. В. Тюшняковым по поручению Общества естествоиспытателей // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 122.

Коллекция по Енисейским осякам, собранная И. В. Тюшняковым летом 1916 года по поручению Общества естествоиспытателей // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 123.

Коллекция по народностям Северной Америки (туземцам), приобретенная от Умлауфа в 1902 году // Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 165.

Коллекция предметов быта и культуры народов Океании и Австралии. Приобретена в Музее Умляуфа в Гамбурге в 1903 году // Ф. Описи. Оп. Австралия и Океания. Д. 2.

Коллекция различных предметов из Патагонии (Ю. Америка), приобретенных в 1912 г. у Кониэцко из Гамбурга // Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 46.

Коллекция, приобретенная от Фирмы Umlauf'a в Гамбурге 11 ноября 1902 года (№ инвентаря 20) за 1000 марок // Ф. Описи. Оп. Африка. Д. 1.

Корейские вещи. Собраны Н. И. Воробьевым // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 202.

Крымские татары. Чедры, купленные у Ишмеева в 1912 году // Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 56.

Литовская коллекция от бывшего студента Коссиловского из Ковенской губ. // Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 90.

Монголия. Предметы буддийского культа (жертвенные сосуды) от студента Ерофеева А. А. // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 1119.

Монголы. Чашечки китайского происхождения от Я. П. Коксина. Март 1916 г. // Ф. Описи. Оп. Восточная Азия. Д. 107.

Мордва с. Атяшева Арзамасского уезда Симбирской губернии // Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 176.

Мордовские головные уборы из различных мест. Приобретены у М. Е. Евсевьева в 1912 году // Ф. Описи. Оп. Мордва. Д. 39.

Орочи близ Императорской Гавани (Приморская область), собранная в 1914 г. К. Павленко // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 85.

Острова Тихого океана: Н. Зеландия, о-в Оно, Таити и др., переданы в Музей из Музея Отечества в 1912 году. Доставлены проф. Симоновым в 1821 году из экспедиции Беллинсгаузена // Ф. Описи. Оп. Австралия и Океания. Д. 160.

Письма из музея Умляуффа // Ф. Переписка. Оп. Письма и запросы. Д. 12.

Русская набойка из Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Д. Батимка. доставил С. Н. Лаптев // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 130.

Русская одежда разных мест. Куплено у Богомолова в 1903 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 9.

Русская утварь из Костромской губ. Куплено у Богомолова в 1905 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 10.

Русские Архангельской губ. Одежда. Куплено у Богомолова в 1907 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 13.

Русские бирки. Дар студента В. В. Лобанова в 1903 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 7.

Русские Вятской губернии Елабужского уезда // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 42.

Русские головные уборы из Пермской губернии // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 26.

Русские из села Сорочьи горы Лаишевского уезда // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 41.

Русские Макарьевского уезда Нижегородской губернии. 1907 год // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 20.

Русские набивные доски из Камышновского уезда Пермской губернии. Каменный завод. От С. П. Лаптева // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 89.

Русские набойные доски из набойных заведений г.Казани // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 91.

Русские Нижегородской губернии // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 96.

Русские Нижегородской губернии, с. Лысково. Куплено у Богомолова в 1903 г. // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 5.

Русские Нижегородской губернии. Одежда // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 21.

Русские Нижегородской губернии. Предметы одежды // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 19.

Русские одежды Тамбовской губ. куплено у Богомолова в 1907 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 15.

Русские одежды, купленные у Богомолова в 1908 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 25.

Русские одежды, купленные у Богомолова в 1908 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 26.

Русские одежды, купленные у Богомолова в 1908 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 28.

Русские одежды. Куплено у Богомолова в 1905 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 11.

Русские одежды. приобретены в 1908 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 29.

Русские тряпичные куклы и другие игрушки из Вятской губернии. Приобретены у К. В. Щенниковой в 1912 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 44.

Русские. Одежда. Куплено у Богомолова в 1903 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 6.

Русские. Утварь из Вятской губернии. Приобретена в 1903 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 8.

Русский костюм Тамбовской губернии из уезда Нижне-Спасской волости д. Озерки. Дар А. Г. Муравьева в 1915 году // Ф. Описи. Оп. Русские. Д. 92.

Самоеды – Архангельской губернии, Цимлесевской волости. От юбилейной Царскосельской выставки 1915 г. Дар // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 76.

Серебряные польские католические вотивы, купленные в 1913 году у студента Коссиловского и подаренные проф. Б. Ф. Адлером // Ф. Описи. Оп. Разные народы. Д. 80.

Сибирь // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д. 5.

Сибирь // Ф.Описи. Оп. МЭКУ. Д.6.

Сойоты Урунхайского края. Коллекция собрана С. А. Теплоуховым на средства Общества естествоиспытателей // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 172.

Таблицы духовного содержания // Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 112.

Татарские религиозные картины // Ф. Описи. Оп. Татары. Д. 104.

Теленгеты с Каргонского хребта на Алтае. Культовый предмет, доставленный А. А. Половинкиным в 1916 году. Дар // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 115.

Тунгусы. Куплено у Богомолова в 1907 году // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 14.

Тунгусы. Передано из Музея Отечества // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальней Восток. Д. 151.

Узбекская коллекция, доставлена студентом Любимовым из Ташкента // Ф. Описи. Оп. Средняя Азия. Д. 100.

Украшения казанских татар. Куплены у Ишмеева в 1912 году // АФ ЭМУ. – Ф. Описи. – Оп. Татары. – Д. 67. – № 1-24.

Уссурийские гольды. Собрано в 1916 году по поручению Общества естествоиспытателей студентом Н. И. Воробьевым и Е. А. Голомштоком // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 150.

Центральная Америка. Из Музея Отечества. Пожертвована в 1857 году от проф. Берви // Ф. Описи. Оп. Америка. Д. 166.

Чувашская одежда и головные уборы из Ядринского уезда Казанской губернии // Ф. Описи. Оп. ОАИЭ. Д. 22.

Чукчи – коллекция от сидячих чукчей, приобретенная от Г. Вебера в 1911 году // Ф. Описи. Оп. Сибирь и Дальний Восток. Д. 38.

Опубликованные источники

Адлер Б. Ф. Всероссийский Центральный Этнографический музей в Москве // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1920. Т. XXX. Вып. 4. С. 465-493.

Адлер Б. Ф. География в Казанском университете за 25 лет. Казань, 1914. 5 с.

Адлер Б. Ф. Главмузей // Казанский музейный вестник. 1921. № 3-6. С. 39-61.

Адлер Б. Ф. Знак с острова Оно. Казань, 1916. 4 с.

Адлер Б. Ф. Инвентарь, каталог и их значение в музее // Казанский музейный вестник. 1920. № 3-4. С. 14-15.

Адлер Б. Ф. Искусство в освещении этнологии // Первая государственная выставка искусств и науки в Казани. Казань, 1920. С. 79-92.

Адлер Б. Ф. Коллекция Сиклера // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 35-47.

Адлер Б. Ф. Научные общества и музеи при них // Казанский музейный вестник. 1920. № 5-6. С. 45-19.

Адлер Б. Ф. Областные и местные музеи // Казанский музейный вестник. 1920. № 1-2. С. 5-13.

Беллинсгаузен Ф. Ф. Двухкратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах “Востоке” и “Мирном” под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа “Восток”. Шлюпом “Мирным” начальствовал лейтенант Лазарев / [Под ред., со вступ. статьей “Первая Русская антарктическая экспедиция 1819-1821 гг., с. 7-30 и коммент. Е. Е. Шведе]: 2-е изд. Москва, 1949. с. 360.

Берви В. Ф. Отрывки из записок путешественника // Учёные записки Казанского Императорского университета. Казань, 1835. Кн. 4. С. 290-329.

Берви В. Ф. Отрывки из записок путешественника // Учёные записки Казанского Императорского университета. Казань, 1836. Кн. 2. С. 105-146.

Берви В. Ф. Отрывки из записок путешественника // Учёные записки Казанского Императорского университета. Казань, 1837. Кн. 1. С. 3-56.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год. Казань, 1907. 147 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1907 год. Казань, 1908. 149 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского Университета за 1908 год. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1909. 248 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 год. Казань, 1911. 169 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1911 год. Казань, 1912. 184 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1912 год. Казань, 1913. 190 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1913 год. Казань, 1914. 227 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1914 год. Казань, 1915. 218 с.

Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань, 1916. 48 с.

Евсевьев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Живая старина. 1914. Кн. 23. Вып. 1-2. С. 1-44.

Евсевьев М. Е. Мордва Татреспублики // Материалы по изучению Татарстан. 1925. Вып. II. С. 179-196.

Загоскин Н. П. Историческая записка о четырех отделах Казанского университета за 1814 – 1827 гг. Казань, 1899 . 30 с.

Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования. Казань, 1902 . Т. 3. 593 с.

Загоскин Н. П. Материалы для истории кафедры и учреждений Императорского Казанского университета. Казань, 1899. 572 с.

Загоскин Н. П. Отчет о деятельности и состоянии Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. За четвертый (1881-1882) год его существования. Казань, 1882. 14 с.

Записки о кабинетах и других заведениях при Императорском Казанском университете, со времени учреждения каждого из них по 1 мая 1843 г. Казань, 1843. 99 с.

Записки о кабинетах и прочих ученых заведениях в Императорском Казанском университете за 1834 г. Казань, 1835. 67 с.

Известия Общества археологии, истории и этнографии // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1879. № 4. С. 413-443.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Ученые записки Казанского Императорского университета. Казань, 1878. № 3. С. 352-377.

Извлечение из отчета Императорского Казанского университета за 1880г. // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1881. №4-6. С. 1-59.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1864-1865 академический год. Казань, 1865. 418 с.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1865-1866 академический год. Казань, 1866. 547 с.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1865-1866 академический год. Казань, 1886. 547 с.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1872 академический год. Казань, 1873. 580 с.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1881 академический год. Казань, 1880. 69 с.

Извлечение из отчета Казанского университета за 1887 академический год. Казань, 1888. 98с.

Извлечения из протоколов заседаний Предварительного Комитета IV высочайше разрешенного Археологического Съезда // Известия и ученые записки Казанского Императорского университета. Казань, 1877. № 2. С. 177-207.

Казань в ее прошлом и настоящем: очерк по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений / сост. М. Н. Пинегин. СПб, 1890. 604 с.

Каталог выставки 1882 года Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1882. 67 с.

Катанов Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд енисейской губернии, совершенной по поручению историко-филологического факультета Казанского Императорского университета летом 1899г. Казань, 1900. 60 с.

Катанов Н. Ф. Новые приобретения музея Общества археологии, истории и этнографии в 1895 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. III. Вып. 3. С. 234-243.

Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Казань, 1847. 58 с.

Комисаров Г. И. К этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов (объяснительная записка) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4-5. С. 448.

Комиссаров Г. И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники. Письма / сост. и прим. В. Г. Родионова. Чебоксары, 2003. 528 с.

Краткая историческая записка о состоянии Казанского университета за 1837/38-1838/39 академический год. Казань, 1839. 19 с.

Краткий указатель художественной этнографическо-археологической выставки. Собрание Л. О. Сиклера. Казань, 1912. 14 с.

Кротов П. И. Б. Ф. Адлер и его ученые труды по географии и этнографии. Казань, 1911. 8 с.

Лукинский А. Путешествие к вогулам: (Из отчета ботаника Н. В. Сорокина). Казань, 1872. 15 с.

Магницкий В. К. Из поездки в село Шуматово Ядринского уезда Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1884. Т. III. С. 160-179.

Малиев Н. М. Общие сведения о мордве Самарской губернии, их антропологический характер поздние браки и их влияние на крепость сложения народа Национальные особенности черепа. Казань, 1978. 12 с.

«Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрёну / публ. С. В. Кузьминых, О. М. Мельниковой, К. В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия». 2008. Вып. 2. С. 171-200.

Нелидова Р. А. О наглядных пособиях для преподавания русской истории // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3. С. 3-4.

Никольский Н. В. Этнографическая заметка о чувашах Козмодемьянского уезда Казанской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып.4. С. 245-270.

Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования. 1869-1894. Казань, 1894. 82 с.

Обозрение преподавания в 1900-1901 году. Казань, 1900. 44 с.

Обозрение преподавания в 1911-1912 учебном году . Физико-математический факультет. Казань, 1911. 34 с.

Обозрение преподавания в 1912-1913 учебном году . Физико-математический факультет. Казань, 1912. 32 с.

Обозрение преподавания в 1913-1914 учебном году. Физико-математический факультет. Казань, 1913. 32 с.

Обозрение преподавания в 1914-1915 учебном году . Физико-математический факультет. Казань, 1914. 34 с.

Обозрение преподавания в 1915-1916 учебном году . Физико-математический факультет. Казань, 1915. 32 с.

Отчет о деятельности Общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете в первое десятилетие (1869-1879) его существования. Казань, 1879 . 8 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1839-1840 академический год. Казань, 1840. 60 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1840-1841 академический год. Казань, 1841. 71 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1842-1843 академический год. Казань, 1843. 41 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1848-1849 академический год. Казань, 1849. 22 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1849-1850 академический год. Казань, 1850. 38 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1857-1858 академический год. Казань, 1858. 34 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1858-1859 академический год. Казань, 1859. 45 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1860-1861 академический год. Казань, 1861. 42 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1900 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1901 года. Казань, 1901. 254 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1901 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1902 года. Казань, 1902. 271 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1902 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1903 года. Казань, 1903. 251 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1903 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1904 года. Казань, 1904. 274 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1907 года. Казань, 1907. 111 с.

Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1909 год // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1910 года. Казань, 1910. 172 с.

Пантусов Н. Н. Тарачинские песни (в китайском гор. Кульдже). Текст и перевод // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1898. Т. XIII. Вып. 6. С. 451-476.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. I: Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб., 1877. 447 с.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. II: Семейные права, наследства и опека. СПб., 1879. 400 с.

Первая государственная выставка искусств и науки в Казани: Каталог. Казань, 1920. 92 с.

Пинегин М. Н. Казань в ее прошлом и настоящем: очерк по истории, достопримечательностям и современному положению города, с приложением кратких адресных сведений. СПб., 1890. 604 с.

Программа для собирания народных юридических обычаев. СПб., 1889. IX. 85 с.

Программа для собирания этнографических предметов. СПб, 1903. 51 с.

Протоколы заседаний Совета в 1882 г. // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1883. № 1-2. С. 1-112.

Протоколы заседаний Совета в 1882 г. // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1883. № 5-6. С. 297-438.

Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 1898 год // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1899. № 9. С. 1-147.

Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1904. № 4. С. 345-388.

Протоколы заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1884. Т. V. С. 1-9.

Протоколы заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3. С. 1-32.

Протоколы заседания Совета Казанского университета в 1877 г. // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1878. № 6. С. 721-834.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии за 1907 год // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1908. Т. XXIII. Вып. 6. С. 1-47.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии за 1908 год // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1909. Т. XXV. Вып. 6. С. 1-31.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии за 1911 год // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 4-5. С. 1-49.

Протоколы общих собраний и заседаний Совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1914 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1915. Т. XXIX. Вып. 1-3. С. 1-55.

Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1898. Т. XVI. Вып. 4. С. 460-475.

Протоколы общих собраний Общества археологии, истории и этнографии за 1902 год // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 2. С. 1-27.

Протоколы Совета университета в 1881 г. // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1882. № 1-2. 265 с.

Протоколы Совета университета за вторую половину 1880 г. // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1881. № 3. С. 151-278.

Рыбушкин М. С. О вероисповедании в Казанской губернии // Заволжский муравей. 1834. Ч.1. №1. С. 51-57.

Рыбушкин М. С. О вероисповедании в Казанской губернии // Заволжский муравей. 1834. Ч.1. №2. С.102-144.

Рыбушкин М. С. О вероисповедании в Казанской губернии // Заволжский муравей. 1834. Ч.1. №3. С.171-176.

Сбоев В. А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: Их происхождение, яз., обряды, поверья, преданья и пр.. Москва, 1865. 188 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1884 и 1885 (гражданские) годы (Извлечение из отчета за эти годы) // Годишный акт а Императорском Казанском университете 5 ноября 1885 года. Казань, 1885. 171 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1885 и 1886 (гражданские) годы (Извлечение из отчета за эти годы) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1886 года. Казань, 1886. 108 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1887 гражданский год (Извлечение из отчета за этот год) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1888 года. Казань, 1888. 145 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1888 и 1-е полугодие 1889 года (Извлечение из отчетов за эти годы) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1889 года. Казань, 1889. 86 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1889 – первую половину 1890 года // Ученые записки Казанского Императорского университета. Казань, 1890. № 6. С. 3-86.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1890 и 1891 (гражданские) годы (Извлечения из отчетов) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1891 года. Казань, 1891. 67 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1891 и 1-е полугодие 1892 года (Извлечения из отчета) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1892 года. Казань, 1892. 106 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1892 и 1-е полугодие 1893 года (Извлечения из отчета) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1893 года. Казань, 1893. 114 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1894 г. и первое полугодие 1895 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1896. № 1. С. 1-149.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1895 и 1-е полугодие 1896 года. (Извлечения из отчета) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1896 года. Казань, 1896. 164 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1896 и первую половину 1897 года // Ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1898. № 2. 143 с.

Сведения о состоянии Казанского университета за 1897 год. (Извлечения из отчета) // Годи́чный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1898 года. Казань, 1898. 180 с.

Сементовский В. П. Кафедра географии и этнографии Казанского университета за 25 лет // Приложение к протоколу заседаний Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1915. №295. 8 с.

Симонов И. М. Слово об успехах плавания шлюпов Восток и Мирного около света и особенно в Южном ледовитом море, в 1819, 1820 и 1821 гг., произнесенное в торжественном собрании Императорского Казанского университета 7 июля 1822 г. проф. и кавалером Симоновым. Казань, 1822 . 59 с.

Смесь // Ученые записки Казанского Императорского университета. 1857. Кн. 1. С. 11-12.

Смирнов И. Н. Задачи и значение местной этнографии. Из публичных лекций, читанных 6 и 12 апреля 1891 г. в пользу Общества Археологии, истории и Этнографии. Казань, 1891. 22 с.

Смирнов И. Н. Музей Отечестваведения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1892. Т. X. Вып. 4. . 442-446.

Смирнов И. Н. Этнография на Казанской научно-промышленной выставке. Казань, 1890. 36 с.

Сорокин Н. В. Путешествие к вогулам // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1873. Т. III. № 4. 59 с.

Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города / под ред. Н. П. Загоскина. Казань, 1895. 831 с.

Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. 268 с.

Суховский О. В. О шаманстве в Минусинском крае // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1901. Т. XVII. Вып. 2-3. С. 147-155.

Тураев Б. А. Описание Египетского собрания Музея древностей при Императорском Казанском университете. СПб., 1908. 20 с.

Устав Императорского Казанского университета. [Б.м.: Б.и.], 1804. 29 с.

Устав Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1878. Т. I. С. 7-14.

Физико-математический факультет в 1891/2 учебном году // Обзор преподаваний в весеннем полугодии 1891/2 учебном году. Казань, 1891. С. 1-19.

Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869. 443 с.

Фирсов Н. А. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве: Рассуждение, написанное для получения степени магистра русской истории. Казань, 1866. 268 с.

Хомяков М. М. Антропология в Казани за 43 года. Казань, 1914. 28 с.

Хомяков М. М. Эволюция вотского брака: свадебный обряд глазовских вотяков // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 4. С. 271-287.

Чугунов С. М. Результаты антропологической экскурсии к мордве Симбирской губернии в 1880 г. Казань, 1882. 36 с.

Шилевский С. М. Указатель исторических достопримечательностей города Казани. Казань, 1873. 66 с.

Шилевский С. М. О задачах деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. Казань, 1879. № 2. С. 63-92.

Яковкин И. Ф. Летоисчислительное изображение российской истории. Казань, 1814. 42 с.

Литература

125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблема историко-культурного развития Волго-Уральского региона: Этнографические исследования : сб. науч. докл. и сообщ. Ч. 3. / под ред. Г. Р. Столяровой. Казань, 2004. 171 с.

Аврус А. И. История Российских университетов. [Электронный ресурс]. М., 2001. Режим доступа: window.edu.ru/resource/980/46980/files/mion-ino-center03.pdf (дата обращения 20.05.2016)

Алиев И. А. Александра Андреевна Фукс (Апехтина): жизнь и деятельность [Электронный ресурс] // Немецкий дом Республики Татарстан. 2010. Режим доступа: <http://www.nd-rt.ru/2010/05/26/a-a-fuks-apextina-chast-ii/> (дата обращения: 10.06.2016).

Алымов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920-1950-е годы. М., 2006. 265 с.

Андреев М. К. Участник великого географического открытия профессор Казанского университета И. М. Симонов. Казань, 1956. 20 с.

Анучин Д. Н. К вопросу об устройстве музея народного быта и искусства в Москве // Казанский музейный вестник. 1920. №1-2. С. 14-23.

Анучин, Д. Н. О задачах русской этнографии // Этнографическое обозрение. 1899. №1. С. 1-35.

Артемьев А. И. Прогулки по Казани // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1849. № 3. С. 1-6.

Ахметова А. Р., Масалова О. А. Роль И. Н. Смирнова в создании университетского музея отечествоведения и музея Общества археологии, истории и этнографии /А. Р. Ахметова, О. А. Масалова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4-1. С. 40-43.

Багашев А. Н. Материалы к биографии Сергея Михайловича Чугунова (в связи со 150-летием со дня рождения) // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии: Сборник статей по материалам конференции, проведенной в Санкт-Петербурге в октябре 2004 г. СПб., 2006. С. 168-172.

Баженов В. Я. Свистопляска. Описание поминок и народных игр в окрестностях Вятки, в четвертую субботу после поминок // Казанские известия. 1817. № 53. С. 226-227.

Баранов Д. А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26-43.

Белоусова Н. А. Музеи в системе высшего образования Западной Сибири: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.03. Кемерово, 2009. 239 с.

Бертран Ф. Наука без объекта? Советская этнография 1920–1930-х годов и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. IV. № 2. С. 165–179.

Боголепова Л. З. Фондово-исследовательская деятельность музеев истории высших учебных заведений юга Западной Сибири: дис. ... кан. культурол. наук: 24.04.2009. Кемерово, 2011. 252 с.

Бурлыкина М. И. История музеев высших учебных заведений дореволюционной России: дис. ... д-ра культурол. наук: 24.04.2009. СПб., 2001. 449 с.

Бурлыкина М. И. История становления и развития университетских музеев дореволюционной России: дис. ... канд. ист. наук: 17.00.07. М., 1994. 195 с.

Бурлыкина М. И. Московский государственный университет: история музейного дела (1755-2015). М., 2015. 319 с.

Бурлыкина М. И. Музеи высших учебных заведений дореволюционной России (1724-1917 годы). Сыктывкар, 2000. 238 с.

Бурлыкина М. И. Музеи высших учебных заведений России на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы музеологии. 2012. 1(5). С. 88-97.

Бурлыкина М. И. Музейное дело в университетах дореволюционной России // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 1. С. 136-155.

Бурлыкина М. И. Становление музейного дела в Московском университете // Человек. Культура. Образование. 2014. № 4 (14). С. 95-112.

Бурлыкина М. И. Университетские музеи дореволюционной России (XVIII-первая четверть XX вв.). Сыктывкар, 1996. 204 с.

Бусыгин Е. П. История географии. Казань, 1998. 213 с.

Бусыгин Е. П. Полвека полевой этнографии // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 117–136.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К столетию кафедры этнографии в Казанском университете // Советская этнография. 1989. № 4. С. 78–83.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Николай Иосифович Воробьев, 1894–1967. Казань, 2002. 22 с.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Русские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // Советская этнография. 1958. № 5. С. 107–112.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002. 202 с.

Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Этнография в Казанском университете. Первая половина XIX в. // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань, 1998. Т. 134. С. 33–40.

Бусыгин, Е. П. Николай Иосифович Воробьев (к 100-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 145–151.

Бэр К. М. Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки Российского географического общества. 1846. Кн. 1. С. 94–115.

Валеев Р. М. Василий Павлович Васильев. Казань, 2002. 19 с.

Валеев Р. М. Осип Михайлович Ковалевский. Казань, 2002. 19 с.

Валеев Р. М. Феномен университетского востоковедения в Казани: истоки и развитие (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. 2005. Т. 147. Кн. 2. С. 35–48.

Валеев Р. М., Тугужекова В. Н. Профессор Н. Н. Катанов и его вклад в изучение этнографии и фольклора тюркских народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. 2011. № 1 (9). С. 186–238.

Василевская А. В. Иннокентий Васильевич Тюшняков – неизвестный исследователь Енисейского края // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. Красноярск, 2014. С. 11–13.

Вишневский Б. Н. Антропология в музее местного края // Казанский музейный вестник. 1920. №3–4. С. 20–27.

Вишневский Б. Н. По музеям Казанского края // Казанский музейный вестник. 1920. №7–8. С. 67–82.

Вовина О. П. Научные общества в истории отечественной этнографии второй половины XVIII – начала XX вв. Чебоксары, 1993. 116 с

Воробьев Н. И. К истории естественно-исторических музеев // Казанский музейный вестник. 1922. №1. С. 69-77.

Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П. Китайские коллекции в музеях Казани // Советская этнография. 1954. № 2. С. 169-171.

Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Краткие путеводители по университету. Этнографический музей. Казань, 1957. 22 с.

Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Тувинские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // Советская этнография. 1957. № 3. С. 164-167.

Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Юсупов Г. В. Этнографические наблюдения И. М. Симонова на островах Тихого океана // Известия Всесоюзного Географического общества. 1949. № 5. С. 497-504.

Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П., Юсупов Г. В. Этнографический музей Казанского государственного университета // Советская этнография. 1948. № 1. С. 222-225.

Ворошин С. Д. К истории формирования университетских музеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 2. С. 97-102.

Вятчина М. В. Опыт визуализации этничности: исторический контекст собирания фотофонда «Вотяки» (из коллекции Этнографического музея Казанского университета) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etnosy.ru/node/542> (дата обращения: 10.06.2016).

Вятчина М. В. Этнографы-естествоиспытатели: участники студенческих экспедиций Казанского университета в 1910-1922 годах // Университет как научное, образовательное и культурное пространство. Казань, 2015. С. 22-30.

Горлов И. Я. Движение народонаселения в Казанской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1840. Кн. 1. С. 163-165.

Горлов И. Я. Калмыцкое народонаселение в России // Ученые записки Казанского университета. 1840. Кн. 1. С. 163-165.

Гущина Е. Г. “Познай самого себя”: кафедра географии и этнографии Казанского Императорского университета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11(49). Ч. 2. С. 72-75.

Гущина Е. Г. Роль Е. П. Бусыгина в комплектовании фондов Этнографического музея Казанского государственного университета // Краеведческие среды. Казань, 2009. Вып. 6. С. 7-10.

Гущина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета в первой четверти XX века // Бусыгинские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 декабря 2011 года. Казань, 2012. Вып.3. С. 48-57.

Гущина Е. Г. Этнографический музей Казанского университета: история формирования и основные этапы развития. Казань, 2013. 108 с.

Гущина Е. Г. Этнографическое собрание Казанского университета в первой четверти XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитар. науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 233 -240.

Дедков А. П. Петр Иванович Кротов, 1852-1914 гг. Казань, 2002. 14 с.

Дергачев, А. Ю. Сибирские научные общества в системе научных учреждений России (конец XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 2 (20). С. 80-86.

Дмитриенко Н. М., Черняк Э. И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81-90.

Дыртыкоол А. О. Становление музея «История и материальная культура народов центральной Азии» Тувинского государственного университета и перспективы его развития // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 170-173.

Залкинд Г. М. Народные музеи как средство внешкольного образования // Казанский музейный вестник. 1920. №5-6. С. 37-44.

Зорин Н. В. Бруно Фридрихович Адлер, 1874 – не ранее 1932. Казань, 2001 . 35 с.

Зорин Н. В., Решетов А. М. Бруно Фридрихович Адлер: основные этапы жизни и деятельности учёного //125 лет Обществу археологии, истории и этнографии. Сборник научных докладов и сообщений. Казань, 2004. Ч. 3. С. 27-34.

Ильина И. Н. Научные общества в Академии наук. 1920-1930-е гг. [Электронный ресурс] // Ученый совета Архива РАН 26 декабря 2013 г. Режим доступа: <http://www.arran.ru/?q=ru/node/424> (дата обращения: 10.06.2017).

Исаков А. П., Исаков Е. П. Летопись Казанского государственного университета (история в фактах, подтвержденных документами). Казань ; Лондон, 2004. Т. 1. 487с.

Исаченко А. Г. Развитие географических идей. М., 1971. С. 441.

Кабо В. Р., Бондарева Н. М. Океанийская коллекция И. М. Симонова // Культура народов Австралии и Океании. Ленинград, 1974. С. 101-102.

Казанцева О. А. Из истории музеев Удмуртского государственного университета // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2015. № 5. С. 10-14.

Керимова М. М. Институализации российской этнографической науки (последняя четверть XIX – начало XX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 1 (39). С. 358-381.

Керимова М. М. Российская этнология в 19-первой трети 20 столетия. Школы и методы // Гласник Етнографского института. 2015. Т. 63. № 1. С. 167-176.

Керимова М. М. Российское этнографическое музееведение и семья этнографов Харузиных // Primus inter pares К 175-летию со дня рождения В. В. Радлова. СПб., 2015. С. 100-123.

Керимова М. М. Становление и развитие российской этнографии последних десятилетий XIX – первой трети XX в. (на основе изучения научного наследия семьи Харузиных): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.07 / М. М. Керимова. М., 2013. 609 с.

Козлов В. Е. Казанская этнографическая школа: преемственность и инновации // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы: Сборник научных статей и сообщений. Казань, 2008. С. 51-54.

Козлова А. Н. История создания кабинета Д. И. Менделеева при Императорском Санкт-Петербургском университете в 1907-1911 гг. // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 60-68.

Конаков А. П. Д. А. Клеменц основатель Этнографического отдела Русского музея // Труды Института этнографии. М., 1968. Вып. 4. С. 45-61.

Корсаков С. Н. О Бурно Адлере и Институте человека // Человек. 2008. № 4. С. 5-10.

Кочнев Д. А. О погребальных обрядах якутов Вилуйского округа Якутской области // Известия Общества археологии, истории и этногра-

фии при Императорском Казанском университете. Казань, 1898. Т. XIV. Вып. 4. С. 468-469.

Краеведческие чтения : Материалы, посвященные 135-летию О-ва естествоиспытателей при КГУ, 110-летию М. Г. Худякова, (22-25 марта 2004 г.) / Ин-т истории АН РТ ; Нац. музей РТ . Казань, 2004 . 484 с.

Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1971. Вып. VII. С. 9-120.

Кузнецова Л. О. Документы о деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете в Национальном архиве РТ [Электронный ресурс] // Краеведческие чтения. 2004. Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymousain/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/46kraeved/1estestvoisp (дата обращения: 10.06.2016).

Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России: становление и место в музейном мире: XVIII – первая треть XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. Москва, 2011. 294 с.

Кузьминых С. В., Вдовин А. С. В. А. Городцов и Е. А. Гольмшток: К истории советско-американских научных связей в области археологии в 1920-30-е годы // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России: МВНПК, посвященной 150-летию В. А. Городцова. Рязань. С. 48-57.

Лаптева А. К., Лучников А. С. Профессор Сергей Николаевич Лаптев – организатор профессионального географического образования в Пермском университете // Географический вестник. 2015. № 4. С. 68-77.

Левченко В. В., Левченко Г. С. Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьба // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 105-113.

Лобачева Е. Э. Музейный комплекс Казанской духовной академии: 1842-1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Казань, 2012. 251 с.

М. Е. Евсеев: жизнь мордвы в фотографиях: [фотоальбом] : к 140-летию со дня рождения / сост. Лузгин А. С., Мокшин Н. Ф., Шигурова Т. А. Саранск:, 2004. 174 с.

Макарова Е. М. Деятельность Общества естествоиспытателей при Казанском университете: казанская школа антропологии / Е. М. Макарова // Роль Общества археологии, истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья. Казань, 2014. С. 50-53.

Масалова О. А. Коллекция немецких вотивных предметов из фондов Этнографического музея Казанского университета // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4-1. С. 46-50.

Масалова О. А., Гущина Е. Г. Многообразие исламского мира в коллекциях Этнографического музея КГУ // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы. Казань, 2009. С. 19-21.

Масалова О. А., Гущина Е. Г. Этнографические наблюдения в Южной Америке профессора В. Ф. Берви // Латинская Америка. 2012. №6. С. 64-73.

Михайлова М. В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1993. 163 с.

Могиланский Н. М. Этнография и ее задачи (по поводу одной книги) // Ежегодник Русского антропологического общества. 1908. Т. 3. С. 1-14.

Мошкина Е. Н. Религиозная жизнь мордвы в работах М. Е. Евсевьева // Краеведческие записки. 2013. № 20. С. 56-60.

Мошкина Е. Н. Этнографическому музею университета – 25 лет // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2005. № 1 (5). С. 257-259.

Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878) / науч. ред. Р. М. Валеев; отв. ред. И. В. Кульганек. Казань, 2004. 283 с.

Морозова Е. Г. Ведомственные общественные музеи Западной Сибири во второй половине XX-начале XXI вв.: Изменение статуса и функций на материалах Омска и Новосибирска: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Омск, 2003. 345 с.

Мубаракшина А. Г. Деятельность общественных организаций Казанской губернии в хозяйственно-экономической и социально-культурной сфере (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2010. 282 с.

Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: сборник документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулёпова. М., 2010. 957 с.

Музейное дело России / под общ. ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. М., 2003. 676 с.

Мурзинцева А. Е. Музеи Российской академии наук: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. культурол. наук: 24.00.03. Улан-Удэ, 2006. 184 с.

Мустафина Г. М. Основатель этнографии татарского народа Карл Фукс [Электронный ресурс]. // Tatarica № 1. 2013. Режим доступа: http://kpfu.ru/docs/F1170137306/18_Mustafina.rus.pdf (дата обращения 10.06.2016).

Мухина З. З. Трансформация статуса женщины в русской крестьянской семье середины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра. ист. наук: 07.00.07. Москва, 2014. 691 с.

Н. Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / под ред. Р. М. Валеева, В. Н. Тугужекова. Казань-Абакан, 2008. 353 с.

Назипова Г. Р. «Для распространения наук и просвещения»: страницы музейной жизни Казанского университета в XIX – начале XX века // Родина. 2009. № 1. С. 68–70.

Назипова Г. Р. «Наше время – эпоха выставок»: к истории выставочной деятельности научного сообщества Казани (XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского гос. университета. Сер. История. Политология. 2008. № 4/3. С. 173–178.

Назипова Г. Р. «Широкий доступ для большой публики»: университетские музеи в культурном ландшафте Казани (XIX – начало XX в.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4 (26). С. 1023–1033.

Назипова Г. Р. К истории Кабинета редкостей Императорского Казанского университета // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 27-35.

Назипова Г. Р. Казанский университет и музеи: проблема культурного взаимодействия: XIX - начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Казань, 2009. 513 с.

Назипова Г. Р. Музейная деятельность научных обществ дореволюционной Казани // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2006. Спец. вып.: Новые гуманитарные исследования. С. 171–179.

Назипова Г. Р. Музейные функции учебно-вспомогательных учреждений Казанского университета (XIX – начало XX в.) // Вестник РГГУ: Научный журнал. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2009. № 15/09. С. 283-291.

Назипова Г. Р. Университет и музей: исторический опыт Казанской губернии. Казань, 2004. 395 с.

Образование и деятельность Отделения этнографии Императорского Русского географического общества [Электронный ресурс] // РГО. – Режим доступа: <https://www.rgo.ru/ru/proekty/etnografiya/istoriya-etnografii-v-rgo/obrazovanie-i-deyatelnost-otdeleniya-etnografii-irgo> (дата обращения: 20.08.2017).

Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья / отв. ред. Е. П. Бусыгин, Р. Г. Кашафутинов. Казань, 1976. 192 с.

Полянская О. Н. Деятельность сибирской интеллигенции первой половины XIX в. по изучению истории и языка монгольских народов // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 2(19). С. 55-61.

Пытин А. Н. Как понимать этнографию? // Этнографическое обозрение. 1994. №4. С. 93-100.

Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т.1. 424 с.

Разгон А. М. . Этнографические музеи в России (1861 – 1917 гг.) // Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 231-268.

Разгон А. М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. V. С. 189-275.

Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1. 340 с.

Репрессированные этнографы / сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. 494 с.

Решетов А. М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75-85.

Решетов А. М. Д. А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Пигмалион музейного дела в России (К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб., 1998. С. 59-94.

Решетов А. М. Радлов директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 137-155.

Решетов А. М. Материалы к биобиблиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб., 2012. 579 с.

Решетов М. А. Академик В. В. Радлов- востоковед и музейевед (основные этапы деятельности) // Радловский сборник. Научные исследования и проекты МАЭ РАН в 2002 г. СПб., 2002. С. 95-101.

Рихтер О. Идеальные и практические задачи этнографических музеев (перевод с немецкого В. Харузиной) // Казанский музейный вестник. 1921. №3-6. С. 3-38.

Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / редкол.: В. Л. Янин и др. Москва, 2001.

Руденко К. А. Музейная деятельность Б. Ф. Адлера (Казанский период) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 29-35.

Русские открытия в Антарктиде / Под ред. В. И. Сементовского. М., 1951. 310 с.

Рыкун М. П. Кабинету антропологии Томского государственного университета 50 лет: история, персоналии, перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3. С. 13-19.

Сайфутдинова Г. Б. Музей истории университета: традиции и перспективы // Вестник современной науки. 2016. № 9 (21). С. 79-80.

Свинин В. В., Сазонова С. А. Доцент В. И. Подгорбунский: археолог, этнограф, геолог // Дуловские чтения 1997 года: материалы докладов и сообщений. Иркутск, 1997. С. 161-164.

Сергеев Т. С. «Визитная карта» Чувашского университета: 45 лет функционирования музея И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 138-141.

Сидорова И. Б. Музеи Казанского университета в 1920-е годы: судьба гуманитарной составляющей // Вопросы музеологии. 2012. №1. С. 113-123.

Сидорова И. Б. Музеи Казанского университета на заре советской эпохи (1917-1929 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 3. С. 227-239.

Сидорова И. Б. Учёное братство: Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1931 годы). Казань, 2014. 304 с.

Сидорова И. Б. Этнографический музей Казанского университета в 1930-е гг. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. №4. С. 61-66.

Синицына К. Р. Полвека музеев Казани и Татарии: Очерки истории 1917-1967 гг. Казань, 2002. 277 с.

Слезкин Ю. Л. Советская этнография в нокдауне: 1928-1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113-125.

Соболева Е. С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX – начале XX века // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006г. СПб., 2007. С. 78-81.

Соловей Т. Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.

Соловей Т. Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998. 258 с.

Станюкович Т. В. Антропологии и этнографии музеев // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 29–30.

Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии наук Москва-Ленинград, 1953. 240 с.

Станюкович Т. В. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии (К 125-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. 1986. № 5. С. 81-91.

Станюкович Т. В. Музеи этнографические // Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 787-790.

Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи: (По материалам этнографических музеев Академии наук). Ленинград, 1978. 286 с.

Станюкович Т. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // Советская этнография. 1981. № 1. С. 24-37.

Станюкович Т. В., Торэн М. Д. Дмитрий Константинович Зеленин // Советская этнография. 1954. № 4. С. 157-160.

Степанский А. Д. Научные общества при высших учебных заведениях дореволюционной России // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 210-239.

Степанский А. Д. Первые исторические общества России // Вопросы истории. 1973. № 12. С. 204–208.

Столярова Г. Р., Гущина Е. Г. История формирования этнографического собрания Казанского университета во второй четверти XIX - первой четверти XX вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4(2). С. 106-111.

Столярова Г. Р., Гущина Е. Г. Роль Этнографического музея Казанского государственного университета в изучении народов Поволжья и Приуралья // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Проблемы истории и геополитики. Чебоксары, 2006. С. 327-334.

Столярова Г. Р., Титова Т. А., Гущина Е. Г. Восточные коллекции Кабинета редкостей Казанского Императорского университета // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. №4 (2). С. 37-40.

Терюков А. И. Андрей Владимирович Журавский: жизнь и идеи // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 73-84.

Терюков А. И. В. М. Флоринский и М. К. Сидоров // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2(22). С. 199-203.

Тетюков А. И. Коллекции И. Н. Шухова в Собрании МАЭ // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 225-232.

Тетюков А. И., Салмин А. К. Первая музейная коллекция одежды народов Волго-Камья в Кунсткамере Санкт-Петербургской Академии наук // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 5-3. С. 42-51.

Тетюков А. И., Салмин А. К. Основатель этнографических коллекций Кунсткамеры // Наука в России. 2014. №1. С. 53-56.

Титова Т. А., Вятчина М. В. К истории одной этнографической карты, или этнореальность в объективе (к 130-летию со дня рождения чувашского фольклориста и этнографа Гурия Ивановича Комиссарова) // Живая старина. 2013. № 1. С. 48-50.

Титова Т. А., Козлов В. Е., Гущина Е. Г. К исследованию в естественно - историческом отношении восточного края России и Сибири»: роль Общества естествоиспытателей при Казанском университете в развитии этнографии в первой четверти ХХв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 37. Вып.3. С. 689-696.

Титова, Т. А., Гущина Е. Г. «Восточные коллекции» в фондах Этнографического музея Казанского университета // Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР: Материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2007. С. 38-40.

Титова, Т. А., Гущина Е. Г. Роль Бруно Фридриховича Адлера в развитии этнографии в Казанском университете // Многонациональный регион как культурно-исторический феномен: IV Бусыгинские чтения. Казань, 2013. С. 280-284.

Токарев С. А. История русской этнографии / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2015. 656 с.

Токсубаева Л. С., Титова Т. А., Козлов В. Е., Гущина Е. Г. Этнография в Казанском университете // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России. Казань, 2008. Ч. 2. С. 74-78.

Томилов Н. А., Патрушева Г. М. 30 лет Музею археологии и этнографии Омского государственного университета // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 116-127.

Турьинская Х. М. Этнографическое музееведение в России в конце XIX – начале XX в. М., 2008. 312 с.

Ученые – исследователи Калмыкии (XVII – начало XX вв.). Библиографический указатель /сост. П. Э. Алексеев, Л. Ю. Ланцанова. Элиста, 2005. 251 с.

Фукс А. А. О чувашах и черемисах Казанской губернии: записки Александры Фукс. Казань, 1840. 326 с.

Фукс К. Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. 131 с.

Хабибуллин А. А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1878–1929 гг.). Казань, 2006. 157 с.

Хабибуллин М. З., Кострюков М. А. Казанское востоковедение XIX – первой половины XX вв.: П. К. Жузе. Казань, 2012. 311 с.

Харузин Н. Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском Университете [Электронный ресурс]. СПб., 1905. 827 с. Режим доступа: <http://znanium.com> (дата обращения 20.05.2016).

Шангина И. И. Этнографические музеи Ленинграда в первые годы Советской власти (1918-1923 гг.) // Советская этнография. 1987. № 5. С. 71-80.

Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX в. // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71-81.

Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. Харьков, 1919. 103 с.

Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. М.-Л., 1929. 248 с.

Яковлев В. И. Казанская этнографическая школа: новые источниковедческие подходы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 40-42.

Яковлев В. И. Этнографическое музееведение Казани: актуальные проблемы периодизации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2 (19-1). С. 233-237.

Arhivnye istochniki

Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Tatarstan (GA RT)

Dokumenty o komandirovani i prebyvanii magistra Vasil'eva V. P. v Kitae s pekinskoy duhovnoy missiey // F. 977. Op. Sovet. D. 2283. 115 l.

Dokumenty o naznachenii na Sokolovskgo I. V. na dolzhnost' hranitelya muzeya etnografii, drevnostey i izyashchnyh iskusstv // F. 977. Op. Sovet. D. 5792. 6 l.

Dokumenty o nauchnom puteshestvii v Irkutsk i Mongoliyu kandidata O. Kovalevskogo i studenta Popova. T. 2 // F. 977. Op. Sovet. D. 1267. 114 l.

Dokumenty o perevode v Sankt-Peterburgskiy universitet razryada vostochnoy slovesnosti Kazanskogo universiteta // F. 977. Op. Sovet. D. 3669. 140 l.

Dokumenty o perevode kabineta estestvennoy istorii v novoe pomeshchenie // F. 977. Op. Sovet. D. 169. 4 l.

Dokumenty o pereustroystve muzeya etnografii drevnostey i izyashchnyh iskusstv, ob otpuske 500 rub. iz summ Ministerstva na proektirovanie muzeya Otechestvovedeniya // F. 977. Op. Sovet. D. 7716. 15 l.

Dokumenty o podgotovke rechi i otcheta k torzhestvennomu sobraniyu v 1915 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 13018. 296 l.

Dokumenty o podgotovki rechi i otcheta k torzhestvennomu sobraniyu v 1916 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 13242. 444 l.

Dokumenty o pozhertvovanii v dar universitetu knig i veshchey dlya ego muzeev // F. 977. Op. Sovet. D. 1001. 27 l.

Dokumenty o sozdanii i deyatelnosti komiteta dlya priema i proverke vsego dvizhimogo i nedvizhimogo imushchestva universiteta // F. 977. Op. Sovet. D. 1065. 66 l.

Dokumenty o sozdanii pri universitete natural'nogo kabineta // F. 977. Op. Sovet. D. 210. 7 l.

Dokumenty o sostave i deyatelnosti universiteta za 1909 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 11850. 200 l.

Dokumenty o sostave i deyatelnosti universiteta za 1912 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 12409. 219 l.

Dokumenty o sostoyanii universiteta i ego uchebno-vspomogatel'nyh uchrezhdeniy, plany mestam i sadam prinadlezhashchim universitetu // F. 977. Op. Sovet. D. 418. 99 l.

Dokumenty ob izbranii Korsakova D. A. na dolzhnost' hranitelya muzeev pri kabinete etnografii, drevnostey i izyashchnyh iskusstv // F. 977. Op. Sovet. D. 5621. 10 l.

Dokumenty ob uvolnenii prof. Kupfera s dolzhnosti smotritelya nad kabinetom redkostey i naznachenii na etu dolzhnost' prof. Erdmana // F. 977. Op. Sovet. D. 1052. 2 l.

Izveshchenie popechitelya Kazanskogo uchebnogo okruga o pozhertvovanii Prutchenko v dar universitetu veshchey iz Egipta // F. 977. Op. Sovet. D. 5119. 5 l.

O pokupke u adyunkta Kovalevskogo kitayskih, mongol'skih, man'chzhurskih kostyumov i drugih redkostey, i o pokupke dlya kabineta redkostey u Gribovskoy // F. 92. Op. 1. D. 4251. 24 l.

O priobretenii v techenii poslednego desyatiletia dlya kabinetov bibliotek i drugih sobraniy // F. 92. Op. 1. D. 4523. 56 l.

O priobretenii dlya sushchestvuyushchego pri Kazanskom universitete muzeya drevnostey starinnyh kamennyh sharov i drugih russkih drevnostey ot 19 avgusta 1857 g. // F. 92. Op. 1. D. 7322. 13 l.

O raspredelenii po otdel'nym uchebno-vspomogatel'nym uchrezhdeniyam Fakul'tetov lits mladshogo prepodavatel'skogo personala i o sochuvstvuyushchey razverstke sredstv, soobrazno predstavleniyu Min.Narod.Prosvyashchniya v Gosudarstvennuyu Dumu // F. 977. Op. Fizmat. D. 2285. 24 l.

O reorganizatsii Muzeya Otechestvovedeniya // F. 977. Op. Istfilfak. D. 2186. 27 l.

O hodataystve novogo pomeshcheniya dlya muzeya etnografii, drevnosti i izyashchnykh iskusstv i pomeshcheniya dlya auditorii prof. Belyaeva // F. 977. Op. Istfilfak. D. 1182. 2 l.

Ob opredelenii kandidata Kuznetsova hranitelem muzeya etnografii, drevnostey i iskusstv i kabineta monet i medaley pri Kazanskom universitete // F. 977. Op. Istfilfak. D. 1123. 2 l.

Ob udovletvorenii nuzhd uchebno-vspomogatel'nykh uchrezhdeniy fakul'teta v 1902 godu // F. 977. Op. Fizmat. D. 1781. 34 l.

Ob udovletvorenii nuzhd uchebno-vspomogatel'nykh uchrezhdeniy fakul'teta v 1916g. // F. 977. Op. Fizmat. D. 2495. L.

Ob uluchshenie Muzeya Otechestvovedeniya // F. 977. Op. Istfilfak. D. 1395. 15 L.

Ob uchrezhdenii pro geograficheskome kabinete dolzhnosti sverhshtatnogo laboranta s soderzhaniem po 600 rub. v god i ob opredelenii na onuyu kandidata estestvennykh nauk M. A. Aleksandrova // F. 977. Op. Fizmat. D. 1612. 13 l.

Otchet o deyatel'nosti universiteta za 1881 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 6820. 290 l.

Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti kazanskogo universiteta za 1854 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 3659. 83 l.

Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti universiteta za 1850 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 3198. 104 l.

Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti universiteta za 1866 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 4991. 94 l.

Otchet o sostoyanii universiteta za 1816 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 250. 41 l.

Otchet o sostoyanii universiteta i Kazanskoy gimnazii, dokumenty dlya ego sostavleniya za 1816 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 251. 40 l.

Otchety o rabote kabinetov minerologii, etnografii i geografii, o nauchnykh komandirovkah professora V.Lepeshkina za 1920god // F. R1337. Op. 1. D. 38. 7 l.

Po voprosu ob usilenii propusknoy sposobnosti uchebno-vspomogatel'nyh uchrezhdeniy fakul'teta // F. 977. Op. Fizmat. D. 2579. 64 l.

Po povodu uchastiya v Kazanskoy nauchno-promyshlennoy vystavke letom 1890 goda // F. 977. Op. Fizmat. D. 1202. 8 l.

Po sobraniyu bumag k svedeniyu rukovodstva // F. 977. Op. Istfilfak. D. 1884. 6 l.

Po hodataystvu zaveduyushchego kabinetom geografii i.d.e.-ord.prof. B. F. Adlera nazvat' etot kabinet «Kabinetom geografii i etnografii» i o dal'neyshe ustroystve etogo kabineta // F. 977. Op. Fizmat. D. 2341. 5 l.

Po hodataystvu o pomeshchenii v Kabinete geografii i etnografii portreta osnovatelya kabineta pokoynogo zaslužennogo professora P.I.Krotova // F. 977. Op. Fizmat. D. 2444. 4 l.

Predvaritel'nyy otchet o poezdke v Obdorskiy kray letom 1914 goda V. Novitskogo // F. 39. Op. 1. D. 83. 73 l.

Protokoly zasedaniy Obshchestva estestvoispytateley Kazanskogo universiteta 1913-1914. Sorok pyatyy god // NA RT. F. 39. Op. 1. D. 81.

Protokoly zasedaniya Obshchestva estestvoispytateley pri Imperatorskom Kazanskom universitete za 1911-1912. Sorok tretiy god // NA RT. F. 39. Op. 1. D. 79.

Svedeniya o sostoyanii klinik, fakul'tetov, tipografiy universiteta za 1878 g. // F. 977. Op. Sovet. D. 6422. 205 l.

Spisok veshchey, peredannyh prof. Simonovym v kabinet estestvennoy istorii i biblioteku // F. 977. Op. Sovet. D. 413. 11 l.

Arhiv Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo (Privolzhskogo federal'nogo universiteta (AF EMU)

Avstraliya i Okeaniya // F.Opisi. Op. MEKU. D. 3.

Aziya. Paleoaziaty // F.Opisi. Op. MEKU. D. 4.

Amerika // F.Opisi. Op. MEKU. D. 1.

Antropologicheskaya tablitsa // F. Kafedra. Op. Tablitsa. D. 1.

Afrika // F.Opisi. Op. MEKU. D. 2.

Buddiyskie kul'tovye izobrazheniya. Ot YA. P. Koksina // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 81.

Buddiyskie kul'tovye predmety ot M. G. Bryanskoy iz Verhneudinska // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 68.

Chuvashskaya odezhda i golovnye ubory iz YAdrinskogo uezda Kazanskoy gubernii // F. Opisi. Op. OAIE. D. 22.

Chukchi – kollektsiya ot sidyachih chukchey, priobretnennaya ot G. Vebera v 1911 godu // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 38.

Gol'dy – Ussuriyskogo kraya. Ot I. A. Lopatina. Dar. May 1916 goda // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 113.

Gruziny – ot studenta G. Gachechiladze dar 25/XII-1915g. // F. Opisi. Op. Raznye narody. D. 78.

Dokumenty o deyatel'nosti kafedry // F. Kafedra. Op. OAIE. D. 1.

Drevnosti Peru i Meksiki. Iz Muzeya Umlyaufa v Gamburge // F. Opisi. Op. Amerika. D. 164.

Evreyskie kul'tovye predmety iz Elizavetograda, dostavlennye studentom Vaysanbergom v 1916 godu // F. Opisi. Op. Raznye narody. D. 102.

Kazanskie tatary. Dar B. F. Adlera. 1912 god // F. Opisi. Op. Tatary. D. 66.

Kazanskie tatary. Ukrasheniya ot Ishmeeva. 1912 god // F. Opisi. Op. Tatary. D. 61.

Kigrizy – dar studenta Burova // F. Opisi. Op. Srednyaya Aziya. D. 42.

Kirgizskie veshchi ot kirgiza Karkatalinskogo uezda Smail Baytenevich Bayteneva. CHerez studenta V. Burova, dar 1912 goda // F. Opisi. Op. Srednyaya Aziya. D. 52.

Kirgizy Semipalatinskoy oblasti. Priobreteno ot studenta Kol'tsova // F. Opisi. Op. Srednyaya Aziya. D. 97.

Kirgizy. Kolleksiya studenta Kol'tsova // F. Opisi. Op. Srednyaya Aziya. D. 74.

Kitayskaya igrushka iz Pekina. Dar prof. B. F. Adlera v 1912 godu // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 65.

Kitayskie kul'tovye i bytovye veshchi, kuplennye u Stepsinoy v 1911 godu // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 33.

Kitayskie nefritovye vazochki, kuplennye u gr. Stezhinskoy v 1912 goda // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 41.

Kitayskie predmety. Dar V. I. Gracheva // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 106.

Kitayskie predmety. Dar V. I. Gracheva. 1915 g. // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 109.

Kitaytsy. Ot br. Gurfinkel' // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 79.

Kovshi // AF EMU. – F. Opisi. – Op. Narody Povolzh'ya. – D. 192. – №1-35.

Kolleksiya veshchey ostyakov Berezovskogo okruga, podarennaya odnim litsom Obshchestvu i peredannaya tuda K. I. Faddeevym // F. Opisi. Op. OAIE. D. 92.

Kolleksiya votivov ot Ebenbena, Germaniya // F. Opisi. Op. Raznye narody. D. 48.

Kolleksiya iz Afriki ot gr. Konietsko iz Gamburga. Priobretena v 1912 g. (otkuda predmety neizvestno, ibo opisaniya net) // F. Opisi. Op. Afrika. D. 45.

Kolleksiya mordovskih odezhd M. E. Evsev'eva. Priobretena v 1916 godu // F. Opisi. Op. Mordva. D. 175.

Kolleksiya nizovyh ostyakov Berezovskgo kraya Tobol'skoy gubernii, sobrannaya studentom V. M. Novitskim v 1912 g. 19/XI. Priobretenie // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 54..

Kolleksiya ostyakov s reki Vaya, sobrannaya S. K. Kuznetsovym i pozhertvovannaya Obshchestvu // F. Opisi. Op. OAIE. D. 90.

Kollektsiya po bytu kitaytsev-zverolovov Ussuriyskogo kraia. Dar ot Direktora Muzeya v Habarovske V. K. Arsen'eva // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 72.

Kollektsiya po Eniseyskim ostyakam, sobrannaya v 1916 godu I. V. Tyushnyakovym po porucheniyu Obshchestva estestvoispytateley // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 122.

Kollektsiya po Eniseyskim ostyakam, sobrannaya I. V. Tyushnyakovym letom 1916 goda po porucheniyu Obshchestva estestvoispytateley // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 123.

Kollektsiya po narodnostyam Severnoy Ameriki (tuzemtsam), priobretnennaya ot Umlaufa v 1902 godu // F. Opisi. Op. Amerika. D. 165.

Kollektsiya predmetov byta i kul'tury narodov Okeanii i Avstralii. Priobretena v Muzee Umlaufa v Gamburge v 1903 godu // F. Opisi. Op. Avstraliya i Okeaniya. D. 2.

Kollektsiya razlichnyh predmetov iz Patagonii (YU. Amerika), priobretennyh v 1912 g. u Konietsko iz Gamburga // F. Opisi. Op. Amerika. D. 46.

Kollektsiya, priobretnennaya ot Firmy Umlauf'a v Gamburge 11 noyabrya 1902 goda (№ inventarya 20) za 1000 marok // F. Opisi. Op. Afrika. D. 1.

Koreyskie veshchi. Sobrany N. I. Vorob'evym // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 202.

Krymskie tatary. CHedry, kuplennye u Ishmeeva v 1912 godu // F. Opisi. Op. Tatary. D. 56.

Litovskaya kollektsiya ot byvshego studenta Kossilovskogo iz Kovenskoy gub. // F. Opisi. Op. Raznye narody. D. 90.

Mongoliya. Predmety buddiyskogo kul'ta (zhertvennye sosudy) ot studenta Erofeeva A. A. // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 1119.

Mongoly. CHashechki kitayskogo proiskhozhdeniya ot YA. P. Koksina. Mart 1916 g. // F. Opisi. Op. Vostochnaya Aziya. D. 107.

Mordva s. Atyasheva Arzamasskogo uezda Simbirskoy gubernii // F. Opisi. Op. Mordva. D. 176.

Mordovskie golovnye ubory iz razlichnyh mest. Priobreteny u M. E. Evsev'eva v 1912 godu // F. Opisi. Op. Mordva. D. 39.

Orochi bliz Imperatorskoy Gavani (Primorskaya oblast'), sobrannaya v 1914 g. K. Pavlenko // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 85.

Ostrova Tihogo okeana: N. Zelandiya, o-v Ono, Taiti i dr., peredany v Muzey iz Muzeya Otechestvovedeniya v 1912 godu. Dostavleny prof. Simonovym v 1821 godu iz ekspeditsii Bellinsgauzena // F. Opisi. Op. Avstraliya i Okeaniya. D. 160.

Pis'ma iz muzeya Umlaufa // F. Perepiska. Op. Pis'ma i zaprosy. D. 12.

Russkaya naboyka iz Ekaterinburgskogo uezda Permskoy gubernii. D. Batimka. dostavil S. N. Laptev // F. Opisi. Op. Russkie. D. 130.

Russkaya odezhda raznyh mest. Kupleno u Bogomolova v 1903 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 9.

Russkaya utvar' iz Kostromskoy gub. Kupleno u Bogomolova v 1905 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 10.

Russkie Arhangel'skoy gub. Odezhda. Kupleno u Bogomolova v 1907 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 13.

Russkie birki. Dar studenta V. V. Lobanova v 1903 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 7.

Russkie Vyatskoy gubernii Elabuzhskogo uezda // F. Opisi. Op. OAIE. D. 42.

Russkie golovnye ubory iz Permskoy gubernii // F. Opisi. Op. OAIE. D. 26.

Russkie iz sela Soroch'i gory Laishevskogo uezda // F. Opisi. Op. OAIE. D. 41.

Russkie Makar'evskogo uezda Nizhegorodskoy gubernii. 1907 god // F. Opisi. Op. Russkie. D. 20.

Russkie nabivnye doski iz Kamyshnovskogo uezda Permskoy gubernii. Kamennyy zavod. Ot S. P. Lapteva // F. Opisi. Op. Russkie. D. 89.

Russkie naboynye doski iz naboynih zavedeniy g. Kazani // F. Opisi. Op. Russkie. D. 91.

Russkie Nizhegorodskoy gubernii // F. Opisi. Op. OAIE. D. 96.

Russkie Nizhegorodskoy gubernii, s. Lyskovo. Kupleno u Bogomolova v 1903 g. // F. Opisi. Op. Russkie. D. 5.

Russkie Nizhegorodskoy gubernii. Odezhda // F. Opisi. Op. Russkie. D. 21.

Russkie Nizhegorodskoy gubernii. Predmety odezhdy // F. Opisi. Op. Russkie. D. 19.

Russkie odezhdy Tambovskoy gub. kupleno u Bogomolova v 1907 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 15.

Russkie odezhdy, kuplennye u Bogomolova v 1908 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 25.

Russkie odezhdy, kuplennye u Bogomolova v 1908 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 26.

Russkie odezhdy, kuplennye u Bogomolova v 1908 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 28.

Russkie odezhdy. Kupleno u Bogomolova v 1905 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 11.

Russkie odezhdy. priobreteny v 1908 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 29.

Russkie tryapichnye kukly i drugie igrushki iz Vyatskoy gubernii. Priobreteny u K. V. SHCHennikovoy v 1912 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 44.

Russkie. Odezhda. Kupleno u Bogomolova v 1903 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 6.

Russkie. Utvar' iz Vyatskoy gubernii. Priobretena v 1903 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 8.

Russkiy kostyum Tambovskoy gubernii iz uezda Nizhne-Spasskoy volosti d. Ozerki. Dar A. G. Murav'eva v 1915 godu // F. Opisi. Op. Russkie. D. 92.

Samoedy – Arhangel'skoy gubernii, TSimleevskoy volosti. Ot yubileynoy TSarskosel'skoy vystavki 1915 g. Dar // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 76.

Serebryanye pol'skie katolicheskie votivy, kuplennye v 1913 godu u studenta Kossilovskogo i podarennye prof. B. F. Adlerom // F. Opisi. Op. Raznye narody. D. 80.

Sibir' // F. Opisi. Op. MEKU. D. 5.

Sibir' // F.Opisi. Op. MEKU. D.6.

Soyoty Urunhayskogo kraya. Kolleksiya sobrana S. A. Teplouhovym na sredstva Obshchestva estestvoispytateley // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 172.

Tablitsy duhovnogo sodержaniya // F. Opisi. Op. Tatary. D. 112.

Tatarskie religioznye kartiny // F. Opisi. Op. Tatary. D. 104.

Telengety s Kargonskogo hrebta na Altae. Kul'tovyy predmet, dostavlennyy A. A. Polovinkinym v 1916 godu. Dar // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 115.

Tsentrал'naya Amerika. Iz Muzeya Otechestvovedeniya. Pozhertvovana v 1857 godu ot prof. Bervi // F. Opisi. Op. Amerika. D. 166.

Tungusy. Kupleno u Bogomolova v 1907 godu // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 14.

Tungusy. Peredano iz Muzeya Otechestvovedeniya // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'ney Vostok. D. 151.

Uzbekskaya kolleksiya, dostavlena studentom Lyubimovym iz Tashkenta // F. Opisi. Op. Srednyaya Aziya. D. 100.

Ukrasheniya kazanskih tatar. Kupleny u Ishmeeva v 1912 godu // AF EMU. – F. Opisi. – Op. Tatary. – D. 67. – № 1-24.

Ussuriyskie gol'dy. Sobrano v 1916 godu po porucheniyu Obshchestva estestvoispytateley studentom N. I. Vorob'evym i E. A. Golomshtokom // F. Opisi. Op. Sibir' i Dal'niy Vostok. D. 150.

Опубликованные источники

Adler B. F. Vserossiyskiy Tsentral'nyy Etnograficheskiy muzey v Moskve // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii. Kazan', 1920. T. XXX. Vyp. 4. S. 465-493.

Adler B. F. Geografiya v Kazanskoy universitete za 25 let. Kazan', 1914. 5 s.

Adler B. F. Glavmuzei // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1921. № 3-6. S. 39-61.

Adler B. F. Znak s ostrova Ono. Kazan', 1916. 4 s.

Adler B. F. Inventar', katalog i ih znachenie v muzei // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. № 3-4. S. 14-15.

Adler B. F. Iskustvo v osveshchenii etnologii // Pervaya gosudarstvennaya vystavka iskusstv i nauki v Kazani. Kazan', 1920. S. 79-92.

Adler B. F. Kolleksiya Siklera // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1922. № 2. S. 35-47.

Adler B. F. Nauchnye obshchestva i muzei pri nih // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. № 5-6. S. 45-19.

Adler B. F. Oblastnye i mestnye muzei // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. № 1-2. S. 5-13.

Bellinsgauzen F. F. Dvukratnye izyskaniya v YUzhnom Ledovitom okeane i plavanie vokrug sveta v prodolzhenie 1819, 20 i 21 godov, sovershennyye na shlyupah "Vostoke" i "Mirnom" pod nachal'stvom kapitana Bellinsgauzena komandira shlyupa "Vostok". SHlyupom "Mirnym" nachal'stvoval leytenant Lazarev / [Pod red., so vstup. stat'ey "Pervaya Russkaya antarkticheskaya ekspeditsiya 1819-1821 gg., s. 7-30 i komment. E. E. SHvede]: 2-e izd. Moskva, 1949. s. 360.

Bervi V. F. Otryvki iz zapisok puteshestvennika // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1835. Kn. 4. S. 290-329.

Bervi V. F. Otryvki iz zapisok puteshestvennika // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1836. Kn. 2. S. 105-146.

Bervi V. F. Otryvki iz zapisok puteshestvennika // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1837. Kn. 1. S. 3-56.

Chugunov S. M. Rezul'taty antropologicheskoy ekskursii k mordve Simbirskoy gubernii v 1880 g. Kazan', 1882. 36 s.

Evsev'ev M. E. Bratchiny i drugie religioznye obryady mordvy Penzenskoy gubernii // ZHivaya starina. 1914. Kn. 23. Vyp. 1-2. S. 1-44.

Evsev'ev M. E. Mordva Tatrespubliki // Materialy po izucheniyu Tatarstan. 1925. Vyp. II. S. 179-196.

Fiziko-matematicheskiy fakul'tet v 1891/2 uchebnom godu // Obozrenie prepodavaniy v vesennem polugodii 1891/2 uchebnom godu. Kazan', 1891. S. 1-19.

Firsov N. A. Inorodcheskoe naselenie prezhnego Kazanskogo tsarstva v novoy Rossii do 1762 goda i kolonizatsiya zakamskih zemel' v eto vremya. Kazan', 1869. 443 s.

Firsov N. A. Polozhenie inorodtsev Severo-Vostochnoy Rossii v Moskovskom gosudarstve: Rassuzhdenie, napisannoe dlya polucheniya stepeni magistra russkoy istorii. Kazan', 1866. 268 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1906 god. Kazan', 1907. 147 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1907 god. Kazan', 1908. 149 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta za 1908 god. – Kazan': Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1909. 248 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1910 god. Kazan', 1911. 169 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1911 god. Kazan', 1912. 184 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1912 god. Kazan', 1913. 190 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1913 god. Kazan', 1914. 227 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1914 god. Kazan', 1915. 218 s.

Godichnyy otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1915 god. Kazan', 1916. 48 s.

Homyakov M. M. Antropologiya v Kazani za 43 goda. Kazan', 1914. 28 s.

Homyakov M. M. Evolyutsiya votskogo braka: svadebnyy obryad glazovskikh votyakov // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii. Kazan', 1911. T.XXVII. Vyp. 4. S. 271-287.

Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1879. № 4. S. 413-443.

Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1878. № 3. S. 352-377.

Izvlechenie iz otcheta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1880g. // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1881. №4-6. S. 1-59.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1864-1865 akademicheskii god. Kazan', 1865. 418 s.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1865-1866 akademicheskii god. Kazan', 1866. 547 s.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1865-1866 akademicheskii god. Kazan', 1886. 547 s.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1872 akademicheskii god. Kazan', 1873. 580 s.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1881 akademicheskii god. Kazan', 1880. 69 s.

Izvlechenie iz otcheta Kazanskogo universiteta za 1887 akademicheskii god. Kazan', 1888. 98s.

Izvlecheniya iz protokolov zasedaniy Predvaritel'nogo Komiteta IV vysochayshe razreshennogo Arheologicheskogo Sezda // Izvestiya i uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1877. № 2. S. 177-207.

Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem: ocherk po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovremennomu polozheniyu goroda, s prilozheniem kratkih adresnykh svedeniy / sost. M. N. Pinegin. SPb, 1890. 604 s.

Katalog vystavki 1882 goda Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1882. 67 s.

Katanov N. F. Otchet o poezdke v Minusinskiy uezd eniseyskoy gubernii, sovershennoy po porucheniyu istoriko-filologicheskogo fakul'teta Kazanskogo Imperatorskogo universiteta letom 1899g. Kazan', 1900. 60 s.

Katanov N. F. Novye priobreteniya muzeya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii v 1895 g. // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1895. T. III. Vyp. 3. S. 234-243.

Kovalevskiy O. M. O znakomstve evropeytsev s Aziey. Kazan', 1847. 58 s.

Komisarov G. I. K etnograficheskoy karte Koz'modem'yanskogo, TSivil'skogo, CHEboksarskogo i YAdrinskogo uezdov (obyasnitel'naya zapiska) // Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1912. T. XXVIII. Vyp. 4-5. S. 448.

Komissarov G. I. O chuvashah: Issledovaniya. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma / sost. i prim. V. G. Rodionova. CHEboksary, 2003. 528 s.

Kratkaya istoricheskaya zapiska o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1837/38-1838/39 akademicheskii god. Kazan', 1839. 19 s.

Kratkiy ukazatel' hudozhestvennoy etnograficheskoy vystavki. Sobranie L. O. Siklera. Kazan', 1912. 14 s.

Krotov P. I. B. F. Adler i ego uchenye trudy po geografii i etnografii. Kazan', 1911. 8 s.

Lukinskiy A. Puteshestvie k vogulam: (Iz otcheta botanika N. V. Sorokina). Kazan', 1872. 15 s.

Magnitskiy V. K. Iz poezdki v selo SHumatovo YAdrinskogo uезда Kazanskoy gubernii // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1884. T. III. S. 160-179.

Maliev N. M. Obshchie svedeniya o mordve Samarskoy gubernii, ih antropologicheskiiy harakter pozdnie braki i ih vliyanie na krepost' slozheniya naroda Natsional'nye osobennosti cherepa. Kazan', 1978. 12 s.

«Nado toropit'sya zhit', toropit'sya rabotat'»: pis'ma A. S. Lebedeva A. M. Tal'grenu / publ. S. V. Kuz'minyh, O. M. Mel'nikovoy, K. V. Vanyushevoy // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filosofiya». 2008. Vyp. 2. S. 171-200.

Nelidova R. A. O naglyadnykh posobiyyah dlya prepodavaniya russkoy istorii // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1891. T. IX. Vyp. 3. S. 3-4.

Nikol'skiy N. V. Etnograficheskaya zametka o chuvashah Kozmodem'yanskogo uezda Kazanskoy gubernii // *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete.* Kazan', 1911. T. XXVII. Vyp.4. S. 245-270.

Obzor deyatel'nosti Obshchestva estestvoispytateley pri Imperatorskom Kazanskom universitete za pervoe dvadtsatipyatiletnie ego sushchestvovaniya. 1869-1894. Kazan', 1894. 82 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1900-1901 godu. Kazan', 1900. 44 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1911-1912 uchebnom godu. Fiziko-matematicheskii fakul'tet. Kazan', 1911. 34 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1912-1913 uchebnom godu . Fiziko-matematicheskii fakul'tet. Kazan', 1912. 32 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1913-1914 uchebnom godu. Fiziko-matematicheskii fakul'tet. Kazan', 1913. 32 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1914-1915 uchebnom godu . Fiziko-matematicheskii fakul'tet. Kazan', 1914. 34 s.

Obozrenie prepodavaniya v 1915-1916 uchebnom godu . Fiziko-matematicheskii fakul'tet. Kazan', 1915. 32 s.

Otchet o deyatel'nosti Obshchestva estestvoispytateley pri imperatorskom Kazanskom universitete v pervoe desyatiletie (1869-1879) ego sushchestvovaniya. Kazan', 1879 . 8 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1839-1840 akademicheskii god. Kazan', 1840. 60 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1840-1841 akademicheskii god. Kazan', 1841. 71 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1842-1843 akademicheskii god. Kazan', 1843. 41 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1848-1849 akademicheskii god. Kazan', 1849. 22 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1849-1850 akademicheskii god. Kazan', 1850. 38 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1857-1858 akademicheskii god. Kazan', 1858. 34 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1858-1859 akademicheskii god. Kazan', 1859. 45 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1860-1861 akademicheskii god. Kazan', 1861. 42 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1900 god // *Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1901 goda.* Kazan', 1901. 254 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1901 god // *Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1902 goda.* Kazan', 1902. 271 s

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1902 god // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1903 goda. Kazan', 1903. 251 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1903 god // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1904 goda. Kazan', 1904. 274 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1906 god // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1907 goda. Kazan', 1907. 111 s.

Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1909 god // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1910 goda. Kazan', 1910. 172 s.

Pantusov N. N. Tarachinskie pesni (v kitayskom gor. Kul'dzhe). Tekst i perevod // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1898. T. XIII. Vyp. 6. S. 451-476.

Pahman S. V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii. YUridicheskie ocherki. T. I: Sobstvennost', obyazatel'stva i sredstva sudebnogo ohraneniya. SPb., 1877. 447 s.

Pahman S. V. Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii. YUridicheskie ocherki. T. II: Semeynye prava, nasledstva i opeka. SPb., 1879. 400 s.

Pervaya gosudarstvennaya vystavka iskusstv i nauki v Kazani: Katalog. Kazan', 1920. 92 s.

Pinegin M. N. Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem: ocherk po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovremennomu polozheniyu goroda, s prilozheniem kratkih adresnyh svedeniy. SPb., 1890. 604 s.

Programma dlya sobiraniya narodnyh yuridicheskikh obychaev. SPb., 1889. IX. 85 s.

Programma dlya sobiraniya etnograficheskikh predmetov. SPb, 1903. 51 s.

Protokoly zasedaniy Soveta v 1882 g. // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1883. № 1-2. S. 1-112.

Protokoly zasedaniy Soveta v 1882 g. // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1883. № 5-6. S. 297-438.

Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za 1898 god // Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1899. № 9. S. 1-147.

Protokoly zasedaniy Soveta Imperatorskogo Kazanskogo universiteta // Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1904. № 4. S. 345-388.

Protokoly zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1884. T. V. S. 1-9.

Protokoly zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1891. T. IX. Vyp. 3. S. 1-32.

Protokoly zasedaniya Soveta Kazanskogo universiteta v 1877 g. // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Kazan', 1878. № 6. S. 721-834.

Protokoly obshchih sobraniy i zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii za 1907 god // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1908. T.XXIII. Vyp. 6. S. 1-47.

Protokoly obshchih sobraniy i zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii za 1908 god // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1909. T.XXV. Vyp. 6. S. 1-31.

Protokoly obshchih sobraniy i zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii za 1911 god // Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1912. T.XXVIII. Vyp. 4-5. S. 1-49.

Protokoly obshchih sobraniy i zasedaniy Soveta Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete za 1914 g. // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1915. T. XXIX. Vyp. 1-3. S. 1-55.

Protokoly obshchih sobraniy Obshchestva arheologii, istorii i etnografii // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1898. T. XVI. Vyp. 4. S. 460-475.

Protokoly obshchih sobraniy Obshchestva arheologii, istorii i etnografii za 1902 god // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1903. T. XIX. Vyp. 2. S. 1-27.

Protokoly Soveta universiteta v 1881 g. // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1882. № 1-2. 265 s.

Protokoly Soveta universiteta za vtoruyu polovinu 1880 g. // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Kazan', 1881. № 3. S. 151-278.

Rybushkin M. S. O veroispovedanii v Kazanskoy gubernii // *Zavolzhskiy muravey*. 1834. CH.1. №1. S. 51-57.

Rybushkin M. S. O veroispovedanii v Kazanskoy gubernii // *Zavolzhskiy muravey*. 1834. CH.1. №2. S.102-144.

Rybushkin M. S. O veroispovedanii v Kazanskoy gubernii // *Zavolzhskiy muravey*. 1834. CH.1. №3. S.171-176.

Sboev V. A. CHuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyah: Ih proiskhozhdenie, yaz., obryady, pover'ya, predan'ya i pr.. Moskva, 1865. 188 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1884 i 1885 (grazhdanskie) gody (Iz vlechenie iz otcheta za eti gody) // Godichnyy akt a Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1885 goda. Kazan', 1885. 171 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1885 i 1886 (grazhdanskie) gody (Iz vlechenie iz otcheta za eti gody) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1886 goda. Kazan', 1886. 108 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1887 grazhdanskiy god (Iz vlechenie iz otcheta za etot god) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1888 goda. Kazan', 1888. 145 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1888 i 1-e polugodie 1889 goda (Izvlechenie iz otchetov za eti gody) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1889 goda. Kazan', 1889. 86 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1889 – pervuyu polovinu 1890 goda // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. Kazan', 1890. № 6. S. 3-86.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1890 i 1891 (grazhdanskie) gody (Izvlecheniya iz otchetov) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1891 goda. Kazan', 1891. 67 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1891 i 1-e polugodie 1892 goda (Izvlecheniya iz otcheta) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1892 goda. Kazan', 1892. 106 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1892 i 1-e polugodie 1893 goda (Izvlecheniya iz otcheta) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1893 goda. Kazan', 1893. 114 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1894 g. i pervoe polugodie 1895 g. // Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1896. № 1. S. 1-149.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1895 i 1-e polugodie 1896 goda. (Izvlecheniya iz otcheta) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1896 goda. Kazan', 1896. 164 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1896 i pervuyu polovinu 1897 goda // Uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1898. № 2. 143 s.

Svedeniya o sostoyanii Kazanskogo universiteta za 1897 god. (Izvlecheniya iz otcheta) // Godichnyy akt v Imperatorskom Kazanskom universitete 5 noyabrya 1898 goda. Kazan', 1898. 180 s.

Sementovskiy V. P. Kafedra geografii i etnografii Kazanskogo universiteta za 25 let // Prilozhenie k protokolu zasedaniy Obshchestva Estestvoispytateley pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1915. №295. 8 s.

Simonov I. M. Slovo ob uspekham plavaniya shlyupov Vostok i Mirnogo okolo sveta i osobenno v YUzhnom ledovitom more, v 1819, 1820 i 1821 gg., proiznesennoe v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta 7 iyulya 1822 g. prof. i kavalerom Simonovym. Kazan', 1822. 59 s.

Smes' // Uchenye zapiski Kazanskogo Imperatorskogo universiteta. 1857. Kn. 1. S. 11-12.

Smirnov I. N. Zadachi i znachenie mestnoy etnografii. Iz publichnykh lektsiy, chitannykh 6 i 12 aprelya 1891 g. v pol'zu Obshchestva Arheologii, istorii i Etnografii. Kazan', 1891. 22 s.

Smirnov I. N. Muzey Otechestvovedeniya // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Kazan', 1892. T. X. Vyp. 4. . 442-446.

Smirnov I. N. Etnografiya na Kazanskoy nauchno-promyshlennoy vystavke. Kazan', 1890. 36 s.

Sorokin N. V. Puteshestvie k vogulam // Trudy Obshchestva estestvoispytateley pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1873. T. III. № 4. 59 s.

Sputnik po Kazani: Illyustrirovanny ukazatel' dostoprimechatel'nostey i spravochnaya knizhka goroda / pod red. N. P. Zagoskina. Kazan', 1895. 831 s.

Sravnitel'naya tablitsa ustavov universitetov 1884, 1863, 1835 i 1804 gg. SPb., 1901. 268 s.

Suhovskiy O. V. O shamanstve v Minusinskom krae // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1901. T. XVII. Vyp. 2-3. S. 147-155.

Shpilevskiy S. M. Ukazatel' istoricheskikh dostoprimechatel'nostey goroda Kazani. Kazan', 1873. 66 s.

Shpilevskiy S. M. O zadachah deyatel'nosti Kazanskogo Obshchestva arheologii, istorii i etnografii i o vozmozhnom sodeystvii obshchestvu so storony zhitel'ey mestnogo kraya // Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1879. № 2. S. 63-92.

Turaev B. A. Opisanie Egipetskogo sobraniya Muzeya drevnostey pri Imperatorskom Kazanskom universitete. SPb., 1908. 20 s.

Ustav Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. [B.m.: B. i.], 1804. 29 s.

Ustav Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii. Kazan', 1878. T. I. S. 7-14.

Yakovkin I. F. Letoischislitel'noe izobrazhenie rossiyskoy istorii. Kazan', 1814. 42 s.

Zagoskin N. P. Istoricheskaya zapiska o chetyrekh otdelah Kazanskogo universiteta za 1814 – 1827 gg. Kazan', 1899. 30 s.

Zagoskin N. P. Istoriya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta za pervye 100 let ego sushchestvovaniya. Kazan', 1902. T. 3. 593 s.

Zagoskin N. P. Materialy dlya istorii kafedry i uchrezhdeniy Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. Kazan', 1899. 572 s.

Zagoskin, N. P. Otchet o deyatel'nosti i sostoyanii Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Za chetverty (1881-1882) god ego sushchestvovaniya. Kazan', 1882. 14 s.

Zapiski o kabinetah i drugih zavedeniyah pri Imperatorskom Kazanskom universitete, so vremeni uchrezhdeniya kazhdogo iz nih po 1 maya 1843 g. Kazan', 1843. 99 s.

Zapiski o kabinetah i prochih uchenykh zavedeniyah v Imperatorskom Kazanskom universitete za 1834 g. Kazan', 1835. 67 s.

Literatura

125 let Obshchestvu arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete. Problema istoriko-kul'turnogo razvitiya Volgo-Ural'skogo regiona: Etnograficheskie issledovaniya : sb. nauch. dokl. i soobshch. CH. 3. / pod red. G. R. Stolyarovoy. Kazan', 2004. 171 s.

Avrus A. I. Istoriya Rossiyskih universitetov. [Elektronnyy resurs]. M., 2001. Rezhim dostupa: window.edu.ru/resource/980/46980/files/mion-ino-center03.pdf (data obrashcheniya 20.05.2016)

Aliev I. A. Aleksandra Andreevna Fuks (Apekhtina): zhizn' i deyatel'nost' [Elektronnyy resurs] // Nemetskiy dom Respubliki Tatarstan. 2010. Rezhim dostupa: <http://www.nd-rt.ru/2010/05/26/a-a-fuks-apextina-chast-ii/> / (data obrashcheniya: 10.06.2016).

Alymov S. S. P. I. Kushner i razvitie sovetskoy etnografii v 1920-1950-e gody. M., 2006. 265 s.

Andreev M. K. Uchastnik velikogo geograficheskogo otkrytiya professor Kazanskogo universiteta I. M. Simonov. Kazan', 1956. 20 s.

Anuchin D. N. K voprosu ob ustroystve muzeya narodnogo byta i iskusstva v Moskve // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. №1-2. S. 14-23.

Anuchin D. N. O zadachah russkoy etnografii // Etnograficheskoe obozrenie. 1899. №1. S. 1-35.

Artem'ev A. I. Progulki po Kazani // Kazanskije gubernskie vedomosti. CHast' neofitsial'naya. 1849. № 3. S. 1-6.

Ahmetova A. R., Masalova O. A. Rol' I. N. Smirnova v sozdanii universitetskogo muzeya otechestvovedeniya i muzeya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii /A. R. Ahmetova, O. A. Masalova // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 4-1. S. 40-43.

Bagashev A. N. Materialy k biografii Sergeya Mihaylovicha CHugunova (v svyazi so 150-letiem so dnya rozhdeniya) // Nekotorye aktual'nye problemy sovremennoy antropologii: Sbornik statey po materialam konferentsii, provedennoy v Sankt-Peterburge v oktyabre 2004 g. SPb., 2006. S. 168-172.

Bazhenov V. YA. Svistoplyaska. Opisanie pominok i narodnyh igr v okrestnostyah Vyatki, v chetvertuyu subbotu posle pominok // Kazanskije izvestiya. 1817. № 53. S. 226-227.

Baranov D. A. Etnograficheskij muzey i «ratsionalizatsiya sistemy» // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. № 4. S. 26-43.

Belousova N. A. Muzei v sisteme vysshego obrazovaniya Zapadnoy Sibiri: diss. ... kand. kul'turolog. nauk: 24.00.03. Kemerovo, 2009. 239 s.

Bertran F. Nauka bez obekta? Sovetskaya etnografiya 1920–1930-h godov i voprosy etnicheskoy kategorizatsii // *ZHurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2003. T. IV. № 2. S. 165–179.

Bogolepova L. Z. Fondovo-issledovatel'skaya deyatel'nost' muzeev istorii vysshih uchebnyh zavedeniy yuga Zapadnoy Sibiri: dis. ... kan. kul'turol. nauk: 24.04.2009. Kemerovo, 2011. 252 s.

Burlykina M. I. Istoriya muzeev vysshih uchebnyh zavedeniy dorevolutsionnoy Rossii: dis. ... d-ra kul'turol. nauk: 24.04.2009. SPb., 2001. 449 s.

Burlykina M. I. Istoriya stanovleniya i razvitiya universitetskih muzeev dorevolutsionnoy Rossii: dis. ... kand. ist. nauk: 17.00.07. M., 1994. 195 s.

Burlykina M. I. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet: istoriya muzeynogo dela (1755-2015). M., 2015. 319 s.

Burlykina M. I. Muzei vysshih uchebnyh zavedeniy dorevolutsionnoy Rossii (1724-1917 gody). Syktyvkar, 2000. 238 s.

Burlykina M. I. Muzei vysshih uchebnyh zavedeniy Rossii na rubezhe XIX-XX vv. // *Voprosy muzeologii*. 2012. 1(5). S. 88-97.

Burlykina M. I. Muzeynoe delo v universitetah dorevolutsionnoy Rossii // *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2016. T. 37. № 1. S. 136-155.

Burlykina M. I. Stanovlenie muzeynogo dela v Moskovskom universitete // *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2014. № 4 (14). S. 95-112.

Burlykina M. I. Universitetskie muzei dorevolutsionnoy Rossii (XVIII-pervaya chetvert' XX vv.). Syktyvkar, 1996. 204 s.

Busygin E. P. Istoriya geografii. Kazan', 1998. 213 s.

Busygin E. P. Polveka polevoy etnografii // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996. № 1. S. 117–136.

Busygin E. P., Zorin N. V. K stoletiyu kafedry etnografii v Kazanskom universitete // *Sovetskaya etnografiya*. 1989. № 4. S. 78–83.

Busygin E. P., Zorin N. V. Nikolay Iosifovich Vorob'ev, 1894–1967. Kazan', 2002. 22 s.

Busygin E. P., Zorin N. V. Russkie kollektsii v Etnograficheskom muzee Kazanskogo universiteta // *Sovetskaya etnografiya*. 1958. № 5. S. 107-112.

Busygin E. P., Zorin N. V. Etnografiya v Kazanskom universitete. Kazan', 2002. 202 s.

Busygin E. P., Zorin N. V. Etnografiya v Kazanskom universitete. Pervaya polovina XIX v. // *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Kazan', 1998. T. 134. S. 33-40.

Busygin E. P. Nikolay Iosifovich Vorob'ev (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995. № 4. S. 145-151.

Ber K. M. Ob etnograficheskikh issledovaniyakh voobshche i v Rossii v osobennosti // *Zapiski Rossiyskogo geograficheskogo obshchestva*. 1846. Kn. 1. S. 94-115.

Dedkov A. P. Petr Ivanovich Krotov, 1852-1914 gg. Kazan', 2002. 14 s.

Dergachev A. YU. Sibirskie nauchnye obshchestva v sisteme nauchnyh uchrezhdeniy Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) // Gumanitarnye nauki i obrazovanie v Sibiri. 2015. № 2 (20). S. 80-86.

Dmitrienko N. M., CHernyak E. I. Muzei Imperatorskogo Tomskogo universiteta: pervye gody sozdaniya i deyatel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 397. S. 81-90.

Dyrtykool A. O. Stanovlenie muzeya «Istoriya i material'naya kul'tura narodov tsentral'noy Azii» Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta i perspektivy ego razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 2 (22). S. 170-173.

Fuks A. A. O chuvashah i cheremisah Kazanskoy gubernii: zapiski Aleksandry Fuks. Kazan', 1840. 326 s.

Fuks K. F. Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyah. Kazan', 1844. 131 s.

Gorlov I. YA. Dvizhenie narodonaseleniya v Kazanskoy gubernii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 1840. Kn. 1. S. 163-165.

Gorlov I. YA. Kalmytskoe narodonaselenie v Rossii // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 1840. Kn. 1. S. 163-165.

Gushchina E. G. "Poznay самого себя": kafedra geografii i etnografii Kazanskogo Imperatorskogo universiteta // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 11(49). CH. 2. S. 72-75.

Gushchina E. G. Rol' E. P. Busygina v komplektovanii fondov Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta // Kraevedcheskie sredy. Kazan', 2009. Vyp. 6. S. 7-10.

Gushchina E. G. Etnograficheskiy muzey Kazanskogo universiteta v pervoy chetverti XX veka // Busyginские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 21 декабря 2011 года. Kazan', 2012. Vyp.3. S. 48-57.

Gushchina E. G. Etnograficheskiy muzey Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i osnovnye etapy razvitiya. Kazan', 2013. 108 s.

Gushchina E. G. Etnograficheskoe sobranie Kazanskogo universiteta v pervoy chetverti XX veka // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitar. nauki. 2011. T. 153. Kn. 3. S. 233 -240.

Habibullin A. A. Izuchenie istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya v Obshchestve arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1929 gg.). Kazan', 2006. 157 s.

Habibullin M. Z., Kostryukov M. A. Kazanskoe vostokovedenie XIX – pervoy poloviny XX vv.: P. K. ZHuze. Kazan', 2012. 311 s.

Haruzin N. N. Etnografiya. Lektsii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom Universitete [Elektronnyy resurs]. SPb., 1905. 827 s. Rezhim dostupa: <http://znanium.com> (data obrashcheniya 20.05.2016).

Il'ina I. N. Nauchnye obshchestva v Akademii nauk. 1920-1930-e gg. [Elektronnyy resurs] // Uchenyy soveta Arhiva RAN 26 dekabrya 2013 g. Rezhim dostupa: <http://www.arran.ru/?q=ru/node/424> (data obrashcheniya: 10.06.2017).

Isakov A. P., Isakov E. P. Letopis' Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta (istoriya v faktah, podtverzhdennykh dokumentami). Kazan' ; London, 2004. T. 1. 487s.

Isachenko A. G. Razvitie geograficheskikh idey. M., 1971. S. 441.

Kabo V. R., Bondareva N. M. Okeaniyskaya kollektsiya I. M. Simonova // Kul'tura narodov Avstralii i Okeanii. Leningrad, 1974. S. 101-102.

Kazantseva O. A. Iz istorii muzeev Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta // Vestnik Muzeya arheologii i etnografii Permskogo Predural'ya. 2015. № 5. S. 10-14.

Kerimova M. M. Institutizatsii rossiyskoy etnograficheskoy nauki (poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX vv. // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2013. № 1 (39). S. 358-381.

Kerimova M. M. Rossiyskaya etnologiya v 19-pervoy treti 20 stoletiya. SHkoly i metody // Glasnik Etnografskogo instituta. 2015. T. 63. № 1. S. 167-176.

Kerimova M. M. Rossiyskoe etnograficheskoe muzeevedenie i sem'ya etnografov Haruzinyh // Primus inter pares K 175-letiyu so dnya rozhdeniya V. V. Radlova. SPb., 2015. S. 100-123.

Kerimova M. M. Stanovlenie i razvitie rossiyskoy etnografii poslednih desyatiletii XIX – pervoy treti XX v. (na osnove izucheniya nauchnogo naslediya sem'i Haruzinyh): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.07 / M. M. Kerimova. M., 2013. 609 s.

Kozlov V. E. Kazanskaya etnograficheskaya shkola: preemstvennost' i innovatsii // Problema kachestva istoricheskogo obrazovaniya v sisteme vysshey shkoly: Sbornik nauchnykh statey i soobshcheniy. Kazan', 2008. S. 51-54.

Kozlova A. N. Istoriya sozdaniya kabineta D. I. Mendeleeva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete v 1907-1911 gg. // Voprosy muzeologii. 2016. № 1 (13). S. 60-68.

Konakov A. P. D. A. Klements osnovatel' Etnograficheskogo otdela Russkogo muzeya // Trudy Instituta etnografii. M., 1968. Vyp. 4. S. 45-61.

Korsakov S. N. O Burno Adlere i Institute cheloveka // CHelovek. 2008. № 4. S. 5-10.

Kochnev D. A. O pogrebal'nyh obryadah yakutov Vilyuyskogo okruga YAkutskoy oblasti // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 1898. T. XIV. Vyp. 4. S. 468-469.

Kraevedcheskie chteniya : Materialy, posvyashchennye 135-letiyu O-va estestvoispytateley pri KGU, 110-letiyu M. G. Hudyakova, (22-25 marta 2004g.) / In-istorii AN RT ; Nats.muzey RT . Kazan', 2004 . 484 s.

Kryukova T. A., Studenetskaya E. N. Gosudarstvennyy muzey etnografii narodov SSSR za pyat'desyat let Sovetskoy vlasti // Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR. M., 1971. Vyp. VII. S. 9-120.

Kuznetsova L. O. Dokumenty o deyatel'nosti Obshchestva estestvoispytateley pri Kazanskom universitete v Natsional'nom arhive RT [Elektronnyy resurs] // Kraevedcheskie chteniya. 2004. Rezhim dostupa: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous_ain/?path=/pages/ru/2nart/92vistupl/46kraeved/1estestvoisp (data obrashcheniya: 10.06.2016).

Kuzybaeva M. P. Meditsinskie muzei Rossii: stanovlenie i mesto v muzeynom mire: XVIII – pervaya tret' XX v.: dis. ... kand. ist. nauk: 24.00.03. Moskva, 2011. 294 s.

Kuz'minyh S. V., Vdovin A. S. V. A. Gorodtsov i E. A. Gol'mshtok: K istorii sovetsko-amerikanskikh nauchnykh svyazey v oblasti arheologii v 1920-30-e gody // Problemy izucheniya i sohraneniya arheologicheskogo naslediya Tsentral'noy Rossii: MVNPK, posvyashchennoy 150-letiyu V. A. Gorodtsova. Ryazan'. S. 48-57.

Lapteva A. K., Luchnikov A. S. Professor Sergey Nikolaevich Laptev – organizator professional'nogo geograficheskogo obrazovaniya v Permskom universitete // Geograficheskiy vestnik. 2015. № 4. S. 68-77.

Levchenko V. V., Levchenko G. S. Muzey izyashchnykh iskusstv Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta: fondy, personalii, sud'ba // Voprosy muzeologii. 2012. № 2 (6). S. 105-113.

Lobacheva E. E. Muzeynyy kompleks Kazanskoy duhovnoy akademii: 1842-1921 gg.: dis. ... kand. ist. nauk: 24.00.01. Kazan', 2012. 251 s.

M. E. Evsev'ev: zhizn' mordvy v fotografiiah: [fotoal'bom] : k 140-letiyu so dnya rozhdeniya / sost. Luzgin A. S., Mokshin N. F., SHigurova T. A. Saransk:, 2004. 174 s.

Makarova E. M. Deyatel'nost' Obshchestva estestvoispytateley pri Kazanskom universitete: kazanskaya shkola antropologii / E. M. Makarova // Rol' Obshchestva arheologii, istorii i etnografii v issledovanii i sohranении kul'turnogo naslediya Volgo-Ural'ya. Kazan', 2014. S. 50-53.

Masalova O. A. Kolleksiya nemetskih votivnykh predmetov iz fondov Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 4-1. S. 46-50.

Masalova O. A., Gushchina E. G. Mnogoobrazie islamskogo mira v kollektsiyah Etnograficheskogo muzeya KGU // Nasledie islama v muzeyah Rossii: prostranstvennye granitsy i obrazy. Kazan', 2009. S. 19-21.

Masalova O. A., Gushchina E. G. Etnograficheskie nablyudeniya v YUzhnoy Amerike professora V. F. Bervi // Latinskaya Amerika. 2012. №6. S. 64-73.

Mihaylova M. V. Obshchestvennye pedagogicheskie i prosvetitel'nye organizatsii dorevolutsionnoy Rossii (seredina XIX – nachalo XX vv.). M., 1993. 163 s.

Mogilyanskiy N. M. Etnografiya i ee zadachi (po povodu odnoy knigi) // Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva. 1908. T. 3. S. 1-14.

Mokshina E. N. Religioznaya zhizn' mordvy v rabotah M. E. Evsev'eva // Kraevedcheskie zapiski. 2013. № 20. S. 56-60.

Mokshina E. N. Etnograficheskomu muzeyu universiteta – 25 let // Gumanitariy: aktual'nye problemy nauki i obrazovaniya. 2005. № 1 (5). S. 257-259.

Mongoloved O. M. Kovalevskiy: biografiya i nasledie (1801-1878) / nauch. red. R. M. Valeev; otv. red. I. V. Kul'ganek. Kazan', 2004. 283 s.

Morozova E. G. Vedomstvennye obshchestvennye muzei Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XX-nachale XXI vv.: Izmenenie statusa i funktsiy na materialah Omska i Novosibirsk: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Omsk, 2003. 345 s.

Mubarakshina A. G. Deyatel'nost' obshchestvennykh organizatsiy Kazanskoy gubernii v hozyaystvenno-ekonomicheskoy i sotsial'no-kul'turnoy sfere (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kazan', 2010. 282 s.

Muzeevedcheskaya mysl' v Rossii XVIII – XX vekov: sbornik dokumentov i materialov / otv. red. E. A. Shulepova. M., 2010. 957 s.

Muzeynoe delo Rossii / pod obshch. red. M. E. Kaulen, I. M. Kossovoy, A. A. Sundievoy. M., 2003. 676 s.

Murzintseva A. E. Muzei Rossiyskoy akademii nauk: istoriko-kul'turologicheskiy analiz: dis. ... kand. kul'turolog. nauk: 24.00.03. Ulan-Ude, 2006. 184 s.

Mustafina G. M. Osnovatel' etnografii tatarskogo naroda Karl Fuks [Elektronnyy resurs]. // Tatarica № 1. 2013. Rezhim dostupa: http://kpfu.ru/docs/F1170137306/18_Mustafina.rus.pdf (data obrashchenie 10.06.2016).

Muhina Z. Z. Transformatsiya statusa zhenshchiny v russkoy krest'yanskoy sem'e serediny XIX – nachala XX v.: dis. ... d-ra. ist. nauk: 07.00.07. Moskva, 2014. 691 s.

N. F. Katanov i gumanitarnye nauki na rubezhe vekov: Ocherki istorii rossiyskoy tyurkologii / pod red. R. M. Valeeva, V. N. Tuguzhekova. Kazan'-Abakan, 2008. 353 s.

Nazipova G. R. «Dlya rasprostraneniya nauk i prosveshcheniya»: stranitsy muzeynoy zhizni Kazanskogo universiteta v XIX – nachale HKH veka // Rodina. 2009. № 1. S. 68–70.

Nazipova G. R. «Nashe vremya – epoha vystavok»: k istorii vystavochnoy deyatel'nosti nauchnogo soobshchestva Kazani (XIX – nachalo HKH v.) // Izvestiya Altayskogo gos. universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. 2008. № 4/3. S. 173–178.

Nazipova G. R. «SHirokiy dostup dlya bol'shoy publikii»: universitetskie muzei v kul'turnom landshafte Kazani (XIX – nachalo HKH v.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2008. T. 10. № 4 (26). S. 1023–1033.

Nazipova G. R. K istorii Kabineta redkostey Imperatorskogo Kazanskogo universiteta // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 2008. T. 10. № 1. S. 27-35.

Nazipova G. R. Kazanskiy universitet i muzei: problema kul'turnogo vzaimodeystviya: XIX - nachalo XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Kazan', 2009. 513 s.

Nazipova G. R. Muzeynaya deyatel'nost' nauchnyh obshchestv dorevolutsionnoy Kazani // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 2006. Spets. vyp.: Novye gumanitarnye issledovaniya. S. 171–179.

Nazipova G. R. Muzeynye funktsii uchebno-vspomogatel'nyh uchrezhdeniy Kazanskogo universiteta (XIX – nachalo XXv.) // *Vestnik RGGU: Nauchnyy zhurnal. Seriya «Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya»*. 2009. № 15/09. S. 283-291.

Nazipova G. R. Universitet i muzey: istoricheskiy opyt Kazanskoy gubernii. Kazan', 2004. 395 s.

Obrazovanie i deyatel'nost' Otdeleniya etnografii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Elektronnyy resurs] // RGO. – Rezhim dostupa: <https://www.rgo.ru/ru/proekty/etnografiya/istoriya-etnografii-v-rgo/obrazovanie-i-deyatelnost-otdeleniya-etnografii-irgo> (data obrashcheniya: 20.08.2017).

Ocherki statisticheskoy etnografii Srednego Povolzh'ya / otv. red. E. P. Busygin, R. G. Kashafutinov. Kazan', 1976. 192 s.

Polyanskaya O. N. Deyatel'nost' sibirskoy intelligentsii pervoy poloviny XIXv. po izucheniyu istorii i yazyka mongol'skih narodov // *Izvestiya laboratorii drevnih tekhnologiy*. 2016. № 2(19). S. 55-61.

Pypin A. N. Kak ponimat' etnografiyu? // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1994. №4. S. 93-100.

Pypin A. N. Istoriya russkoy etnografii. SPb., 1890. T.1. 424 s.

Razgon A. M. Etnograficheskie muzei v Rossii (1861 – 1917 gg.) // *Ocherki istorii muzeynogo dela v Rossii*. M., 1961. Vyp. III. S. 231-268.

Razgon A. M. Istoriicheskie muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.) // *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR*. M., 1968. Vyp. V. S. 189-275.

Repressirovannye etnografy / sost. i otv. red. D. D. Tumarkin. M., 1999. Vyp. 1. 340 s.

Repressirovannye etnografy / sost. i otv. red. D. D. Tumarkin. M., 2003. Vyp. 2. 494 s.

Reshetov A. M. Vasiliy Vasil'evich Radlov // *Kur'er Petrovskoy Kunstkamery*. SPb., 1995. Vyp. 1. S. 75-85.

Reshetov A. M. D. A. Klements i Muzei antropologii i etnografii Imperatorskoy Akademii nauk // *Pigmalion muzeynogo dela v Rossii (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Klements)*. SPb., 1998. S. 59-94.

Reshetov A. M. Radlov direktor Muzeya antropologii i etnografii Imperatorskoy Akademii nauk // *Nemtsy v Rossii. Peterburgskie nemtsy*. SPb., 1999. S. 137-155.

Reshetov A. M. Materialy k biobibliograficheskomu slovaryu rossiyskih etnografov i antropologov. HKH vek. SPb., 2012. 579 s.

Reshetov M. A. Akademik V .V. Radlov- vostokoved i muzeev (osnovnye etapy deyatel'nosti) // Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i proekty MAE RAN v 2002 g. SPb., 2002. S. 95-101.

Rihter O. Ideal'nye i prakticheskie zadachi etnograficheskikh muzeev (perevod s nemetskogo V. Haruzinoy) // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1921. №3-6. S. 3-38.

Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya: v 2 t. / redkol.: V. L. YAnin i dr. Moskva, 2001.

Rudenko K. A. Muzeynaya deyatel'nost' B. F. Adlera (Kazanskiy period) // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 3. S. 29-35.

Russkie otkrytiya v Antarktide / Pod red. V. I. Sementovskogo. M., 1951. 310 s.

Rykun M. P. Kabinetu antropologii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 50 let: istoriya, personalii, perspektivy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2008. № 3. S. 13-19.

Sayfutdinova G. B. Muzey istorii universiteta: traditsii i perspektivy // Vestnik sovremennoy nauki. 2016. № 9 (21). S. 79-80.

Svinin V. V., Sazonova S. A. Dotsent V. I. Podgorbunskiy: arheolog, etnograf, geolog // Dulovskie chteniya 1997 goda: materialy dokladov i soobshcheniy. Irkutsk, 1997. S. 161-164.

Sergeev T. S. «Vizitnaya karta» CHuvashskogo universiteta: 45 let funktsionirovaniya muzeya I. N. Ul'yanova i I. YA. YAKovleva // Vestnik CHuvashskogo universiteta. 2017. № 2. S. 138-141.

Sidorova I. B. Muzei Kazanskogo universiteta v 1920-e gody: sud'ba gumanitarnoy sostavlyayushchey // Voprosy muzeologii. 2012. №1. S. 113-123.

Sidorova I. B. Muzei Kazanskogo universiteta na zare sovetskoy epohi (1917-1929 gg.) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2012. T. 154. № 3. S. 227-239.

Sidorova I. B. Uchenoe bratstvo: Obshchestvo arheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete (1878–1931 gody). Kazan', 2014. 304 s.

Sidorova I. B. Etnograficheskii muzey Kazanskogo universiteta v 1930-e gg. // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. №4. S. 61-66.

Sinitsyna K. R. Polveka muzeev Kazani i Tatarii: Ocherki istorii 1917-1967 gg. Kazan', 2002. 277 s.

Slezkin YU. L. Sovetskaya etnografiya v nokdaune: 1928-1938 // Etnograficheskoe obozrenie. 1993. № 2. S. 113-125.

Soboleva E. S. CHastnye etnograficheskie muzei Gamburga i kollektсионирование v kontse XIX – nachale XX veka // Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2006g. SPb., 2007. S. 78-81.

Solovey T. D. «Korennoy perelom» v otechestvennoy etnografii (diskussiya o predmete etnologicheskoy nauki: konets 1920-h – nachalo 1930-h godov) // Etnograficheskoe obozrenie. 2001. № 3. S. 101–121.

Solovey T. D. Ot «burzhuaznoy» etnologii k «sovetskoy» etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy trety HKH veka. M., 1998. 258 s.

Stanyukovich T. V. Antropologii i etnografii muzey // Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya. M., 2001. T. 1. S. 29–30.

Stanyukovich T. V. Kunstkamera Peterburgskoy Akademii nauk Moskva-Leningrad, 1953. 240 s.

Stanyukovich T. V. Lev YAKovlevich SHternberg i Muzey antropologii i etnografii (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) // Sovetskaya etnografiya. 1986. № 5. S. 81-91.

Stanyukovich T. V. Muzei etnograficheskie // Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. M., 1966. T. 9. S. 787-790.

Stanyukovich T. V. Etnograficheskaya nauka i muzei: (Po materialam etnograficheskikh muzeev Akademii nauk). Leningrad, 1978. 286 s.

Stanyukovich T. V. Etnografiya i aktual'nye problemy razvitiya etnograficheskikh muzeev // Sovetskaya etnografiya. 1981. № 1. S. 24-37.

Stanyukovich T. V., Toren M. D. Dmitriy Konstantinovich Zelenin // Sovetskaya etnografiya. 1954. № 4. S. 157-160.

Stepanskiy A. D. Nauchnye obshchestva pri vysshikh uchebnykh zavedeniyah dorevolutsionnoy Rossii // Gosudarstvennoe rukovodstvo vysshey shkoly v dorevolutsionnoy Rossii i SSSR. M., 1979. S. 210-239.

Stepanskiy A. D. Pervye istoricheskie obshchestva Rossii // Voprosy istorii. 1973. № 12. S. 204–208.

Stolyarova G. R., Gushchina E. G. Istoriya formirovaniya etnograficheskogo sobraniya Kazanskogo universiteta vo vtoroy chetverti XIX - pervoy chetverti XX vv. // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. № 4(2). S. 106-111.

Stolyarova G. R., Gushchina E. G. Rol' Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta v izuchenii narodov Povolzh'ya i Priural'ya // TSivilizatsii narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Problemy istorii i geopolitiki. CHEboksary, 2006. S. 327-334.

Stolyarova G. R., Titova T. A., Gushchina E. G. Vostochnye kollektsii Kabineta redkostey Kazanskogo Imperatorskogo universiteta // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. №4 (2). S. 37-40.

Shangina I. I. Etnograficheskie muzei Leningrada v pervye gody Sovetskoy vlasti (1918-1923 gg.) // Sovetskaya etnografiya. 1987. № 5. S. 71-80.

Shangina I. I. Etnograficheskie muzei Moskvy i Leningrada na rubezhe 20-h – 30-h godov HKH v. // Sovetskaya etnografiya. 1991. № 2. S. 71-81.

Shmit F. I. Istoricheskie, etnograficheskie, hudozhestvennye muzei. Ocherk istorii i teorii muzeynogo dela. Har'kov, 1919. 103 s.

Shmit F. I. Muzeynoe delo. Voprosy ekspozitsii. M.-L., 1929. 248 s.

Teryukov A. I. Andrey Vladimirovich ZHuravskiy: zhizn' i idei // Russkaya nauka v biograficheskikh ocherkah. SPb., 2003. S. 73-84.

Teryukov A. I. V. M. Florinskiy i M. K. Sidorov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2013. № 2(22). S. 199-203.

Tetyukov A. I. Kollektzii I. N. SHuhova v Sobranii MAE // Radlovskiy sbornik. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g. SPb., 2013. S. 225-232.

Tetyukov A. I., Salmin A. K. Pervaya muzeynaya kolleksiya odezhdy narodov Volgo-Kam'ya v Kunstkamere Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. 2010. № 5-3. S. 42-51.

Tetyukov A. I., Salmin A. K. Osnovatel' etnograficheskikh kollektсий Kunstkamery // Nauka v Rossii. 2014. №1. S. 53-56.

Titova T. A., Vyatchina M. V. K istorii odnoy etnograficheskoy karty, ili etnoreal'nost' v obektive (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya chuvashskogo fol'klorista i etnografa Guriya Ivanovicha Komissarova) // ZHivaya starina. 2013. № 1. S. 48-50.

Titova T. A., Kozlov V. E., Gushchina E. G. K issledovaniyu v estestvenno - istoricheskom otnoshenii vostochnogo kraya Rossii i Sibiri»: rol' Obshchestva estestvoispytateley pri Kazanskom universitete v razvitii etnografii v pervoy chetverti XXv. // Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal. 2015. № 37. Vyp.3. S. 689-696.

Titova T. A., Gushchina E. G. «Vostochnye kollektzii» v fondah Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta // Vostochnoe obshchestvo: integratsionnye i dezintegratsionnye faktory v geopoliticheskom prostranstve ATR: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ulan-Ude, 2007. S. 38-40.

Titova T. A., Gushchina E. G. Rol' Bruno Fridrihovicha Adlera v razvitii etnografii v Kazanskom universitete // Mnogonatsional'nyy region kak kul'turno-istoricheskiy fenomen: IV Busyginskie chteniya. Kazan', 2013. S. 280-284.

Tokarev S. A. Istoriya russkoy etnografii / otv. red. O. A. Platonov. M., 2015. 656 s.

Toksubaeva L. S., Titova T. A., Kozlov V. E., Gushchina E. G. Etnografiya v Kazanskom universitete // Prirodnye, sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Rossii. Kazan', 2008. CH. 2. S. 74-78.

Tomilov N. A., Patrusheva G. M. 30 let Muzeyu arheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta // Etnograficheskoe obozrenie. 2005. № 5. S. 116-127.

Tur'inskaya H. M. Etnograficheskoe muzeevedenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. M., 2008. 312 s.

Uchenye – issledovateli Kalmykii (XVII – nachalo XX vv.). Bibliograficheskii ukazatel' /sost. P. E. Alekseev, L. YU. Lantsanova. Elista, 2005. 251 s.

Valeev R. M. Vasiliy Pavlovich Vasil'ev. Kazan', 2002. 19 s.

Valeev R. M. Osip Mihaylovich Kovalevskiy. Kazan', 2002. 19 s.

Valeev R. M. Fenomen universitetskogo vostokovedeniya v Kazani: istoki i razvitie (XIX – nachalo XXvv.) // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. T. 147. Kn. 2. S. 35-48.

Valeev R. M., Tuguzhekova V. N. Professor N. N. Katanov i ego vklad v izuchenie etnografii i fol'klora tyurkskih narodov Tsentral'noy Azii // Novye issledovaniya Tuvy. 2011. № 1 (9). S. 186-238.

Vasilevskaya A. V. Innokentiy Vasil'evich Tyushnyakov – neizvestnyy issledovatel' Eniseyskogo kraya // Sovremennye problemy drevnih i traditsionnykh kul'tur narodov Evrazii. Krasnoyarsk, 2014. S. 11–13.

Vishnevskiy B. N. Antropologiya v muzee mestnogo kraya // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. №3-4. S. 20-27.

Vishnevskiy B. N. Po muzeyam Kazanskogo kraya // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. №7-8. S. 67-82.

Vovina O. P. Nauchnye obshchestva v istorii otechestvennoy etnografii vtoroy poloviny HVIII – nachala HKH vv. CHEboksary, 1993. 116 s

Vorob'ev N. I. K istorii estestvenno-istoricheskikh muzeev // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1922. №1. S. 69-77.

Vorob'ev N. I., Busygin E. P. Kitayskie kollektsii v muzeyah Kazani // Sovetskaya etnografiya. 1954. № 2. S. 169-171.

Vorob'ev N. I., Busygin E. P., Zorin N. V. Kratkie putevoditeli po universitetu. Etnograficheskiy muzey. Kazan', 1957. 22 s.

Vorob'ev N. I., Busygin E. P., Zorin N. V. Tuvinskie kollektsii v Etnograficheskom muzee Kazanskogo universiteta // Sovetskaya etnografiya. 1957. № 3. S. 164-167.

Vorob'ev N. I., Busygin E. P., YUsupov G. V. Etnograficheskie nablyudeniya I. M. Simonova na ostrovakh Tihogo okeana // Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshchestva. 1949. № 5. S. 497-504.

Vorob'ev N. I., Busygin E. P., YUsupov G. V. Etnograficheskiy muzey Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta // Sovetskaya etnografiya. 1948. № 1. S. 222–225.

Voroshin S. D. K istorii formirovaniya universitetskikh muzeev // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2015. T. 15. № 2. S. 97-102.

Vyatchina M. V. Opyt vizualizatsii etnichnosti: istoricheskiy kontekst sobiraniya fotofonda «Votyaki» (iz kollektsii Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta) [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.etnosy.ru/node/542> (data obrashcheniya: 10.06.2016).

Vyatchina M. V. Etnografy-estestvoispytateli: uchastniki studencheskikh ekspeditsiy Kazanskogo universiteta v 1910-1922 godah // Universitet kak nauchnoe, obrazovatel'noe i kul'turnoe prostranstvo. Kazan', 2015. S. 22-30.

Yakovlev V. I. Kazanskaya etnograficheskaya shkola: novye istochnikovedcheskie podhody // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 2. S. 40-42.

Yakovlev V. I. Etnograficheskoe muzeevedenie Kazani: aktual'nye problemy periodizatsii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 2 (19-1). S. 233-237.

Zalkind G. M. Narodnye muzei kak sredstvo vneshkol'nogo obrazovaniya // Kazanskiy muzeynyy vestnik. 1920. №5-6. S. 37-44.

Zorin N. V. Bruno Fridrihovich Adler, 1874 – ne ranee 1932. Kazan', 2001 . 35 s.

Zorin N. V., Reshetov A. M. Bruno Fridrihovich Adler: osnovnye etapy zhizni i deyatel'nosti uchenogo //125 let Obshchestvu arheologii, istorii i etnografii. Sbornik nauchnyh dokladov i soobshcheniy. Kazan', 2004. CH. 3. S. 27-34.

Сведения об авторе:

Гущина Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, директор Этнографического музея Казанского университета, старший преподаватель кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений КФУ.

Сфера научных интересов: этнология, культурная антропология, этнографическое музееведение, история науки, визуальная антропология, сохранение материального и культурного наследия народов мира.

420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, к. 234, Этнографический музей;
+79178801328 egguschina@mail.ru

About the author:

Elena G. Gushchina - Candidate of Historical Sciences, Director of the Ethnographic Museum of the Kazan University, Lecturer at the Department of History of Tatarstan, Archeology and Ethnology of the Institute of International Relations of the KFU.

Research Interests: ethnology, cultural anthropology, ethnographic museology, science history, visual anthropology, preservation of material and cultural heritage of people of the world.

420008, Kazan, st. Kremlin, 18, r. 234, Ethnographic Museum; +79178801328 egguschina@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	6
----------------------	----------

Глава 1. Становление этнографического знания и этнографического собрания Императорского Казанского университета

1.1. Начальный этап накопления этнографического знания в Императорском Казанском университете: Кабинет редкостей.....	18
1.2. Зарождение и развитие восточных народоведческих исследований в Императорском Казанском университете.....	35
1.3. Формирование музейного собрания по народам северо-восточной части Российской империи: Музей местных древностей и этнографии.....	51

Глава 2. Развитие этнографических знаний и этнографического собрания в Императорском Казанском университете

2.1. Актуализация поволжских этнографических исследований и научное комплектование Музея отечествоведения.....	72
2.2. Роль научных обществ Императорского Казанского университета в развитии антропологических и этнографических знаний.....	90
2.3. Значение учебных коллекций в становлении профессионального географического и этнографического образования: Кабинет географии.....	107

Глава 3. Роль Кабинета географии и этнографии в учебно-методическом, научно-исследовательском и культурно-просветительском пространстве Императорского Казанского университета

3.1. Учебно-методическая и научно-исследовательская деятельность кафедры географии и этнографии.....	126
3.2. Особенности развития этнографии как науки и учебной дисциплины в Императорском Казанском университете: экспедиции и экспедиционные коллекции.....	145
3.3. Предпосылки и процесс объединения этнографических коллекций Императорского Казанского университета: Этнографический музей.....	163
Заключение.....	183
Список сокращений.....	190
Архивные источники.....	191
Опубликованные источники.....	200
Литература.....	211
Arhivnye istochniki.....	226
Opublikovannye istochniki.....	233
Literatura.....	241
Сведения об авторе/ About the author:	253

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Том 39, № 1-2

Оригинал-макет и компьютерная вёрстка Солдаткин А. А.

Подписано в печать 14.06.2019 г. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16. Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 500 экз. Заказ № 157/6.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета: 420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37. Тел.: (843) 233-73-59, 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции. Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций.